

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025

№ 4 (25) декабрь 2014

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзила Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рашиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна, д-р. социол. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук (ОАО «Социнвестбанк»)

ЛЯНЧЕ Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектменеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МАХМУТОВ Анас Хусаинович, д-р экон. наук, профессор, академик АН РБ (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

САМРАИЛОВА Татьяна Константиновна, д-р полит. наук, профессор (Академия труда и социальных отношений, Москва)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д-р юрид. наук (Евразийский научно-исследовательский институт проблем права)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы)

Редакционная коллегия

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзила Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БЕЛЯЕВ Максим Анатольевич, руководитель Агентства примирительных технологий (Башкирский институт социальных технологий)

БИКТАГИРОВА Алсу Рашитовна, канд. психол. наук (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульнаز Физратаевна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	7
Терновая Л.О., Нигматуллина Т.А.	
Политические составляющие технологий стимулирования молодежи в современной России	7
Давлетшина Г.Р.	
Трудности адаптации индивидов в российском обществе к современным условиям	17
Хасанов Ф.З.	
Основные направления политики государства в сфере здравоохранения	19
Вяльых Н.А.	
Система медицинского обеспечения в США и в России: сравнительный анализ	23
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	30
Хайретдинов Р.А.	
Трансформация института государственной гражданской службы в современной России	30
Мясоедова В.А.	
Методологические механизмы формирования управленческой элиты	36
Головко Ю.М.	
Социальные сети в системе функционирования молодежных политических структур	42
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ	46
Бенина Л.И.	
Кросс- temporальный анализ развития политической культуры российского общества	46
Сулейманов Т.Ф.	
Социокультурные компоненты политической культуры (Часть II)	52
Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А., Абдрахикова Л.В.	
Вождизм как ключевой элемент идеологии фашизма (Часть II)	60

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.....	69
Аминов И.Р.	
Конституционно-правовое обеспечение самоопределения народов Российской Федерации	69
Гайдук В.В.	
Политические медиаторы этносоциальных и межкультурных коммуникаций	72
Сулейманов А.Р.	
Этносы и нации в современной политической теории: «двуглавый» подход	79
Абдулмазитов Р.Р.	
Энергетические процессы в Центральной Азии: политический аспект.....	83
Лукъянцев А.С.	
Бесконфликтное политическое развитие. Кейс Азиатско-Тихоокеанского региона	89
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ.....	93
Вальков А.А.	
К понятию религиозной идеологии и многообразию ее форм	93
Биктагирова А.Р., Саяхов Р.Л.	
Развитие кадрового потенциала религиозных организаций на примере духовного управления мусульман Республики Башкортостан	96
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ.....	102
Давлетшина Г.Р., Прокшина Л.Р.	
Соотношение игры и ценностных ориентаций в реализации социальной субъектности в современном обществе	102
Прокшина Л.Р.	
Игра как адаптационный потенциал индивида в динамичном социуме.....	105
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	108
Соегов М.	
Репрессированная национальная филология: безвинные жертвы «Большого террора» 1937–1938 гг.	108
Хадимуллин Р.Р., Хадимуллина Э.Д.	
«Материалы по истории Башкирской АССР» как один из источников изучения социально-экономической истории западных башкир в XVII–XVIII веках	118
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ	123
НАУКА	127
ШКОЛА МОЛОДОГО ЛИДЕРА.....	130
CONTENTS	133
АВТОРАМ	145

CONTENTS

BASES OF SOCIAL WELFARE STATE	7
Ternovaya L.O., Nigmatullina T.A.	
Political vectors of modern Russia	
youth encouragement technologies	7
Davletshina G.R.	
Difficulties of adapting the russian society individuals	
to the modern conditions	17
Khasanov F.Z.	
The main state policy directions in the area of public healthcare	19
Vyalykh N.A.	
Medical care system in the USA and Russia:	
comparative analysis	23
MANAGEMENT SOCIOLOGY	30
Khayretdinov R.A.	
Transformation of the institute of the state public service	
in modern Russia.....	30
Myasoedova V.A.	
Methodological mechanisms of administrative elite formation	36
Golovko J.M.	
Social networking sites in the function system	
of youth political framework.....	42
POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY.....	46
Benina L.I.	
Cross-temporal analysis of political culture development	
of russian society.....	46
Suleymanov T.F.	
Social and cultural aspects of political culture	
(Part 2).....	52
Suleymanov T.F., Kashapov U.A., Abdrafikova L.V.	
Leaderism as a key element of fascist ideology	
(Part 2).....	60

ETHNOPOLITICAL CONFLICT MANAGEMENT AND NATIONAL POLICY	69
Aminov I.R.	
Constitutional legal support of ethnicity self-determination in Russian Federation	69
Gaiduk V.V.	
Political mediators ethnosocial and intercultural lines of communication	72
Suleymanov A.R.	
Ethnic groups and nations in modern political theory: "bicapitate" approach	79
Abdulmazitov R.R.	
Energy processes in Central Asia: political aspect	83
Lukiancev A.S.	
Conflict-free political development. The case of Asia-Pacific region	89
PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGION STUDIES	93
Valkov A.A.	
Concept of religious ideology and variety of its forms	93
Biktagirova A.R., Sayahov R. L.	
Human resource development in religious organizations by the example of muslim spiritual board of the Republic of Bashkortostan	96
THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION AND UPBRINGING	102
Davletshina G.R., Prokshina L.R.	
The ratio of the game and value orientations in the implementation of social subjectivity in contemporary society	102
Prokshina L.R.	
Game as adaptational individual potential in dynamic society.....	105
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND HISTORICAL METHODS OF RESEARCH	108
SOYEGOV M.	
Repressed national philology: innocent victims of Great Purge 1937–1938	108
Khadimullin R.R., Khadimullina E.D.	
«Materials on the history of the Bashkir ASSR» as a source of socio-economic study of the history of western bashkirs in the 17–18 centuries	118
SOCIAL PROJECTS OF BIST	123
SCIENCE	127
SCHOOL OF YOUNG LEADERS	130
CONTENTS	133
FOR AUTHORS	145

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 323(470)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры «Социология и управление»
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
e-mail: 89166272569@mail.ru

НИГМАТУЛЛИНА Танзилия Алтафовна,
доктор политических наук,
директор Башкирского института социальных технологий
(филиала) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (Уфа)
e-mail: vova-velc@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются возможные виды стимулирования, побуждающие людей к активному образу жизни в той или иной сфере общественного развития. Выделяется особый набор стимулов, рассчитанных на молодое поколение. При этом система стимулирования молодежи рассматривается как подсистема более широкого образования, каковым выступает система политическая. Обосновывается необходимость эффективного управления мотивационно-стимулирующими процессами молодежи.

Ключевые слова: молодежь, стимулирование, политическая система, информационная среда, индекс креативности, корпоративная ответственность, технологии.

«Все управление, в конечном счете, сводится к стимулированию активности других людей.

Ли Якокка

С содержанием терминов, берущих свое начало в античной истории, порой происходят любопытные трансформации. Особенно поучительно, когда эти изменения касаются терминов, связанных с проблемами воспитания молодого поколения. Тогда по появлению нового содержания понятий можно судить об эволюции общества. Например, педагогом в Древней Греции (др.-греч. παίδαγωγός, «ведущий ребенка») называли раба, в ответственности которого была охрана юного воспитанника от физических и нравственных опасностей в то время, как этот раб сопровождал ребенка на занятия. А под стимулом (от лат. *stimulus*) в Древнем Риме буквально понималась остроконечная палка, которой можно было погонять животных. Прошло несколько столетий. Теперь стимулом считается внешнее воздействие на

поведение человека, побуждение его к чему-либо через механизм мотивации.

Понимание сути этого воздействия, повышение его эффективности имеет особое значение для социализации подрастающего поколения. Задачи стимулирования не только к трудовой деятельности, но и к обучению, службе в армии, участию в общественной жизни органически входят в программы молодежной политики. В этом спектре политической деятельности используется богатый арсенал форм стимулирования, которые различаются по прямому или косвенному воздействию, материальному или моральному наполнению. Стимулом выступает не только поощрение, но и наказание. Каждая новая эпоха и форма управления предлагала собственные виды стимулирования, ориентированные на побуждение человека к активности в значимой для того времени области общественного развития [2; 4–6].

Несмотря на то, что материальное стимулирование всегда предполагало вознаграждение в виде денег или какого-либо имущества, что не обнаруживало принципиальных отличий в подходах в разные времена, оно не могло не отражать политических реалий. Что же касается нематериального стимулирования, то оно прямо было связано с ними, свидетельствовало об опыте и возможностях власти и управленицев всех уровней, духовно-нравственном состоянии общества. Даже когда применялись социально-бытовые меры стимулирования, как например, предоставление жилья, особой пенсии, обеспечения обучения детей, системы подарков к дням рождения и юбилеям, по ним можно было судить об общественном климате.

Еще больше о нем могут рассказать применяемые социально-психологические методы стимулирования. Легко замеряется соотношение похвалы и порицаний, учитывается престижность знаков отличия и выражения признания, в частности в виде государственных премий или премий различных организаций. Следует оценивать уровень публичности стимулирования, не забывая о роли непубличного стимулирования. Для вертикальной социальной мобильности молодежи актуально стимулирование ответственностью, обучением и свободным временем, делегированием полномочий, возможностью напрямую обращать-

ся к руководству, признание ошибок которого, также можно считать побудительным действием к дальнейшей более эффективной работе. В мире корпораций стимулированию помогает правильно наложенная корпоративная культура, которая вносит свой вклад не только в целом в культуру общества, но и в политическую культуру.

Несомненно, в стимулировании молодежи важным фактором выступает желаемый и возможный вектор приложения усилий. Это может быть не трудовая активность, а военная служба, благотворительность, творчество и даже правовое стимулирование правдивых показаний участников уголовного или административного процесса, хотя стимулирование побуждения к труду имеет более длительную историю и соответственно большее число форм [9]. Среди них есть и те, которые имеют отложенный характер и проявляются, например, в возможности в будущем получить компенсацию за трудовые усилия.

Такая ориентированность стимулирования на будущее позволяет говорить об особом наборе стимулов, рассчитанных на молодое поколение. Во-первых, для молодежи значимо получить удовлетворение потребностей как в настоящем, так и видеть свое развитие в будущем. Во-вторых, социальные технологии стимулирования молодых людей направлены на широкий спектр задач социализации молодежи, включая политическую. В-третьих, с учетом готовности молодых людей к инновациям, на основе анализа применения системы стимулов можно видеть, насколько эффективными могут быть предлагаемые механизмы управления. В-пятых, по реакции молодых людей на используемые методы стимулирования возможно выявление отживших свой век подходов. Для молодежи требуется система творческого стимулирования, которая позволяет ей выразить отличительные черты данного поколения, а для каждого отдельного молодого человека показать собственные умения. Подобная система не ограничивается рамками производственного процесса или учебной работы, а включает условия для самореализации.

Систему стимулирования молодежи можно рассматривать как подсистему более широкого образования, каковым выступает политиче-

ская система. Поскольку один из краеугольных камней мобилизационной системы заключается в активном участии масс в политической жизни, очевиден рост рядов молодежных организаций, особенно тех, которые являются резервом и помощниками правящих партий. Вступление молодого человека в такую организацию предполагает в дальнейшем применение к нему системы стимулов, отражающих высшую цель данной политической общности.

Конвергентная система с сильным либеральным началом построена на принципе акумулирования интересов и потребностей различных акторов. Однако и она не может функционировать, не ранжируя их самих и, соответственно, их интересы по значимости, выстраивая приоритеты и разрабатывая пути их удовлетворения. Это и есть механизм реагирования на требования социальной среды и адаптации к ее изменениям, включая реакцию на потребности молодежи и трансформации, происходящие в молодежной среде. При всем многообразии вариантов таких политических систем у них есть много общего, помимо либерально-демократической платформы.

В условиях информационной революции именно информационная компонента становится определяющей эффективности любых политических и экономических действий. Значение информационной компоненты кратно возрастает, когда она используется в качестве инструмента экономической конкуренции, являющейся важнейшим институтом современной рыночной экономики. Принципиальными являются также выработка и проведение в жизнь осмысленной государственной конкурентной политики четкого и систематизированного законодательства в сфере стимулирования и охраны конкуренции. В Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (научный руководитель В.И. Якунин) разработан нормативный правовой акт, определяющий государственную политику в области стимулирования и защиты конкуренции, — Доктрина государственной конкурентной политики в Российской Федерации, содержащая программу конкретных государственно-управленческих действий и решений в рамках конкурентной политики. В качестве новеллы конкурентного права авторы

этого документа предлагают нормы, посвященные стимулированию конкуренции [12]. Можно провести некоторые аналогии с китайской программой экономического стимулирования — планом, который предусматривает масштабные госинвестиции в развитие инфраструктуры, системы здравоохранения и образования, прежде всего в отсталых сельскохозяйственных внутренних провинциях Китая, строительство дешевого жилья, а также в программу восстановления районов, разрушенных землетрясением в мае 2008 г. [10]. В китайском опыте поучительно то, что, согласно данной Программе, 150 трлн юаней было направлено на нужды образования, на культуру и планирование семьи, то есть на сферы, непосредственно касающиеся молодежи [18].

Новая информационная среда создает благоприятное пространство для всех форм как нематериального, так и материального стимулирования молодежи. Она раскрывает перед молодым человеком новые горизонты карьерного роста и личного развития, формирует стандарты качества и создает определенные стереотипы благополучия, к которым можно стремиться. К отличительным чертам современной системы стимулирования молодежи следует также относить более высокие требования к организации обратной связи, которая включает обязательную информацию об эффективности работы, а кроме того, набор откликов на любую активность. Так как просто успешное выполнение работы уже выступает в роли дополнительного стимула, то оповещения о ее результатах служат инструментом повышения уровня мотивации исполнителей. К таким откликам относятся традиционные сообщения в средствах массовой информации, включая электронные, многообразные виды наглядной агитации. К ним же добавляются сведения о месте производственной или учебной структуры, где работают или учатся молодые люди, в рейтингах, отражение их в имидже организации. Следует учитывать, что в Российской Федерации у некоторых разновидностей такого стимула, например, у Досок Почета, переходящих знаменах, вымпелах, грамотах, сохраняется шлейф воспоминаний о советском прошлом. Но надо не перечеркивать то положительное, что, скажем, было накоплено в ходе социалистического со-

ревнования, а творчески использовать. Это же можно отметить и применительно к практике наград общественных организаций. Например, Значок ЦК ВЛКСМ и Министерства высшего и среднего специального образования СССР «За отличную учебу» (вуз) был учрежден Постановлением Бюро ЦК ВЛКСМ Б-26/11 от 26 октября 1971 г. Решение о награждении конкретного студента-отличника принималось советом учебного заведения (факультета) и соответствующим комитетом комсомола. Вместе со значком «За отличную учебу» вручалось удостоверение установленного образца. Фотографии отличников помещались на Доски Почета. В настоящее время можно подумать о возрождении подобной формы выделения достижений студента в учебе студенческим профсоюзом. Если говорить о специфике стимулирования студенческой молодежи, то подобные меры могут быть направлены не только на обучение, но и работу студентов во внеучебное время, например, в студенческих строительных отрядах. Это создает основы системного стимулирования студенчества и придает такому процессу политический характер.

Важнейшей причиной социального дискомфорта молодежи является отсутствие или плохая работа каналов вертикальной мобильности. Даже там, где нет возможности обеспечения карьерного роста молодых людей, наблюдается потребность в использовании таких методов организационного стимулирования, как кадровые перестановки и ротация. Их позитивный эффект заключается в получении молодым работником нового опыта, вхождения в иное окружение, а при изменении расположения структуры предприятия происходит и переезд на другое местожительства, что дает основание для полной смены обстановки. Конечно, при реализации программы кадровых перестановок неизбежны риски. Причем следует различать риски производственного характера, когда новый работник, не войдя в курс дела, может совершить ошибки. Однако не исключены риски психологического плана вследствие сложной притирки нового сотрудника к новому коллективу или обид тех работников, на место которых он назначен.

Отсюда можно предположить, что для молодых работников молодых предприятий са-

мым безболезненным способом стимулирования выступает реструктуризация. Введение гибкой функциональной структуры создает условия для постоянного поиска, удовлетворяет потребности в риске, самореализации, повышает ответственность. Правда, такой реструктуризации легче поддаются малые предприятия, тогда как в больших компаниях использовать реструктуризацию в целях стимулирования молодых работников исключительно сложно. Однако и там путем создания различных рабочих групп и творческих коллективов, объединяющих трудящихся в разных подразделениях, можно добиться повышения самооценки участников таких групп, что, естественно влияет на выполнение ими непосредственных обязанностей, даже если эти группы имеют совещательный, консультативный статус. В идеале возникает ситуация, когда результаты активности подобных творческих групп влияют на принятие решений в компании в целом. Следует помнить, что положительный эффект может смениться отрицательным, если участие молодого человека в такой рабочей группе резко повышает его рабочую нагрузку, не оставляет времени ни на досуг, ни на физическое и эмоциональное восстановление.

Стимулирование входит в комплекс задач, решаемых в ходе различных видов конкурсов на занятие вакантной должности, аттестации и пр. При этом желательно — особенно для молодых работников — добиваться соединения этой процедуры с процессом самооценки сотрудника. Такое совмещение внешней оценки и самооценки способствует формированию некой психологической «подушки безопасности», не позволяет испытывать чувство страха от возможной потери рабочего места, определенного положения в коллективе, более того, позволяет корректировать настрой на достижение высоких результатов с учетом не просто конкретной работы, но и каждого отдельного человека. Для начинающих свою трудовую жизнь молодых людей, их руководителей и коллег должно быть очевидным влияние на семью, места жительства, полученного образования, вовлеченности в занятия спортом, формируемого круга досуговых интересов. Это поможет избежать ошибок в оценке эффективности вклада сотрудника в работу и не снизить его мотивацию.

В процессе создания инновационной экономики и перехода на инновационные рельсы многократно возрастает значение творческого стимулирования молодежи. Оно полностью удовлетворяет потребности молодых людей в самосовершенствовании, самовыражении, самореализации. В этой связи нельзя не упомянуть о теории самоактуализации (от лат. *actualis* — действительный, настоящий; само выражение) Абрахама Маслоу, как о развитии стремление человека к возможно болееному выявлению и развитию своих личностных возможностей [7]. Любопытно, что, по воспоминаниям самого Маслоу, его исследования в области самоактуализации изначально не планировались как исследования и начинались не как исследования. «Они начинались как попытка юного мыслящего человека понять двух своих учителей, необыкновенных людей, которых он любил и которыми восхищался. Это было своего рода поклонение высочайшему интеллекту. Мне мало было просто обожать их, я стремился понять, почему эти два человека так отличаются от обычных людей, которыми полон мир. Эти два человека были Рут Бенедикт и Макс Верхаймер» [7]. Маслоу подчеркивает роль учителя, без которого творческий процесс может не получить необходимого импульса.

Также исследователи, суммируя выводы американского психолога, выделяют общие характерные черты, которые, как считал Маслоу, имеют самоактуализированные люди: более эффективное восприятие реальности и более удобные отношения с реальностью; принятие (себя, других, природы); непосредственность; простота; естественность; сосредоточенность на проблеме (в противоположность концентрированности на себе); способность обособиться, потребность в уединении; автономия, независимость от культурных штампов и окружения; сохраняющаяся свежесть восприятия; наличие мистического и вершинного опыта; чувство общности с другими (нем. *Gemeinschaftsgefühl*); более глубокие и проникновенные взаимоотношения; демократичность; способность распознавать цели и средства, хорошее и плохое; философский, незлобный доброжелательный юмор; креативность; сопротивление окультуриванию, умение быть вне любой определенной культуры [15].

Вместе с тем для формирования развития личности по типу самоактуализации необходимы благоприятные условия. Прежде всего, к ним относится благоприятный социально-исторический фон. Однако, помимо общих условий, важны и частные. Так, в 2011 году Martin Prosperity Institute (MPI), руководителем которого является известный исследователь проблем креативного класса Ричард Флорида, опубликовал доклад, посвященный сопоставлению креативности и благосостояния государств [13–14]. В этом отчете исследователи представили публике итог подсчета глобального индекса креативности по методике, разработанной Флоридой на основе статистического анализа данных из 82 стран мира. В целях введения нового критерия глобальной креативной конкурентоспособности имевшийся до этого в распоряжении исследователей глобальный индекс креативности был расширен и обновлен. Новый индекс креативности оценивает и ранжирует государства по трем ключевым показателям — трем «Т»: «технологии», «талант» и «толерантность».

«Технологии» означают инвестиции в научные исследования и разработки, число исследователей и патентов на душу населения. Для измерения индекса технологий были взяты такие показатели, как число патентов, объем инвестиций в научные исследования и разработки в процентном отношении от ВВП страны, а также число исследователей на душу населения. «Талант» измеряется уровнем и характером образования (доля людей, имеющих высшее образование), наличием креативного класса (доля людей творческих профессий от общего числа трудоспособного населения). «Толерантность» — это отношение общества к иммигрантам, расовым и этническим меньшинствам, а также к сексуальным меньшинствам, согласно данным социологических опросов Gallup [20]. Разумеется, все три показателя можно наполнить данными, раскрывающими то, как в их развитии проявилась роль молодежи. Такие данные полезны для разработки и внедрения программ стимулирования закрепления молодежи в сфере науки, развития молодежного инновационного предпринимательства [3].

Поскольку возможности самореализации зависят от уровня образования, то значимым

стимулом для молодых людей становится получение образования и доступность различных форм повышения квалификации, чему в разной степени помогают формы движения научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Сейчас в Российской Федерации Агентство стратегических инициатив (АСИ) возрождает движение НТТМ. Однако упор делается на новые формы НТТМ. Например, сюда относятся центры быстрого прототипирования, где школьники под руководством инструкторов на самом современном оборудовании смогут в командах разрабатывать и производить новые полезные изделия. В основе таких центров лежит идея под названием FabLab (англ. *fabrication laboratory* — «производственная лаборатория»), которая зародилась в Centre for Bits and Atoms (CBA) в Массачусетском технологическом институте (MIT). В Москве по опыту FabLab уже функционируют: лаборатория FabLab@School в лицее № 1502 при Московском энергетическом институте (МЭИ), лаборатория робототехники и 3D-технологий центра профориентации «Ориентир», лаборатория НТТМ центра профориентации «Технорама на Юго-Востоке» и, наконец, лаборатория 3D-моделирования и быстрого прототипирования, созданная в рамках направления профориентации в самом информационно-аналитическом центре департамента образования Москвы, где проходило нынешнее совещание. Участники получают навыки и вкус к различным профессиям: от инженера, программиста и промышленного дизайнера до предпринимателя [11].

Большую роль играет возможность продемонстрировать собственные изобретения и ознакомиться с работами других. В 2014 году на обновленной Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве организована уже 14-я Всероссийская выставка НТТМ. Она представляет собой интерактивную площадку для презентации и оценки молодежных проектов, ориентированных на научно-техническую сферу деятельности с целью их дальнейшего развития и продвижения для формирования инновационной экономики страны, а также вовлечение в научно-исследовательскую деятельность детей школьного возраста, привитие моды на интеллект. Участниками выстав-

ки являются: авторы научно-технических проектов в возрасте до 30 лет из регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья — учащиеся учреждений начального, среднего, среднего профессионального и дополнительного образования, студенты и аспиранты, молодые специалисты — победители региональных смотров, конкурсов, олимпиад; учреждения начального и дополнительного образования детей и подростков; учреждения высшего профессионального образования; образовательные центры и ассоциации; общественные некоммерческие детские и молодежные организации; зарубежные и отечественные научные центры, музеи, ассоциации, клубы; студенческие общественные объединения; научно-промышленные и научно-исследовательские учреждения, промышленные предприятия; технопарки, венчурные фонды, бизнес-инкубаторы, структуры поддержки инновационного стартапа; естественнонаучные и технические музеи.

Экспозиция выставки дает комплексное представление о разнообразии интересов и достижений молодежи, перспективах создания молодежных исследовательских и инновационных проектов; знакомит с авторскими программами в сфере образования, творческого воспитания и профессиональной ориентации, представляет деятельность научных студенческих обществ; общественных организаций молодых ученых и специалистов; творчество победителей конкурсов, фестивалей международного и межрегионального уровня. Экспозиция также демонстрирует пошаговую подготовку инженерно-технических кадров «Вовлечение — Образование — Карьера» [19].

Нельзя забывать о том, что для развития и саморазвития молодого человека важны не только работа, но и отдых. Поэтому все разнообразнее становятся формы стимулирования свободным временем [1]. С одной стороны, они позволяют компенсировать повышенные физические или нервно-эмоциональные затраты работников на современном предприятии или в офисе. С другой стороны, благодаря этому формируется более удобный режим работы, который позволяет уделять внимание другим делам, в том числе благотворительности, волонтерству [8]. В этой связи можно отметить

не просто форму «Банка времени», а такой его разновидности, как «Волонтерский банк времени». Идея этого своеобразного резервуара времени возникла в начале 1980-х гг. у юриста и общественного деятеля Эдгара Кана. Популярности «Банка времени» способствовала публикация его книги «Больше нет одноразовых людей» [17].

Первые «Банки времени» появились в США по инициативе Кана в 1987 году, в Англии — в 1998 году, затем социальное движение взаимопомощи распространилось по другим странам мира. Так сформировался новый инструмент повышения эффективности волонтерской деятельности в общине, который дает возможность подобрать конкретным волонтерам соответствующую их интересам и навыкам работу. «Банк времени» позволяет привлекать и вербовать новых волонтеров, «платить» волонтерам за их работу, а также отслеживать и контролировать волонтерскую деятельность. Благодаря лучшей организации работы повышается ее психологическая отдача, что позволяет расценивать данное направление как разновидность нематериального стимулирования.

Понятно, что подобная форма волонтерской помощи особенно подходит молодым людям, стремящимся содействовать нуждающимся, но часто не имеющим для этого ни должных знаний и навыков, ни свободного времени. Поэтому «Банк времени», который одновременно носит и обучающие функции, способен стимулировать его участников как на расширение сферы оказания помощи, так и на саморазвитие.

В условиях, когда многими производственными процессами руководят крупные корпорации, корпоративная культура становится своеобразным гидом по правилам поведения новых сотрудников. Но не только. Корпоративная идентичность гораздо старше современных транснациональных корпораций. Ценность корпоративной идентичности была осознана в Средние века, когда само средневековое общество, в первую очередь, складывалось как общество корпоративное. Права и обязанности конкретного человека зависели от его принадлежности к определенной корпорации: цеху, гильдии, городу, общине, монастырю, университету, рыцарству. Каждая из таких общностей имела свои законы и правила поведения,

способствующие сглаживанию противоречий между ее членами. В XXI в. с появлением ТНК, их превращением не только в субъектов глобальной экономики, но и акторов мировой политики значение корпоративной идентичности стало выходить за рамки простого подтверждения приверженности работника фирме, в которой он служит. Не случайно Всемирный экономический форум (Давосский) вместе с рядом других организаций выступил в июле 2001 г. с Глобальной гражданской корпоративной инициативой. Предлагая ее, ВЭФ исходил из того, что в отличие от некорпоративного мира в корпоративном секторе отсутствует организационная структура. Это затрудняет взаимодействие корпоративных структур между собой как на национальном, так и на наднациональном уровне. Вместе с тем, есть проблема стимулирования активности молодежи, занятой в корпоративном секторе, которую такая бы структура помогала решать. Речь идет о расширении вовлечения молодежи в акции, связанные с корпоративной социальной ответственностью (КСО).

КСО является относительно новым каналом расширения возможностей бизнеса вносить вклад в социальные цели. С точки зрения корпоративной культуры и корпоративной идентичности, приверженность работника компании ценностям достойного безопасного труда, защите экологии, построению благоприятных отношений в сообществе играют все более важную роль не только в том, как общество воспринимает эту компанию, но и в чувстве его удовлетворенности своим трудом, в росте их приверженности своей организации. А это отвечает задачам стимулирования. Компании, которые практикуют стратегии КСО, участвуют в территориальном развитии, что дает им основание выступать участниками процесса этого развития в партнерстве с местными органами власти и структурами гражданского общества. В Российской Федерации за последнее десятилетие понятие «корпоративная социальная ответственность», первоначально введенное российскими филиалами международных корпораций, получило широкое распространение. Сейчас оно принимается практически всем деловым сообществом. В 2004 году конгресс Российского Союза Промышленни-

ков и Предпринимателей (РСПП) принял Социальный Кодекс, который определил социальную миссию российских фирм как устойчивое развитие независимых и ответственных компаний, которые при соблюдении своих экономических интересов в то же время гарантируют социальную стабильность, безопасность и процветание граждан, защиту окружающей среды и соблюдение прав человека. Предприятие, придерживающееся Кодекса, принимает ответственность за качество своих услуг, действует в соответствии с трудовыми правами и ценностями деловой этики, уважая налоговую дисциплину и снижая неблагоприятные воздействия на окружающую среду.

Любая ответственность, в том числе социальная корпоративная, всегда имеет персональное изменение. Желательным является расширение возможностей ответственного делового поведения молодых работников через их вовлечение в программы социально ответственного маркетинга, передовые социальные практики, инвестиции в культурные и образовательные проекты, сотрудничество с международными программами. Также соединение элементов стимулирования и корпоративной культуры способствует формированию работников нового типа.

Вопросы формирования корпоративной культуры и идентичности нельзя отрывать от сложившейся практики корпоративного управления. В современном мире выделяются две основные модели такого управления — американская (англо-американская) и немецкая. Некоторые специалисты говорят также об особой японской модели. Несмотря на разность управлеченческих подходов для всех этих моделей характерна акцентировка корпоративных ценностей. Этому способствуют и схемы продвижения по службе, внушающие низовому звену уверенность в возможности карьерного роста, и корпоративные праздники, символика корпораций и т.д. Такая корпоративная культура развивается и в России. Достаточно зайти на сайты российских корпораций или почитать сборник корпоративных гимнов, чтобы в этом убедиться. Разумеется, нет ничего плохого в том, что корпорации заботятся об укреплении собственной структуры, используя широкий арсенал средств, включая средства стимулирования молодых со-

трудников. Но в условиях глобализации появляется все больше и больше транснациональных компаний, которые часто, становясь глобальными, не расширяют открытость, в том числе по линии (КСО). Это и работающую в них молодежь ограничивает в проявлении активности, выходящей за рамки производственной, имеющей не только территориальное, но и общеполитическое значение.

Корпоративная идентичность не просто выделяется из имеющегося набора идентичностей, на то она и идентичность, но даже иногда противопоставляется им. В этом случае служащий, оказавшийся в результате увольнения вне корпорации, может почувствовать себя изгоем, если не имеет других характеристик идентичности. А в условиях роста конкуренции в будущем вполне возможно формирование нового образа «врага», в основе которого будет лежать не экономическая компонента конфликта, а корпоративная идентичность [16]. Таким образом, корпоративная культура может играть роль как стимулирующую, так и антистимулирующую, что пагубно может отражаться на молодых работниках, которые в условиях кризиса первыми подвержены риску увольнения.

Избежать или, по крайней мере, снизить риск увольнения помогает стимулирование обучением, которое следует рассматривать как заботу о повышении квалификации молодых работников. Ряд известных иностранных компаний (Procter&Gamble, Mars, Kelly Services) внедрили подготовку персонала непосредственно под свои организации. Они ежегодно производят набор молодых сотрудников с целью их дальнейшего обучения, а затем непосредственного привлечения к деятельности. Основной мотивацией молодых сотрудников является возможность продвижения по служебной лестнице: приобретая опыт, профессиональные знания и навыки, многие в результате получают должность в компании.

Отличие в политике стимулирования молодежи от представителей старших возрастов состоит в том, что требуется придерживаться иной пропорции мер позитивного и негативного стимулирования. Причины здесь достаточно прозрачны. Негативное стимулирование, прежде всего, связано с блокированием прежнего трудового поведения посредством снижения уров-

ня удовлетворения потребностей. Однако у многих молодых людей опыта трудового поведения, накопленного в прошлом, нет, блокировать нечего. Негативные стимулы, скорее всего, приведут к смене места работы или учебы, а в целом будут направлены на снижение не только трудовой, но и социальной активности молодежи или же, наоборот, в случае массового снижения зарплаты, введения штрафов, переводов на ниже оплачиваемую работу и пр. способны вызвать социальный протест. Поэтому данный инструмент применительно к молодежи следует применять с осторожностью. А его распространение можно рассматривать как пренебрежение предпринимателями задачи развития человеческого капитала.

Безусловно, негативное стимулирование является эффективным инструментом и вне рамок производственной жизни, в деятельности общественных организаций, особенно организаций молодежных. Они должны постоянно учитывать особенности возраста, наличие свойственной молодым людям увлеченности, романтики, стремления к приключениям. Эти черты были присущи молодежи всегда. Но в условиях обострения геополитических рисков, появления новых типов революций, действующей силой которых становится молодежь, пополнения рядов экстремистских движений в странах развивающихся молодыми людьми из развитых стран вопросы стимулирования молодежи получают уже не просто политическое, а геополитическое наполнение. И если власти государства, его институты гражданского общества не будут заботиться о том, чтобы у молодых людей были ясные, четкие и в то же время отвечающие современным запросам и картине будущего стимулы к развитию и саморазвитию, об этом могут позаботиться деструктивные силы. Только и стимулы у них подобны замкам феи Фата-Морганы, но выйти из того места, куда они заманили, возможности нет.

Россия имеет разнообразный опыт развития и становления системы стимулирования подрастающего поколения. В настоящее время все заметнее становится вклад технологий стимулирования в повышение конкурентоспособности Российской Федерации. А это определяет потребность в теоретических основаниях включения технологий стимулирования

в программы современной молодежной политики, совершенствования системы мотивации и стимулирования в условиях роста социально-политической активности молодежи. К основным направлениям политики стимулирования молодых людей относятся не только сферы учебы и трудовой деятельности. Все больше внимания обращается на стимулирование исполнения молодыми людьми обязанностей военной службы (здесь уместно вспомнить реакцию студентов на создание научных рот), организацию и развитие добровольческого движения, ориентированного на пропаганду и стимулирование здорового образа жизни среди подростков и молодежи, стимулирование молодых людей свободным временем в целях его патриотического наполнения.

Вместе с тем в политике стимулирования молодежи есть еще много резервов, неиспользованных возможностей, в частности, в привлечении к ней различных общественных объединений. Без эффективного управления мотивационно-стимулирующими процессами молодежи сложно построить инновационную экономику, обеспечить высокий уровень международной конкурентоспособности России. А это задачи первостепенной политической важности.

Литература

- [1] Гаврилова О.Г. Стимулирование свободным временем // Справочник по управлению персоналом. — 2011. — № 3. — С. 23– 24.
- [2] Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанова Е.А., Ловчева М.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. — М.: Инфра-М, 2011.
- [3] Книга А.С., Синицын В.А., Федоров В.А., Петроченко Ю.И. Реализация проекта «Стимулирование молодежного инновационного предпринимательства в Российской Федерации» в Алтайском крае // Ползуновский альманах. — 2011. — № 2–4. С. 270–272.
- [4] Козычева Н.Б. Проблемы и задачи стимулирования // Менеджмент в России и за рубежом. — 2001. — № 2. — С. 25–29.
- [5] Комаров Е.И. Измерение мотивации и стимулирования «человека работающего». Измерительная концепция и измеряющие методики: учеб. пособие. — М.: РИОР, Инфра-М, 2014.
- [6] Литвинюк А.А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. Теория и практика: учебник. — М.: Юрайт, 2014.

- [7] *Маслоу А.* Мотивация и личность = Motivation and Personality / пер. А.М. Татлыбаевой. — СПб.: Евразия, 1999.
- [8] *Нигматуллина Т.А.* Технология добровольчества как инструмент социализации молодежи // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2013. — № 3. — С. 120–129.
- [9] *Новиков С.А.* Правдивые показания. Правовые меры стимулирования в России и за рубежом. — СПб.: Юрид. фак-т СПб. гос. ун-та, 2008.
- [10] *Рассел Дж., Кон Р.* Китайская программа экономического стимулирования. — М.: Книга по Требованию, 2013.
- [11] *Самохин А.* Второе рождение НТТМ [Электронный ресурс]. — URL: <http://file-rf.ru/analitics/512>
- [12] *Сулакшин С.С.* Доктрина государственной конкурентной политики в Российской Федерации (макет-проект). — М.: Научный эксперт, 2009.
- [13] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее = The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. — М.: Классика-XXI, 2005.
- [14] *Флорида Р.* Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда = The Great Reset: How New Ways of Living and Working Drive Post-Crash Prosperity. — М.: Классика-XXI, 2012.
- [15] *Фрейдджер Р., Фейдимен Дж.* Личность. Теории, упражнения, эксперименты. — М.: Прайм-Еврознак, 2004.
- [16] *Эко У.* Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. — М.: ACT, Corpus, 2014.
- [17] *Cahn E.S.* No More Throw Away People. — Washington, DC: Essential Books, 2004.
- [18] China's Stimulus Package: A Breakdown of Spending [Электронный ресурс]. — URL: http://www.eeo.com.cn/ens/finance_investment/2009/03/07/131626.shtml
- [19] Официальный сайт Выставки НТТМ [Электронный ресурс]. — URL: <http://nttm-expo.ru>.
- [20] Официальный сайт Martin Prosperity Institute — URL: <http://www.martinprosperity.org>

УДК 323(470)

ДАВЛЕТШИНА Гульнара Рафисовна,

кандидат философских наук,

старший преподаватель кафедры философии

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный медицинский университет»

e-mail: dgr82@rambler.ru

ТРУДНОСТИ АДАПТАЦИИ ИНДИВИДОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ К СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ

Индивиды в российском обществе оказались неспособны к творческой, инновационной деятельности, что в немалой степени предопределило трудности адаптации основной их массы в рисковом обществе.

Ключевые слова: принудительная адаптация, рисковое общество, девиантное поведение, социокультурное пространство.

В современном российском обществе ценности, имеющие приоритетное обобщенное выражение, не сложились, так как радикальные реформы, несли с собой новые ценности, которые принимались индивидами вынужденно. Исследователи отмечают: «Подавляющая часть населения оказалась не готова к таким радикальным преобразованиям. Очень многие не смогли найти свое место в рыночной экономике, приспособиться к новым политическим условиям... Для большинства крайне неблагоприятная ситуация „принудительной“ или „вынужденной“ адаптации, неподготовленность к подобного рода стремительным переменам стали причиной глубокого внутреннего кризиса» [1, с. 14]. Российское общество оказалось неспособным к творческой, инновационной деятельности, то в немалой степени предопределила трудности адаптации основной массы трудоспособного населения к рыночной экономике. Причем адаптироваться пришлось не к тому рынку, который существовал в представлениях отдельных групп и слоев, а к реальной рыночной экономике, со всеми ее недостатками, многократно усиленными в рисковом обществе.

Социолог Парсонс исследовал, как социальная структура побуждает не которых членов общества к не соответствующему предписаниям поведению. По его мнению, среди множества элементов социальной структуры

можно выделить два особенно важных, которые принципиально влияют на характер адаптационного поведения людей. «Первый состоит из определенных культурой целей, намерений и интересов, выступающих в качестве законных целей всего общества или же для его отдельных слоев. Второй элемент «определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей... В любом случае выбор средств достижения культурных целей ограничивается институализированными нормами» [4, с. 44].

Разбалансированность между культурными целями и институциональными средствами их достижения приводит к состоянию аномии, которое означает, что ценностные регуляторы слабы, соответственно, противоречия между целями и средствами, их характер и острота влияют на то, принимают ли люди общественные цели и используют ли они нормативные или незаконные средства для их достижения, что побуждает индивидов в обществе к выбору того или иного типа адаптации [6, с. 428].

Однако в современном обществе трудно определить, что конкретно относится к культурным целям и институциональным средствам их достижения, так как еще П. Сорокин, говоря о социокультурном пространстве, отмечал, что в нем истинной «реальностью-ценностью» выступает неопределенное многообразие [6, с. 345]. В наши дни ученые рассматривают со-

циокультурное пространство как «сложную, открытую самоорганизующуюся систему» [2, с. 31]. Поведение индивидов в российском обществе вызывает установку на готовность рисковать, вырабатывая инновационные методы достижения цели, что конкретно проявляется в выборе средств достижения богатства и власти. Ярким примером адаптации индивидов в обществе является игра. «В эпоху системного кризиса современной цивилизации нет другого выхода из него, кроме как включения творческих разумных начал, одной из которых является игра. Адаптационный ресурс игры позволяет индивиду в современном динамичном обществе проиграть свои действия и получив, социальную зрелость включиться в общественную жизнь общества без больших потерь» [5, с. 392]. Для понимания природы и распространённости данного типа адаптации важно учесть непреднамеренные последствия того, что далеко не все факты правонарушений выявляются правоохранительными органами. Латентные функции непоследовательной борьбы властей с преступностью, а также снисходительное отношение общества к девиантному поведению приводят к распространению данного типа адаптации. «Если бы общественное сознание не принимало мошенников, их было бы намного меньше», — отмечает Мертон, добавляя при

этом, что основная причина подобной ситуации не только в личных пороках, сколько в «болезни» социальной структуры общества, что сужает каналы институциональных средств для достижения целей, свертывает возможности обретения новых социальных статусов, исполнения ролей, необходимых для участия в демократической жизни и вхождения в рыночные отношения [3, с. 78]. Это особенно актуально для современной России.

Литература

- [1] Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже ХХ–XXI веков. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.
- [2] Мертон Р. Структурно-функциональный анализ // Американская социологическая мысль. — М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996.
- [3] Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. — М.: МГУ, 1994.
- [4] Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Ин-т социологии РАН, 1993.
- [5] Прокшина Л.Р. Игра как адаптационный ресурс в современном обществе // В мире научных открытий. Сер. Проблемы науки и образования. — 2012. — № 9.3 (33).
- [6] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.

ХАСАНОВ Фидель Загирович,

кандидат политических наук,

помощник судьи Верховного Суда Республики Башкортостан

e-mail: tackbir@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Статья посвящена основным направлениям государственной политики в сфере здравоохранения: рассматриваются основные цели, задачи и направления; освещаются проблемы реализации и пути совершенствования.

Ключевые слова: здравоохранение, государственная политика, система здравоохранения, здоровье.

Значение сферы здравоохранения трудно переоценить: она позволяет обеспечить достижение таких целей, как естественный прирост населения, высокий уровень жизни всех представителей общества, равные возможности для удовлетворения бытовых условий жизни и трудовой деятельности разных социальных слоев. При этом «нездоровая» политика государства в сфере здравоохранения препятствует реализации этих задач, приоритетных для социально-экономической политики любого государства.

Политика государства по развитию системы здравоохранения на долгосрочную перспективу требует создания единого правового механизма регулирования и охраны позитивных отношений, складывающихся между пациентом и медицинским работником. Это позволит сформировать уверенность граждан в защищенности их статуса, а в сознании медработников — повысить авторитет закона и его восприятия как нормативного документа, стимулирующего к надлежащему исполнению профессиональных функций [1].

Между тем социальная и правовая политики государства в данной сфере далеко не всегда эффективны и, как следствие, не в полной мере удовлетворяют медицинским потребностям граждан. Внимание общественности в последнее время вновь сфокусировалось на факторах, негативно характеризующих отрасль здравоохранения. Речь идет о неудовлетво-

ренности населения существующим уровнем медицинского обслуживания и низкой квалификацией врачей, проблемах привлечения их к уголовной ответственности за отклоняющееся от профессионального стандарта поведение, приводящее к человеческим жертвам. Согласно информации, озвученной Президентом Российской Федерации на заседании президиума Госсовета 30 июля 2013 г., лишь треть россиян удовлетворены уровнем медицинского обслуживания в стране. Исходящие от граждан претензии к объему и качеству предоставляемых учреждениями здравоохранения медицинских услуг вполне обоснованы.

Неотъемлемым элементом современной политики является разработка федеральных, региональных и муниципальных программ, где формируются текущие и перспективные задачи в сфере здравоохранения и меры по их реализации.

Сложность проведения той или иной государственной политики связана с тем, что в этом процессе задействованы все государственные органы: центральные, региональные, местные, а также затрагиваются интересы различных отраслей и ведомств, организаций, групп влияния и, наконец, отдельных лиц.

Для реформирования системы здравоохранения необходима соответствующая нормативно-правовая база. Кроме этого, следует подготовить и принять соответствующие нормативно-правовые документы, уточняющие и допол-

няющие отдельные положения действующих и вновь принимаемых законов. В первую очередь это относится к нормативно-правовым актам по усилению контрольных и надзорных функций государства в отрасли здравоохранения по вопросам лицензирования и аккредитации, сертификации и усиления контроля за качеством предоставления медицинских услуг, повышения структурной эффективности здравоохранения, усиления профессиональной ответственности медицинских работников.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» основной целью государственной политики в области здравоохранения на период до 2020 года является формирование системы, обеспечивающей доступность медицинской помощи и повышение эффективности медицинских услуг, объемы, виды и качество которых должны соответствовать уровню заболеваемости и потребностям населения, передовым достижениям медицинской науки [3].

Направления государственной политики в сфере здравоохранения можно разделить на несколько групп исходя из задач (политические, экономические и социальные и др.), при решении которых возможно будет создать общенациональную систему охраны здоровья населения в Российской Федерации и обеспечить нормальное ее функционирование.

К политическим задачам следует отнести: определение пути дальнейшего развития здравоохранения с учетом мнения персонала здравоохранения и населения; разработку и осуществление стратегии развития здравоохранения органами государственной власти и местного самоуправления; окончательное формирование нормативно-правовой базы здравоохранения и создание системы контроля над исполнением законодательства; политическую поддержку в создании и функционировании структур, выражающих корпоративные интересы медицинского персонала на федеральном и региональном уровне.

К экономическим задачам признание реального существования медицинской услуги в качестве экономической категории; окон-

чательное формирование и государственное регулирование рынка медицинских услуг; принятие обязательного медицинского страхования в единые для всей страны организационные рамки; стабилизация отношений участников страхового процесса: страхователей, страховщиков, лечебных учреждений различных форм собственности, населения; урегулирование межбюджетных отношений между Минздравом Российской Федерации как представителем федерального центра и органами исполнительной власти субъектов Федерации.

Среди социальных задач здравоохранительной политики государства следует выделить: преодоление патерналистской модели отношений «врач-пациент»; институционализацию здравоохранения (формирование, коррекцию и обеспечение действенности социальных норм и их интернализацию); дальнейшую правовую социализацию населения; профессиональную социализацию медицинского персонала; активизацию деятельности организаций, представляющих корпоративные интересы медицинского персонала; осуществление стратегии привлечения медицинских работников в число сторонников реформ отрасли.

Политика в области здравоохранения обязательно включает законодательные функции. Законодательное регулирование вопросов здравоохранения является одним из приоритетных направлений любой государственной политики. Законодательство Российской Федерации о здравоохранении представлено системой нормативных правовых актов, объединенных в самостоятельную отрасль российского законодательства, представляющую собой комплексное образование, — об этом свидетельствуют особенности предмета регулирования в здравоохранении. Предметом нормативных правовых актов данной отрасли являются отношения в области оказания медицинской помощи, обеспечения лекарственными средствами, санитарно-эпидемического благополучия населения и иные.

Здравоохранительная политика складывается из нескольких взаимосвязанных сфер внутренней политики государства. Поэтому, помимо вопросов здравоохранения, законодательного обеспечения требует также финансовая политика, способствующая развитию

программ укрепления здоровья и профилактики заболеваний с учетом, в частности, того, что расходы на здравоохранение должны постепенно увеличиваться. Законодательством должно предусматриваться и создание благоприятных экономических условий для организаций, реализующих программы укрепления здоровья и профилактики заболеваний среди работников, а также для инвесторов, направляющих свои средства на улучшение социальных условий и состояния окружающей среды, способствующих здоровому образу жизни. Необходимо совершенствование на федеральном и территориальном уровне законодательной и нормативной базы в области охраны труда, окружающей среды, создание условий для занятий физкультурой и повышения физической активности, регулирование рекламы и продажи табачных изделий [2].

В современных условиях все большее значение приобретают новые и высокие технологии в сфере здравоохранения, которые играют важную роль в развитии социальной составляющей качества экономического роста в целом. И те страны, которые не смогли наладить эффективное использование этих технологий, как правило, отстают в плане экономического роста. Поэтому государства, которые хотят добиться высокого уровня развития системы здравоохранения, высокого качества оказания медицинской помощи, должны осуществлять политику стимулирования инновационной деятельности, передовых навыков и доступа к новым и высоким технологиям в сфере медицины.

Однако коренные изменения политической и экономической систем вызвали значительные преобразования в социальной сфере и самым непосредственным образом отразились на осмыслиении конституционного регулирования этих отношений, в том числе и на особенностях закрепления и нормативного содержания конституционного права человека на охрану здоровья. Особенно актуальными эти вопросы становятся тогда, когда речь идет не только о традиционных вариантах медицинских вмешательств, но и при применении новых технологий в трансплантологии, репродукции человека. Нельзя не согласиться с сентенцией, что все это объективный

процесс, в котором, при оказании медицинской помощи зачастую затрагиваются права и свободы человека. Заметим, что особый интерес к новым для России институтам (биоэтика, соматические права человека, вопросы безопасности человека при применении биологии и медицины и др.) не умаляет актуальности охраны прав человека в области здравоохранительных отношений, с которыми сталкиваемся в повседневной жизни, при защите прав пациентов, при анализе организации системы здравоохранения и прочее. Одним словом, то насколько человек в исследуемой области является объектом внимания медицинской науки и практики, настолько уязвимыми становятся его права [4].

Серьезные социальные последствия, связанные с результатами медицинской деятельности, требуют особого отношения к правовому регулированию этой сферы. Развитие медицинской науки и врачебной практики в различные периоды исторического развития общества отражалось и в праве. Однако правовое регулирование отношений в области применения медицины до самого последнего времени осуществлялось противоречиво, что было обусловлено социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в стране, а также возможностями использования достижений медицинской и биологической науки в практических целях.

Политика в сфере здравоохранения, как известно, носит комплексный характер, то есть в него входят правовые нормы разной отраслевой принадлежности: конституционного, административного, финансового, гражданского, трудового и других отраслей права. В современных условиях, с одной стороны, происходит сужение сферы государственного регулирования, расширение зон, свободных от прямого вмешательства государства, а с другой — усиление правовых механизмов социальной защиты интересов граждан.

Несмотря на то, что действующее законодательство Российской Федерации в сфере здравоохранения насчитывает несколько десятков законов, значительное количество подзаконных нормативных актов, его нельзя признать достаточным для решения современных задач. Нормативные правовые акты в сфере здраво-

охранения разрознены, ряд норм дублируют друг друга, а некоторые отношения в области медицины, вообще, не регулируются правом. Возникает необходимость в систематизации отрасли или подотрасли права в условиях активного развития законодательства в данной сфере, накопления нормативного материала, изданного в разное время и регулирующего различные предметы отношений.

В любом случае политика в сфере здравоохранения является составным элементом социальной политики государства, и она должна быть направлена на улучшение состояния здоровья населения путем предоставления здравоохранительных услуг и медицинского лечения.

Литература

[1] Блинов А.Г. Соотношение уголовного и здравоохранительного законодательства в сфере обеспечения прав и свобод пациента // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 2. — С. 40–45.

[2] Ерохина Т.В. Теоретико-правовые основы государственной политики в сфере здравоохранения // Медицинское право. — 2013. — № 2. — С. 7–12.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[4] Шишов М.А. Актуальные вопросы государственного контроля в сфере здравоохранения // Административное право и процесс. — 2014. — № 8. — С. 24–26.

УДК 316.334:61

ВЯЛЫХ Никита Андреевич,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

e-mail: sociology4.1@yandex.ru

СИСТЕМА МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В США И В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья содержит сравнительный анализ систем медицинского обеспечения в России и в США. Сравнение систем медицинского обеспечения показывает, что здравоохранение США характеризуется высоким качеством, но ограниченным финансовым доступом к медицинским услугам и низким охватом населения государственными программами медицинского страхования. В России медицинская помощь относительно доступна для всех граждан, но в минимальном объеме. И в России и в США происходит реформирование здравоохранения. В США отчетлив тренд усиления государственного регулирования медицинского страхования. Российское правительство, наоборот, постепенно делегирует свои полномочия другим агентам.

Ключевые слова: реформа здравоохранения, медицинская помощь, медицинское страхование, доступность медицинской помощи.

В настоящее время и в США и в России разворачивается реформа системы медицинского обеспечения. Реформа здравоохранения в России постоянно осуществляется с начала 90-х гг. прошлого столетия. Американская модель более консервативна, преобразования в ней начались сравнительно недавно и по времени связаны с президентством Б. Обамы. Почему мы выбрали именно США для сравнения? Дело в том, что частная модель медицинского страхования в США является, на первый взгляд, антиподом модели обязательного медицинского страхования России. Однако если векторы трансформации двух суперсистем здравоохранения не изменятся, то в долгосрочной перспективе различия будут уже не такими существенными.

Цель нашей статьи состоит в сравнении систем медицинского обеспечения США и России с позиции их преимуществ и ограничений. Сравнительный анализ необходим в интересах независимой оценки перспектив развития российского здравоохранения. Мы не будем подробно останавливаться на организационных механизмах медицинского страхования в США и России, а перейдем непосредственно

но к сравнению двух моделей. Во второй части статьи мы познакомим читателя с результатами небольшого разведывательного социологического опроса, проведенного в Гленс-Фолс и личными наблюдениями интервьюера.

Сравнительный анализ национальных систем медицинского обеспечения России и США по ряду оснований приведен в табл. 1.

Как видно из таблицы, совокупный объем расходов на здравоохранение в США почти в три раза выше по сравнению с тем же показателем в России. Однако при кажущемся благополучии тема здравоохранения в США является одной из самых острых и обсуждаемых. Рыночная модель медицинского страхования США вызывает много критики, как внутри страны, так и в мире. К примеру, для малоимущих и рабочего класса стоимость страховки достигает от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ месячного заработка. Главным барьером доступности является недостаток финансовых средств для приобретения страховки. К тому же многие страховые планы не включают услуги, например, по медицинскому наблюдению беременности, лечению венерических заболеваний, стоматологическую помощь, посещение кабинета офтальмо-

Таблица 1 — Сравнительный анализ национальных систем медицинского обеспечения России и США

	Система медицинского обеспечения России	Система медицинского обеспечения США
Доминирующий тип модели	Бюджетно-страховой	Рыночный (частный)
Совокупные расходы на здравоохранение (% от ВВП, 2013 г.) [9]	6,3%	17,9%
Основные принципы	Всеобщая доступность и равенство; государственный патернализм	Конкурентность; саморегуляция; сотрудничество врача и пациента; персонификация ответственности агентов
Преимущества	Единообразие норм; всеобщее страхование; гарантированный доступ к минимальному пакету бесплатной медицинской помощи	Высокое качество услуг; большие возможности для внедрения инноваций; высокая степень свободы агентов
Ключевые проблемы	Низкое качество медицинской помощи; сложность внедрения инноваций; номинальное разделение сфер ответственности агентов	Высокая степень финансовых рисков для пациентов; большое число незастрахованных; фрагментированность процесса оказания медицинской помощи
Процент застрахованных	99–100% [3]	~ 84% [4]
Вектор трансформации	Либерализация; ослабление государственного контроля и участия	Администратизация; усиление роли государства в финансировании и контроле

лога. Следует отметить, что страховая компания может и вовсе отказать человеку в выдаче страховки, если понимает, что для нее это чревато повышенными финансовыми рисками. Причем даже страховка на все виды медицинских услуг еще не гарантирует стопроцентного покрытия расходов на медицинскую помощь: часть выплат все равно должен нести застрахованный [6, с. 53].

В настоящее время в США разворачивается реформа национального здравоохранения (*Affordable Care Act*) по инициативе президента Б. Обамы, предназначением которой является повышение доступности медицинской помощи посредством снижения числа незастрахованных граждан в каждой возрастной, доходной и территориальной группе [10, с. 15]. Сейчас в каждом штате свои правила и регламенты организации системы медицинского страхования, а значит, существенно разнятся отчисления по государственным программам медицинского страхования, например, в Ка-

лифорнии эти отчисления примерно в 10 раз выше, чем в Техасе. Среди застрахованного населения, 64% получают страховку при участии работодателя, 9% — приобретают ее самостоятельно, 27% граждан застрахованы по государственным программам Medicaid и Medicare. [1].

Система медицинского обеспечения в США в значительной степени фрагментирована, поскольку медицинская помощь может представляться несколькими провайдерами без какой-либо координации. Преодолеть дезинтеграцию процесса оказания медицинской помощи, а также сократить расходы населения на медицинскую помощь, призвана модель Ответственных медицинских организаций (*Accountable Care Organizations*). Смысл модели в том, что отдельные врачи, медицинские организации (больницы, клиники, центры и пр. провайдеры) объединяются на добровольной основе в интересах создания интегрированной структуры эффективного управления, ори-

ентированной на пациента (застрахованному в Medicare). Предполагается, что у каждого пациента будет электронная карта истории болезни, и каждый врач-член Организации может историю просмотреть и сделать запись, что значительно снижает временные издержки [8, с. 1]. Впрочем, уже к 2012 г. 69% американских врачей первичного звена и 44% больниц использовали электронные формы ведения истории болезни пациента [13, с. 133].

Ожидается, что здравоохранение США до 2019 года возьмет курс на обеспечение широкой доступности медицинского страхования, особенно для социально уязвимых категорий (дети, безработные, малоимущие), обеспечение мобильности планов медицинского страхования и в тоже время их универсальности, интеграцию всех этапов лечения пациентов, снижение цен на лекарственные средства [2, с. 151].

Таким образом, правительство США значительно увеличивает свою роль в регулировании сектора медицинского обеспечения. Однако зарубежные авторы предостерегают: качество услуг по сравнительно «демократичным» страховым планам заметно ниже, чем в частном секторе. Это и длительное ожидание медицинской помощи, и повышенный риск смертности в результате хирургических вмешательств, и ограниченный набор медицинских услуг. Следовательно, может произойти просто ребрендинг некачественной медицинской помощи без концептуальных преобразований системы страхования [10, с. 16]. Тем не менее, Б. Обаме хватило политической воли запустить «перестройку» системы медицинского обеспечения, сделав, таким образом, решительный шаг к медицинской помощи как Праву для каждого американца.

Хотя медицинские антропологи справедливо акцентируют внимание на дьявольском противоречии ценностей и социальных ожиданий американского общества. Противоречие это кроется, с одной стороны, в доминирующей ценности гуманизма, необходимости поддержки слабых и обеспечения равенства для всех, с другой стороны, в США отсутствует неотъемлемое право на здравоохранение, и, как следствие, общество не несет социального обязательства по обеспечению бесплатной меди-

цинской помощью тех, кто не может позволить себе ее купить [11, с. 148].

Глобальной проблемой отечественной системы здравоохранения является тотальный дефицит всех без исключения ресурсов. Российской Федерации в наследство от СССР досталась богатая инфраструктура здравоохранения, но уже к 80-м гг. прошлого столетия произошел колоссальный отрыв программных мероприятий от финансового обеспечения, и инфраструктура стала убыточной. Плановая командно-административная экономика здравоохранения рухнула, а на смену ей пришел эклектичный сплав элементов социально-страховой, государственной и рыночной моделей. С 1991 года ведет свой отчет в России система обязательного медицинского страхования (ОМС).

Суть ОМС заключается в следующем: при наступлении страхового случая (например, заболевания, которое приводит к обращению в медицинскую организацию), застрахованному лицу оказывается бесплатная медицинская помощь в пределах государственных гарантий, ежегодно утверждаемых Правительством Российской Федерации и региональными правительствами, за счет средств федерального и территориального фондов ОМС. Страховые медицинские организации — это субъекты, осуществляющие отдельные полномочия страховщика (Фонда ОМС). Можно сказать, что это медиатор между территориальным фондом ОМС и медицинской организацией как провайдером услуги. Закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [5], по сравнению с первым законом об ОМС, относительно небольшую роль отводит работодателю, обязанному отныне лишь уплачивать страховые взносы и подавать сведения в различные инстанции.

Как отмечают Г.А. Ястребов, А.Н. Красилова, если «радикальная трансформация социально-экономических структур в обществе приводит к резкой смене одного способа организации жизни другим, наступает период адаптации, когда новые структуры как бы вживляются в привычный образ действия и мышления людей. Однако не во всех случаях это вживление происходит органичным способом, т. е. когда этот привычный и в общем-то первичный по

отношению к институциональным формам образ действий способен «втиснуться» в новые для него рамки» [7, с. 306–307]. Нетрудно догадаться, что новый «образ действий» в сфере здравоохранения России диссонирует не только с представлениями россиян о должном, но и с их возможностями.

Согласно данным социологического опроса, проведенного автором с апреля по июнь 2014 г. в г. Ростове-на-Дону ($N=766$), 43,7% опрошенных в течение года были вынуждены частично или полностью отказываться от лечения или диагностики в медицинских организациях из-за отсутствия финансовой возможности оплатить услугу. Среди респондентов старше 60 лет ($N = 151$) таких более половины (56,3%)! Если верить цифрам, отказываться от медицинской помощи приходилось респондентам из всех доходных групп, но, разумеется, основная доля «отказников» (67,2%) приходится на ростовчан с доходами до 35 тыс. руб.

В России государство как социальный институт с его отдельными организациями является гарантом оказания медицинской помощи, устанавливая единые «правила игры» и следя за их соблюдением всеми агентами. Государство финансирует здравоохранение, разрабатывает стратегии его развития. Интересы государства и медицинских организаций в целом совпадают, однако любое государство заинтересовано в снижении порога своего финансового участия в социальной сфере, а медицинские организации, в свою очередь, стремятся не только к равновесию и «выживанию», как любая социальная система, но и к экспансии своего влияния и укреплению авторитета в обществе. Логично, что для медицины просто невыгодно отсутствие пациентов и финансовых потоков, которые за ними тянутся из фондов обязательного и добровольного медицинского страхования, и прямых (формальных и неформальных) платежей, а также субсидий из госбюджета.

Государство стремится не только к оптимизации своего финансового, но и организационного участия, и для этого в начале 90-х гг. были введены посредники — страховые медицинские организации (СМО). Несмотря на критику и маргинальный статус СМО в общественном сознании, государству они нужны не толь-

ко как финансовые и организационные междидиаторы, но и как потенциальные налогоплательщики. Требования государства к СМО периодически ужесточаются, но страховой бизнес в сфере медицинского обеспечения очень привлекателен в силу стабильного спроса на медицинские услуги. Однако, на наш взгляд, реальные механизмы конкуренции СМО, бюджетных медицинских организаций практически отсутствуют: СМО выполняют одни и те же функции, заключают договоры с одними и теми же медицинскими организациями, тарифы на оказание медицинской помощи и нормативные объемы медицинской помощи едины на всей территории субъекта Российской Федерации. Выходит, что стимулы для страховщиков и медицинских организаций к повышению качества гарантированной бесплатной медицинской помощи и ее доступности для всех слоев населения незначительны.

Концептуально интересы государства и потребителей медицинской помощи совпадают: государство заинтересовано в повышении качества и количества популяционных и трудовых ресурсов, а потребители — в получении своевременной, безопасной и адекватной медицинской помощи с минимальными для себя временными и финансовыми издержками. Однако российское общество до сих пор ожидает поддержки и заботы со стороны государства, а государство планомерно сокращает объем гарантированной бесплатной медицинской помощи и постепенно «выходит из игры», делегируя ответственность за здоровье самому человеку, а функции здравоохранения другим агентам.

Летом 2014 г. по разработанному нами плану, студент — будущий социолог О.И. Изюмов (Институт социологии и регионаведения Южного федерального университета) провел социологический опрос методом стандартизированного интервью в г. Гленс-Фолс (США, штат Нью-Йорк). Скорее это даже населенный пункт с населением около 15 тыс. чел. (примерно 90% — светлокожие жители). По наблюдениям интервьюера это достаточно развитый в плане образования, культуры и медицины город-поселок с большим количеством школ, вузов, театров, музеев, больниц и медицинских клиник. Также Гленс-Фолс известен производством всевозможного медицинского оборудования.

Целью опроса было выяснение отношения жителей Гленс-Фолс к системе медицинского обеспечения США. Всего было осуществлено двадцать интервью. Метод отбора респондентов — выборка доступных случаев (опрашивались преимущественно люди, с которыми контактировал интервьюер по работе). Было опрошено десять мужчин и десять женщин (амericанцы) в возрасте от 19 до 77 лет. По иронии судьбы интервьюер О.И. Изюмов, находясь в США, получил производственную травму, и сам оказался в роли пациента. Но о незапланированных социологических наблюдениях «изнутри» поговорим позже.

Каждому респонденту задавалось шесть информативных вопросов. Ответы горожан были прокодированы, а затем обработаны в программном комплексе SPSS 19.0. Ввиду небольшого числа респондентов, мы будем оперировать не процентными, а частотными распределениями.

Вопрос 1. «Как в целом Вы оцениваете уровень качества и доступности медицинской помощи в Вашем городе по пятибалльной шкале?». Уровень качества медицинской помощи 15 чел. оценили на пять баллов, 5 чел. — на четыре балла, а доступность медицинской помощи, под которой респонденты подразумевали исключительно доступность «по средствам», 15 чел. оценили на четыре балла, 4 чел. — на три балла, 1 чел. — на два балла. По мнению горожан, платежеспособность потребителя является фактором, определяющим всю американскую модель медицинского страхования.

Вопрос 2. «На Ваш взгляд, кто несет основную ответственность за здоровье человека (например, государство, страховщики, работодатели, сам человек, врачи и медперсонал)?». При ответе на данный вопрос мнения респондентов разделились поровну: 50% — считают, что ответственность несет работодатель, 50% — возлагают бремя ответственность на государство (по смыслу: правительство штата). Любопытно, но ни один из опрошенных не определил самого человека главным субъектом ответственности за здоровье.

Вопрос 3. «Приходилось ли Вам, в течение последнего года, частично или полностью отказываться от лечения в медицинских учреждениях? Если да, то почему?». Согласно полу-

ченным данным, только троим из опрошенных приходилось отказываться от медицинской помощи. Респонденты, как правило, мотивировали отказ следующим: «Моя страховка не покрывала этот случай», «Не было страховки», «Из-за недостатка денег», «Это было несерьезное заболевание».

Вопрос 4. «Вы лечились с помощью медперсонала или самостоятельно в течение последнего года? Если самостоятельно, то почему?». В ситуации заболевания 16 респондентов обращались к врачам и лечились под их наблюдением, только 2 чел. лечились самостоятельно, 1 чел. успел в течение года полечиться и с помощью медперсонала и самостоятельно, а одному респонденту вообще не пришлось болеть в течение года. Что интересно, именно респонденты, отказывавшиеся от профессиональной медицинской помощи по указанным выше причинам, прибегали к самолечению.

Вопрос 5. «На сколько по пятибалльной шкале Вы довольны системой здравоохранения США?». 11 чел. сказали, что довольны американской системой здравоохранения на четыре балла, 5 чел. — на пять баллов, 4 чел. — на три балла.

Вопрос 6. «Какие проблемы, на Ваш взгляд, существуют сегодня в системе здравоохранения США?» (респонденты не были ограничены в количестве суждений). Большинство нареканий (16 упоминаний) вызывает высокая цена медицинской страховки, 6 респондентов отметили в качестве проблемы отсутствие ответственности работодателя предоставление страховку, трое опрошенных сказали, что «все хорошо, особых проблем нет», столько же говорили об ограничении области покрытия расходов на медицинские услуги по страховой программе «Medicare» (программа для детей, пенсионеров и нетрудоспособных граждан). Также по одному разу встречались высказывания об ограничении области покрытия расходов на медицинские услуги по страховой программе «Medicaid» (программа для малообеспеченных), и о высокой цене на медицинский уход за пациентом и транспортировку в медицинское учреждение (по некоторым страховкам).

И в завершение поделимся впечатлениями от первого лица нашего интервьюера-пациента: «Как только я получил производственную

травму (инфекция), сразу поехал в обычную клинику. По специальной заграничной медицинской страховке для визы J-1 я должен был заплатить \$ 50 за обычный прием или \$ 250 за Emergency Room (прием в отделении неотложной медицинской помощи — Н.В.). С помощью ассистента заполнил данные, подождал минут пять-десять, затем меня вызвали... Первый врач осмотрел меня, измерил давление, рост, вес; спросил, какие у меня проблемы. Узнав, что меня беспокоит, вызвал другого врача, который занимается профессионально данной областью медицины. Врач меня осмотрела, произвела кое-какие манипуляции, и после этого подробно написала в ноутбуке в программе-переводчике рекомендации: что, и как надо делать, расписала лечение, выдала две распечатки-памятки пациенту на русском и английском языках, и рецепт на антибиотик. В соседнем корпусе я зашел в аптеку и получил совершенно бесплатно свое лекарство. Почти все лекарства в аптеках Гленс-Фолс отпускают строго по рецепту в специальном окне. Кстати, непосредственно за визит мне не нужно было платить, врачи сказали, что моя страховая компания сама с ними связывается и оплатит прием, а я потом рассчитаюсь со страховой компанией. Как ни странно, но обо мне не вспомнили, и мне все в итоге, включая антибиотик, обошлось совершенно бесплатно».

Отметим, что антибиотик, отпускаемый по рецепту в США, совершенно беспрепятственно и в любых количествах можно приобрести в России без рецепта. В нашей стране система лекарственного обеспечения и система медицинской помощи существуют как бы параллельно, автономно друг от друга. Государство хоть и гарантирует минимальный объем и перечень медикаментов для конкретных групп населения при определенных заболеваниях, за которые формально не нужно платить, но в действительности российские потребители медицинской помощи потребляют за свой счет еще и лекарства, а также препараты, не являющиеся лекарственными средствами. В США, как и в России, государство «практически не вмешивается в свободный рынок финансирования здравоохранения через систему добровольного медицинского страхования и не регулирует рынок предоставления медицинских

услуг и лекарств по цене». В итоге: 50 млн американцев (приблизительно 16% населения) остаются незастрахованными [4].

Конечно, на основании опроса 20 чел. в небольшом американском городке сложно делать какие-то обобщения. Разведывательный опрос мы проводили для того, чтобы глубже понять чего стоит опасаться, или, наоборот, разобраться с тем, что можно и нужно взять на вооружение в интересах повышения качества и доступности медицинской помощи в России.

Как мы выяснили, у американской модели есть несомненные преимущества. Прежде всего, это высокий уровень качества медицинских услуг. Интервьюер на основании бесед с местным населением пришел к выводу о том, что среди медицинского персонала в США нет случайных людей в отличие от российской системы медицинской помощи. Учиться нужно очень долго, даже на позицию среднего медперсонала, будущим медикам приходится выдерживать множество формальных экзаменов и неформальных испытаний, постоянно оттачивать свой профессионализм в интересах повышения своей конкурентоспособности на рынке медицинских услуг.

Мы полагаем, что не стоит идеализировать модель частного медицинского страхования США и спешить ее целиком либо частично трансплантировать в социальное поле российского здравоохранения. Белорусские специалисты приводят следующий пример из повседневности американского здравоохранения: «Если пациент не имеет страховки, то неотложная помощь покрывается из фонда учреждения, а пациенту выставляется счет, и учреждение предпринимает попытки взыскать с пациента стоимость услуг полностью или частично. Одним из рычагов воздействия является занесение факта неуплаты в индивидуальное кредитное досье — главное свидетельство о кредитоспособности физического лица в США, на основании которого кредитно-финансовые учреждения рассчитывают риск и процентную ставку при выдаче займов» [1]. Кредитный бум уже захлестнул российское общество, но кредитование медицинского обслуживания, к счастью, пока у нас не пользуется большим спросом.

Поскольку Россия идет по пути особой догоняющей модернизации здравоохранения,

равно как и других общественных сфер, нужно сначала сформировать социокультурные, организационные и социально-экономические предпосылки трансформации практики медицинской помощи для населения в полноценный саморегулируемый рынок медицинских услуг для потребителей. С другой стороны, США понадобилось для осознания необходимости обеспечения «здравоохранения для всех», по меньшей мере, полвека, если вести отсчет с момента учреждения Конгрессом программ Medicaid и Medicare в 1965 г. [12, с. 389], а России хватило каких-то двадцати лет, чтобы от этого принципа сделать шаг в сторону.

Литература

- [1] Дзядько А.М., Новик И.И., Масюк М.Ю., Карапник В.С. Система здравоохранения США: взгляд белорусских специалистов // Медицинские новости. — 2014. — № 7 (238). — С. 37–50.
- [2] Ладилов М.А. Актуальные проблемы учета опыта зарубежного регулирования обеспечения здравоохранения // Человеческий капитал. — 2012. — № 7 (43). — С. 151–153.
- [3] Система обязательного медицинского страхования в Российской Федерации // Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ora.ffoms.ru/portal/page/portal/top/about/>
- [4] Улумбекова Г.Э. Реформа здравоохранения США: уроки для России // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». — 2012. — № 5 (27). — URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/429/30/>
- [5] Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» № 326-ФЗ от 29 ноября 2010 г. // Правовая система КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/oms/>
- [6] Юсуфов М.М. Социальные составляющие частнопредпринимательской деятельности в здравоохранении (опыт США) // Общество: политика, экономика, право. — 2010. — № 1. — С. 52–54.
- [7] Ястребов Г. А., Красилова А.Н. Векторы человеческого развития в странах Европы и СНГ: цивилизационный контекст // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. 15. — № 6 (65). — С. 294–309.
- [8] Barnes, A.J., Unruh L., Chukmaitov A., Ginnenken E. Accountable care organizations in the USA: Types, developments and challenges // Health Policy. — 2014. — Vol. 118. — № 1. — Pp. 1–7.
- [9] Global Health Observatory Data Repository / World Health Organization, 2014. [Электронный ресурс]. — URL: <http://apps.who.int/gho/data/node/country.country-USA?lang=en/>
- [10] Maruthappu M., Ologunde R., Gunarajasingam A. Is Health Care a Right? Health Reforms in the USA and their Impact Upon the Concept of Care // Annals of Medicine and Surgery. — 2013. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 15–17.
- [11] Sobo E.J., Loustaunau M.O. The Cultural Context of Health, Illness, and Medicine. 2nd ed. — Santa Barbara: Praeger Publishers, 2010.
- [12] Stoltzfus Jost T. Health Insurance in the United States, History of // Encyclopedia of Health Economics. — 2014. — Vol. 1. — Pp. 388–395.
- [13] Thomson S., Osborn R., Squires D., Jun M. International profiles of Health Care Systems. — New York, 2013.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 323(470)

ХАЙРЕТДИНОВ Руслан Айратович,
старший преподаватель Института права
Башкирского государственного университета
e-mail: niipr@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Для современной России одной из наиболее важных задач является формирование эффективной системы государственного управления. Поиск оптимального государственного участия в регулировании общественных отношений — ключевая проблема правовой модернизации, при этом характер реализации способностей государства в значительной степени зависит от уровня организации государственной гражданской службы, профессиональных и личностных качеств государственных служащих.

Ключевые слова: управление, государственная гражданская служба, институт, дихотомия, бюрократия, эффективность, демократия, контроль, конструкция.

Трансформация института государственной гражданской службы в условиях современных административно-правовых реформ определяется рядом факторов.

Во-первых, административные практики воплощены в деятельности государственных служащих, поэтому реформирование института государственной гражданской службы является важнейшей составляющей административной реформы, в значительной мере обуславливающей эффективность последней.

Во-вторых, государственная гражданская служба является инструментом реализации государственного курса, поэтому ее состояние и качество ее трансформации определяющим образом влияет на характер осуществления государственной политики.

В-третьих, институциональные трансформации государственной гражданской службы оказывают непосредственное воздействие на всю систему публичного управления и права, сказываясь на параметрах ее эффективности, устойчивости, оперативности.

В-четвертых, институциональные изменения в государственной гражданской службе оказывают непосредственное воздействие на общественный сектор экономики.

В-пятых, состояние гражданской службы, действующее на качество профессиональной деятельности государственных служащих, серьезным образом влияет на отношение населения и гражданского общества к проблемам государственного управления и государственным институтам.

Все эти факторы в совокупности предопределяют потребность в тщательном анализе характера трансформации института государственной гражданской службы в постсоветский период, выявлении его закономерностей и последствий для системы административно-правового управления. Эта задача особенно актуализируется в свете, преимущественно, негативных оценок, которые дают нынешнему состоянию государственного управления и государственной службы население, политическое руководство государства и экспертное сообщество [4].

В этих условиях проблемы совершенствования институционального регулирования и организации государственной гражданской службы приобретают особую значимость. В научной литературе справедливо отмечается, что давно назрела потребность как в серьезном экспертом анализе главных направлений реформирования и развития государственной гражданской службы, так и в разработке фундаментальных основ теории ее правового регулирования [1, 2, 6].

Для административной сферы государственная гражданская служба имеет значение и представляет интерес как профессиональная деятельность по исполнению функций государственного управления, а также комплексный административно-правовой институт — совокупность правил и ограничительных рамок формального и неформального характера, регулирующих статус и взаимоотношения гражданских служащих с руководством государства и его органов, между собой, а также с населением, определяющих порядок реализации государственно-служебных отношений, в частности, особенностей установления и реализации правового статуса служащих и характера прохождения государственной службы. Содержание, глубина и степень институционального развития государственной службы напрямую детерминирует качество служебной деятельности, то есть осуществления государственными служащими функций государственного управления.

Комплексный характер государственной службы предопределяет ее анализ в рамках различных наук при явном доминировании на сегодняшний день юридического, политологического и социологического подходов. Кроме дифференциации подходов к анализу государственной службы с точки зрения той или иной общественной науки (правовой, политической, социологической) в рамках каждой из концепций преобладают те или иные «идеалотипические» модели организации и функционирования государственной службы, основанные на понимании ее места и роли в системе государственного управления.

В настоящий момент в пределах правовой концепции государственной службы отчетливо выделяется государственно-административ-

ная модель, а также трудовая модель. В рамках политической и социологической концепций государственной службы следует выделить рационально-бюрократическую и менеджеристскую (сервисную) модели. При этом в условиях интеграции подходов государственно-административная модель тяготеет к рационально-бюрократической, а трудовая — к менеджеристской. Одновременно и в ряде теоретических работ, и на практике происходит ситуативная конвергенция моделей и подходов к организации, функционированию и институциональному регулированию государственной службы.

В рамках административной парадигмы анализ государственной службы тесным образом связывается с понятием «административно-правовое управление», учитывая, что в основе современного государственного управления лежит административно-правовая дилемма. Концепт административно-правовой дилеммы возникает в рамках исследований проблем структурирования государственной власти, отражая специфику функционального структурирования государственного управления в условиях демократической политической системы.

Важнейшей стороной концепции административно-правовой дилеммы выступает модель рациональной бюрократии М. Вебера как наиболее совершенной формы организации административного управления. Она обеспечивает переформатирование бюрократической организации государственной службы с патrimonиальной модели на рациональные стандарты безличности, иерархичности, профессионализма, стабильности и ориентации на беспристрастное правоприменение. С точки зрения модернизационных задач рационализация государственного аппарата в этом смысле имеет решающее значение для обеспечения верховенства права и возможностей для социальных субъектов осуществлять свою деятельность (в том числе экономическую) в поле устойчивых безлично применяемых юридических норм и процедур. Именно поэтому, несмотря на последующие модификации, концепция административно-правовой дилеммы и рационально организованной бюрократии остаются краеугольными в организа-

ции государственной службы современных государств.

Модификации бюрократической модели в направлении от классической рационально-бюрократической к ее «реалистической» трактовке отражали усложненность организации постиндустриального общества, требующей повышенной гибкости и динамизма государственного управления. Естественным следствием данных трансформаций становится ориентация административных практик не только на соблюдение верховенства нормы и процедуры, но и на «результат», усиление конкурентных механизмов и материальных стимулов в профессиональной деятельности государственных служащих, распространение практики ограниченного срока замещения должности государственной службы, поставленного в зависимость от качества служебной деятельности при разработанности соответствующих критериев оценивания. Побочными эффектами внедрения менеджерской модели государственной службы становится умаление роли публичной этики, сложность маркетизации отдельных сфер государственного управления, рост личной зависимости государственных служащих от их руководителей.

Маркетизация государственной службы создает дополнительные каналы подотчетности бюрократии в дополнении к «классическим» — политическому руководству и установленному нормативному порядку осуществления должностных функций. Оказавшая сильное влияние на менеджеристские модели государственного управления теория общественного выбора отвергала идею и полной беспристрастности бюрократии и отсутствии у нее собственных интересов. Целью любого профессионального бюрократа, согласно теории общественного выбора, является, как минимум, сохранение должности, как максимум — повышение статуса. Непосредственное влияние группы интересов оказывают не только на политическое руководство, но и на бюрократию. Поэтому, реализуя собственные цели и интересы особых групп, государственные служащие стремятся к принятию таких решений, которые открывали бы им доступ к самостоятельному использованию разнообразных ресурсов. В этом смысле традиционных каналов

подотчетности и контроля за деятельностью бюрократии, что предусматривает концепция Вебера-Вильсона, недостаточно. Маркетизация государственного управления ориентирует деятельность государственных служащих «на конечный результат», оцениваемый, в том числе и населением посредством опросов, являющихся составной частью методик оценки, мотивирует на эффективную (минимизация затрат общественных финансов и максимальная результативность) реализацию государственных программ и в целом служебных функций, ставит продолжение карьеры в зависимость от результативности деятельности.

Следует вместе с тем заметить, что ключевые параметры, обусловливающие демократический характер правовой системы, новый государственный менеджмент не просто не пересматривает, а постулирует. Целевая установка менеджеризма состоит в переходе от бюрократического к предпринимательскому поведению в государственных организациях, что включает, прежде всего, изменение мотивации руководителей и сотрудников государственных организаций, а также выборных должностных лиц. Государственный менеджмент исходит из интерпретации государства как крупной корпорации — у него есть бюджет, доходы, расходы, а также акционеры — граждане, которые одновременно являются его клиентами. Они заинтересованы в том, чтобы услуги государственных учреждений были максимально дешевы и доступны. В соответствии с этим подходом государство, подобно крупной корпорации, должно стремиться, прежде всего, к удовлетворению интересов своих «акционеров», к повышению с этой целью своей эффективности, к росту капитализации создаваемых за счет бюджета активов, к совершенствованию технологии управления и качества оказываемых услуг [5].

Иначе говоря, «акционеры» государства-корпорации, то есть граждане, сохраняют традиционные способы влияния на «топ-менеджмент» — посредством выборов и других демократических институтов. Руководство государственных органов, находясь в рамках новых технологий осуществления государственного управления менеджеристского свойства, сменяя и подотчетно избирате-

лям в рамках традиционных демократических процедур.

Таким образом, маркетизация государственного управления и государственной службы не отвергает ни традиционную демократическую правовую систему, ни по факту базовые ценности рационально-бюрократической организации, лишь предлагая новые организационные и технологические решения для роста эффективности и подотчетности государственного аппарата перед обществом.

Рыночные крайности менеджеризма преодолеваются в рамках утвердившихся в современной юриспруденции концепций «возрождения государства» — в теории правовых сетей и выросшей из него в самостоятельную концепцию «руководства» (*«governance»*). Главное значение этих моделей состоит в «реабилитации» публичных ценностей как базовых ориентиров профессиональной деятельности государственного служащего, возвращении внимания к выработке правового курса как важнейшей составляющей государственного управления и создании эффективного механизма коммуникации, обеспечивающего максимально широкий обмен ресурсами и информацией между обществом, группами интересов, политическим руководством и бюрократией в процессе удовлетворения общественных потребностей и выработки социально значимых решений.

Практическими последствиями формулирования и внедрения новых моделей для государственного управления и государственной службы становятся не только «возвращение» традиционных ценностных ориентиров публичного управления, но и новые формы подотчетности государственного аппарата. Благодаря административно-правовым сетям и других многочисленным институтам обмена ресурсами, информацией, согласования политики и решений возникают новые формы коммуникации граждан с политическим руководством государства и государственными служащими, а, следовательно, новые формы контроля, подотчетности и механизмы сопряжения интересов.

Не отвергая успешных технологий маркетизации государственного управления, доказавших свою состоятельность в повышении

эффективности и ориентированности публичного управления на «результат» и «клиента», концепции административно-правовых сетей и *«governance»* утверждают обновленный подход к государственно-служебной деятельности. Последняя не рассматривается как аналог рыночного поведения, в нее «возвращаются» публичные ценности, но на новой основе — верховенство правил и процедур сочетается с гибкостью их применения по отношению к усложняющейся социальной реальности и с учетом соображений эффективности, результативности и удовлетворенности граждан как «клиентов» государства. При этом ведущая роль руководства как основного актора формирования правотворчества и контролера за деятельность бюрократии сочетается с самостоятельной ролью права и публичной этики государственных служащих, к которым в качестве самостоятельных механизмов соучастия в управлении и обеспечения подотчетности подключаются граждане и группы интересов посредством открытой, в том числе сетевой коммуникации с аппаратом.

Важно особо подчеркнуть, что «реабилитация государства», начавшаяся в юриспруденции в 2000-е годы и заметно усилившаяся в последнее время под воздействием финансово-экономического кризиса конца «нулевых», окончательно дискредитировавшего парадигму «дерегулирования», вновь выдвигает идею о непреходящей значимости института государственной службы как ключевого фактора обеспечения административных и институциональных способностей государства.

На наш взгляд, гражданскую службу следует трактовать: во-первых, как институт государственного управления, во-вторых, как административно-правовой институт, в-третьих, как набор «правил игры» и ограничительных рамок, определяющих статус и модели служебного поведения работников государственного аппарата, их взаимоотношений друг с другом, с непосредственным руководством и руководителями государственных органов, а также с гражданами и организациями.

Такая трактовка государственной службы с позиций неоинституционального подхода предоставляет возможность достаточно определенно сформулировать предметное поле ее

анализа с точки зрения административного права. Понимание института государственной службы как совокупности норм, правил, ограничительных рамок, определяющих совокупность действий и характер поведения бюрократии во внутриаппаратных взаимоотношениях, взаимодействиях с руководством, гражданами и организациями позволяет выделить в качестве предмета анализа как формальные нормы и ограничительные рамки, так и нормы, носящие неформальный характер, прежде всего, лежащие в сфере публичной этики и морали государственных служащих. Подобная трактовка имеет важное значение и для анализа институциональных изменений в системе государственной службы, которые фиксируют: 1) изменения в тех действиях субъектов, которые ранее были схожими; 2) изменения в механизмах санкционирования этих действий; 3) изменения в том и другом одновременно [10].

Характеризуя структуру институциональной организации государственной службы автор, опираясь на подход Ю.Н. Старицова, выделяет три ключевые сферы функционирования формальных и неформальных институтов в рамках государственно-служебных отношений: 1) формирование и структура самой системы государственной службы; 2) создание статуса государственного служащего и механизм его осуществления; 3) механизм прохождения государственной службы. В каждой из этих трех ключевых сфер можно выделить многочисленные составляющие, каждая из которых обеспечивается соответствующей совокупностью норм регулирования [9].

С указанных позиций становятся ограниченными «встроенность» реформы государственной службы в общий массив институциональных реформ, а характера ее институциональной трансформации — в общий контекст трансформации институтов административно-правового управления [3]. Среди российских специалистов сегодня сложился консенсус относительно того, что реформирование государственной службы следует рассматривать как составную часть административной реформы. Между этими реформами существует прямая взаимосвязь: административная реформа, как известно, призвана модернизировать ад-

министративные практики, существенно повысив качество государственного управления. Но административные практики воплощены в деятельности конкретного чиновника с установленным статусом, компетенцией, порядком прохождения службы, величиной денежного содержания и характером социальных гарантий. В этом смысле, реформа государственной службы имеет решающее значение для обеспечения «способностей государства», ибо определяет качество «первой клетки» государственного администрирования — профессиональной деятельности чиновника.

Опираясь на концепцию институциональных изменений Д. Норта и работы отечественных авторов, прежде всего, В. Полтеровича и В. Тамбовцева, на наш взгляд, реформу следует рассматривать как процесс целенаправленных институциональных изменений, имеющий своих агентов, свою траекторию, стратегию преобразований, совокупность начальных условий, ресурсную базу, набор внешних факторов. При этом стратегия реформы задается «набором управлений, обеспечивающих на каждом шаге подходящую институциональную трансформацию в зависимости от текущих условий и достигнутых результатов» [8].

Кроме того, исходя из концепции институциональных изменений, каждая институциональная система может включать элементы предшествующих институциональных форм (зависимость от предшествующего развития), элементы — возникшие спонтанно, а также элементы — заново сконструированные или заимствованные (трансплантированные) из других институциональных сред.

Развитие общественных отношений, появление новых факторов эндогенной и экзогенной природы, рождает спрос на институциональные инновации. Процесс институционального строительства можно представить в виде политического цикла, включающего в себя институциональный выбор и институциональные эффекты.

Институциональную систему правомерно оценивать по тем или иным критериям общественной полезности и эффективности. Таким образом, с этой точки зрения можно говорить об эффективных и неэффективных нормах (институтах), которые могут приобретать устой-

чивый или неустойчивый характер. Неэффективную и при этом устойчивую норму (систему норм) обозначают как «институциональную ловушку» (В. Полтерович).

В качестве одной из разновидностей институциональных ловушек выделяют «ловушку частичной реформы». В ходе процесса реформирования институциональные инновации могут быть остановлены заинтересованными агентами в силу того обстоятельства, что их продолжение может оказаться невыгодным доминирующем играм. Таким образом, воспрепятствование дальнейшим изменениям приводит к тому, что система оказывается в неэффективном равновесии.

Анализируя процесс институциональных изменений, ряд исследователей также указывают на возможность существования смешанных институциональных систем (смешанных равновесий). Делается предположение, что ловушки частичной реформы часто представляют собой такую комбинацию институтов, где существуют старые институты и новые, однако, не достигнуто комплексного качественного изменения институциональной системы (она не выведена на перспективную траекторию). Такой «смешанный симбиоз» при определенных условиях может превратиться в равновесный, что достигается при помощи универсальных механизмов стабилизации норм, где главную роль играет механизм лоббирования сохранения неэффективного равновесия. Таким образом, происходит формирование самоподдерживающейся «ловушки частичной реформы» — превращение переходных норм в постоянно действующие и неэффективные в долгосрочной перспективе [7].

Развивая этот подход, на наш взгляд, можно предположить, о возможности формирования в рамках «ловушки частичной реформы» неэффективного равновесия смешанных норм, когда институты из разных систем электически соединены в определенную конструкцию, поддерживающуюся агентами в качестве равновесной. Иначе говоря, локальные изменения институтов, основанные на трансплантации норм из других институциональных систем либо на целенаправленном институциональном конструировании, в силу своего ограниченного ха-

рактера создают эффект частичных инноваций, не приводящих к созданию эффективной институциональной системы, но приобретающих устойчивый самоподдерживающийся характер в силу заинтересованности в таком положении вещей ключевых агентов. Такие изменения не выводят систему на новое эффективное равновесие, скорее, напротив, путем частичных улучшений позволяют ей сохранить свои базовые неэффективные основы организации, приспособившись на время к новым экзогенным или эндогенным вызовам.

Литература

- [1] Барциц И.Н. О концептуальных направлениях развития системы государственной службы Российской Федерации // Журнал российского права. — 2008. — № 6.
- [2] Василенко А.И. Проблемы научного поиска перспектив развития института государственной службы в Российской Федерации // Юридический мир. — 2008. — № 12.
- [3] Верхайнен Т. и др. Институциональная реформа в России: переход от проектирования к реализации в условиях многоуровневой системы государственного управления. — М.: Всемирный Банк, 2006.
- [4] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Политический tandem как инструментарий российской модернизации: смена декораций // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 1 (13). — С. 9–15.
- [5] Купряшин Г.Л. Политическая рента и проблема управляемости // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: Мат-лы 7-й Междунар. конф. факультета госуд. управления МГУ им. М.В. Ломоносова 27–29 мая 2008 года. — М., 2009.
- [6] Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Административная реформа в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. — 2008. — № 10.
- [7] Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35. — № 2.
- [8] Полтерович В.М. Элементы теории реформ. — М., 2007.
- [9] Старилов Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации. Теоретико-правовое исследование. — Воронеж, 1996.
- [10] Тамбовцев В.Л. Экономическая теория институциональных изменений. — М., 2005.

УДК 323

МЯСОЕДОВА Виктория Александровна,
кандидат экономических наук, доцент,
ректор Института систем управления экономикой и международного права,
докторант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
e-mail: vika20002004@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Данная статья определяет пути и механизмы формирования управляемой элиты в рамках понятия стратегического менеджмента и его значимость в процессе подготовки кадров для структур государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, инновационная экономика, элитное образование концепция партисипативного управления, социокультурная среда, элитарное образование.

Необходимость выделения понятия управляемой элиты в рамках стратегического менеджмента диктуется актуальностью процессов формирования элиты как высшего кадрового состава управления.

Одна из задач стратегического кадрового менеджмента — это создание системы рекрутования необходимого персонала под определенные критерии. Элитологи выделяют объективные и субъективные критерии оценки качества элиты. Объективные критерии — результаты ее политico-управленческой деятельности, синтетическим показателем которой является состояние страны в целом, качество жизни населения (процветает страна или находится в состоянии упадка); жизненный уровень населения, его культуры; насколько свободен народ и как реализуются его творческие потенции; насколько обеспечена его безопасность — внешнеполитическая, экономическая, продовольственная, экологическая. Субъективные критерии — интеллектуальный потенциал элиты, профессионализм и нравственные устои, культурный и образовательный уровень.

Качество элиты во многом зависит от принципов и технологий ее формирования. Кадровое рекрутование и политическая социализация — это вовлечение людей в активную политическую жизнь и государственно-управленческую деятельность, посредством которо-

го формируются законодательные и исполнительные органы государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений.

Системный кризис, который зародился в организационных структурах уже в начале XX века, и по мере развития научно-технического прогресса, приобрел глобальный масштаб и инициировал кризисы в различных сферах человеческой деятельности — экономические, политические, финансовые и т. п. кризисы (как локального, так и мирового масштаба) послужил по сути катализатором процесса рекрутования новых кадров в управляемые структуры.

Рекрутование элит. Рекрутование — вербовка, набор новобранцев в армию, комплектование личным составом. Ранее рекруты служили при воинских частях и на определенной территории поддерживали необходимый личный состав для армии. В настоящее время рекрутование — это деятельность по созданию условий для заполнения вакансий в организации (работодателе) компетентными специалистами, соответствующими необходимым требованиям.

Социальная инженерия — это управляемая деятельность, направленная на изменение социальных систем и социальных институтов в соответствии с заданной целью с использованием научноемких технологий и инже-

нерного подхода. Методы этого направления можно охарактеризовать как синтез социальной психологии и программного моделирования реальности (социальная психотехника) для получения контроля над саморазвивающейся организацией.

Система управления индустриального общества, в основе которой лежит бюрократическая иерархия, построенная на рациональном распределении вертикальных связей между объектом и субъектом управления, где последняя находится в абсолютной зависимости от первого, оказалась несостоятельной. Человеческий фактор, возрастающая роль творческого начала, определили противоречия между субъектом и объектом, которые усугублялись по мере роста научно-технического прогресса и обусловили системный кризис управления.

В стабильных политических системах рекрутование элиты осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами, традициями, чем обеспечивается периодическое обновление состава элиты. В нашей реальности в условиях разрушения политического и социального укладов общества, социально-экономической и политической нестабильности можно говорить о трансформации и смене элит. В данной ситуации возникает много вакансий, нередко заполняемых с нарушением демократических и научных принципов кадровой работы, законов и норм. Желание занять элитные позиции стимулируется стремлением к высокому статусу, престижностью, возможностями властной управляемой деятельности, привилегиями, в том числе материальными [7]. Однако возникает задача обеспечения соответствия квалификации «новобранцев», их моральных и деловых качеств возникающим проблемам общества. В данной ситуации принципы рекрутования элиты имеют исключительную важность для политической системы. Они способствуют ее укреплению либо разрушению. Подлинно демократическая политическая система создает реальные возможности для каждого гражданина достичь положения, позволяющего ему считаться членом правящей элиты. На смену «властных полномочий» пришли механизмы «социального партнерства», принципы демократии. Объективные потребности выживаемости

в условиях рыночной конкуренции обусловили формирование качественно новых принципов и подходов в управлении. Наиболее эффективно эти методы проявились при переходе от иерархической бюрократии к партисипативному управлению [3].

Элементами системы рекрутования элиты являются: социальные источники поставки кандидатов в элиту; механизмы управления отбором и круг лиц, его осуществляющий; каналы и система стимулирования продвижения по иерархической лестнице; процедуры отставки и социально-экономической защиты лиц, освободивших должности в системе власти.

Вектор управляемой системы сменился возрастающим приоритетом основного источника инноваций и научно-технического прогресса, которым стал «человеческий капитал». Это связано, прежде всего, с тем, что инновационная экономика современного мира может существовать только в той формации, в которой наука, как процесс творческого созидания, является неотъемлемой частью промышленного производства и непосредственной производительной силой.

Тысячелетий опыт свидетельствует о существовании закрытой и открытой моделей формирования элиты. Закрытая элита создается из представителей узкого привилегированного слоя и воспроизводится на собственной ограниченной базе. Как показала практика, закрытая элита неминуемо загнивает, деградирует и заменяется более открытой. При этом, чем более закрытой является элита, тем более ограничена ее социальная база, тем меньше у нее шансов продлить свое господство и выжить в соревновании с другими социально-политическими силами. Способствует этому развитие системы социальных коммуникаций между странами, культурами, цивилизациями. При малой развитости таких связей общество с закрытой элитой может достаточно долго сохранять свою устойчивость [4–5].

Открытый тип рекрутования элиты обычно основывается на отборе в соответствии с личными и профессиональными качествами человека. В данном случае превалирует принцип, позволяющий выдвигать самого умного, способного и честного. Однако практика показала, что существующие демократические

политические системы пока не соответствуют в полной мере высоким критериям открытой элиты. Модель открытой элиты — скорее норматив, цель, которой они явно не достигли. Большая часть административного аппарата состоит не из избираемых, а назначаемых чиновников, и тут селекторат достаточно узок. Однако узость селектората не обязательно свидетельствует о слабой демократичности социально-политической системы. В данном случае важны критерии отбора, которыми руководствуется селекторат. Этим последствиям имеется ряд причин. Во-первых, считается, что партисипативное управление, открывая работнику доступ к принятию решения по поводу вопросов, связанных с его функционированием в организации, мотивирует человека к лучшему выполнению своей работы. Во-вторых, партисипативное управление не только способствует тому, что работник лучше справляется со своей работой, но и приводит к большей отдаче, большему вкладу отдельного работника в жизнь организации, т. е. потенциал человеческих ресурсов организации задействуется более полно [2]. В данных условиях начинала формироваться элитарная инженерия.

Это понятие предполагает не только и не столько формирование «класса профессионалов власти», сколько формирование социальной реальности для расширения социально-политического лифта «во власть» для профессиональных групп, в первую очередь, научно-технической, культурной интеллигенции. Элитная инженерия — это механизм, постоянно ставящий вопросы и отвечающий на них: какие руководящие должности нужны и из каких источников их можно заполнить; какими способностями, знаниями и умениями должны обладать те, кто на них претендует; как отбирать и приводить людей к занятию должностей на уровне правящей элиты; что требуется для того, чтобы люди успешно и динамично продвигались вверх по иерархической лестнице; какие программы необходимо иметь на вооружении, чтобы они создавали благоприятные условия для продвижения в элиту [6].

Можно выделить основные моменты, которые предполагает элитная инженерия:

1. оценку качества существующей элиты, а также потребностей государства и общества;

2. моделирование системы образования на принципах элитной педагогики и принципах «равных возможностей»;

3. формирование социокультурных матриц самоиндефикации элиты;

4. формирование механизмов рекрутации элиты;

5. моделирование социально-политического пространства как открытой конкурентоспособной среды «селекции» элиты.

Таким образом, в понятие элитной инженерии входит, прежде всего, аудит действующей элиты с определением возможностей (создание моделей) ее трансформации.

Процесс исследования деятельности действующей элиты представляет собой сложный процесс, требующий введение системы оценки качества элиты, по объективным и субъективным критериям. В качестве объективных критериев качества элиты выступают результаты ее политico-управленческой деятельности:

- a) состояние страны в целом, качество жизни населения;
- b) жизненный уровень населения;
- c) уровень культуры общества;
- d) уровень гражданских свобод и механизмы их реализации;
- e) уровень национальной безопасности (внешнеполитической, экономической, продовольственной, экологической) и т. п.

В качестве субъективных критериев можно выделить определение качества элиты по таким показателям как:

- a) интеллектуальный потенциал,
- b) профессионализм и нравственные устои,
- c) культурный и образовательный уровень представителей элиты,

Т. е., это те характеристики, которые определяют классический тип элиты как группы «лучших» людей.

В условиях системного кризиса социальные регуляторы партисипативного управления, методы социальной инженерии стали теми инструментами, которые начали активно использовать во всех сферах жизнедеятельности, начиная с социально-общественной организации, социально-политической сферы, трансформируя государственные институты и актуализируя подобные принципы во взаимоотно-

шениях государства и общества. В данном контексте социальная инженерия по своему содержанию имеет некоторое сходство с технократией. Концептуально близка к ней и теория меритократии.

Изменение ситуации возможно при качественно новом разделении политического труда, переходу к такому уровню управления, в котором доминирующее место будет занимать профессиональная элита — меритократия. В данном контексте формирование такого направления как элитарная инженерия приобретает значимый характер.

В настоящее время эффективно действуют отечественные и зарубежные методики, позволяющие собрать качественный материал для последующего анализа.

Процесс оценки качества действующей элиты, не сводится только к выработке критериев, наиболее сложным вопросом является формирование групп экспертов, обладающих квалификационным потенциалом, способным не только провести качественное исследование, но и дать независимую оценку выявленным фактам и показателям. В данном контексте наиболее эффективными становятся ресурсы гражданского общества, привлечение людей, обладающих как соответствующей квалификацией, так и активной гражданской позицией. Формирование групп экспертов, в свою очередь, ставит вопрос о системе образования, в рамках которой формируются как сами элиты, уровень образования которых будет адекватным растущим потребностям развивающегося общества, так и те представители общества, которые, обладая необходимым потенциалом, смогут осуществлять общественный контроль над качеством элит и способствовать их ротации в рамках гражданского общества.

Для моделирования системы образования на принципах элитной педагогики и принципах «равных возможностей» необходимо выделить два взаимосвязанных и взаимодополняющих направления:

– развитие системы высшего образования как стратегического государственного института. Высшее образование понимается как единство двух взаимосвязанных процессов: воспитания и обучения, причем сутью первого является усвоение ценностей, а второго — усвое-

ние знаний, умений и навыков, необходимых человеку для успешной жизнедеятельности;

– развитие социокультурной среды вуза, ориентированной не столько на передачу знаний, которые постоянно устаревают, сколько на овладение базовыми компетенциями, позволяющими затем приобретать знания самостоятельно.

Синтез этих направлений позволит создать условия для формирования новой элиты (или обеспечить резерв для воспроизведения действующей элиты), качество которой определит, в свою очередь, эффективность развития страны. Для того, чтобы воспитать элиту, обладающую подобным потенциалом, стране, обществу необходимо элитное образование.

Понятия элитное образование и элитарное образование необходимо разделять.

Элитарное образование, предназначенное для выходцев из этого круга, и отражает классовое неравенство, обуславливая социальную дискриминацию. Система элитарного образования предназначена для узкого круга лиц, выделяемых на основе критерия знатности и богатства [1]. Такой тип получения образования социально несправедлив по своей сути, так как для него приоритетен только социальный статус и материальное положение семьи учащегося, что опасно по своему содержанию, так как не дает никаких гарантий для талантливых представителей тех слоев населения, которые не входят в элиту общества, с одной стороны, а с другой не гарантирует, что представители элиты, получив образование, смогут использовать свой интеллектуальный потенциал на благо страны.

Элитное образование — это образование, программы, методы и способы воспитания которого имеют высокий уровень компетенций и профессионализма со стороны профессорско-преподавательского состава, характеризующейся уникальной социокультурной средой, которая является полем для проведения экспериментов, обеспечивающих уровень образования и воспитания, адекватных вызовам времени и обеспечивающих «работу на перспективу». Элитное образование отражает не классовый, а содержательный характер образования. Высококачественное по своему содержанию, оно является демократич-

ным и открытым для представителей всех слоев общества. Единственными критериями отбора в данную группу являются способности и таланты, личное желание студентов получать знания и умения, включаться в образовательную среду, органично усваивать ее ценности и нормы. Можно говорить о том, что человечество накопило большой опыт элитного образования.

В России на протяжении многих веков складывалась уникальная образовательная система, объединяющая все звенья образовательного процесса (школа — среднее профессиональное образование — вуз), что собственно позволяет решать задачи непрерывного образования «в течение всей жизни», являющейся наиболее актуальной в условиях стремительно развивающегося научно-технического прогресса. Естественно, используя зарубежный опыт необходимо отталкиваться от национальных традиций образования.

Социокультурная среда вуза представляет собой уникальное пространство, в котором отработаны модели формирования механизмов рекрутования элиты.

Российские вузы сохраняют свою уникальную научную и культурную среду и культивируют у студентов представление о себе как об интеллектуальной и духовной элите молодежи и общества в целом [8]. Этим вузам присущ синтез стремления к новому, его быстрое восприятие, а также осознание возлагаемых обществом надежд и обязанностей, при сохранении собственных традиций, что определяет сущность структуры и динамики ценностных ориентаций и самоидентификации студенчества.

Социокультурная инфраструктура современного вуза — это целостная система, в которой каждый элемент (преподаватель, сотрудник, студент) является носителем корпоративной идентичности, под которой понимается «отождествление сотрудниками или отдельными организационными структурами себя, как части организации, выражющееся: в признании миссии организации, основных принципов деятельности, выбранной в стратегии развития и реализованных на практике организационных нормах и правилах поведения» [9]. Именно корпоративная идентичность вуза формирует корпоративные социокультурные

установки в восприятии, представлениях и поведенческих реакциях групп участников образовательного процесса и обеспечивает возможности для самоидентификации студентов.

Один из базовых инструментов модернизации российского общества и развития инновационной экономики — это формирование уникальной системы ценностей, на базе накопленного в России громадного пласта культурного потенциала, что в современных условиях может стать действенным инструментом инновационного развития общества через моделирование социально-политического пространства как открытой конкурентоспособной среды «селекции» элиты.

Многие вузы достаточно эффективно реализуют комплексные программы по созданию социокультурной инфраструктуры. Эта практика позволяет говорить о необходимости разработки проекта государственной общероссийской программы по созданию единой платформы для выявления талантливого студенчества и обеспечение им самого широкого общественного признания.

В настоящее время, в условиях стремительно трансформирующегося общества возникает потребность в качественно новом типе элиты, способном мобильно и адекватно реализовывать свой потенциал и модернизировать государственные и социальные институты, обеспечивая поступательную динамику развития государства и общества.

Вузы, способные быстро и органично адаптироваться к стремительно изменяющейся среде, могут стать той экспериментальной площадкой, на которой возможно подобное моделирование. В качестве основных моделей, ориентированных на «селекцию» интеллектуальной элиты могут выступать:

1. «Личностная» — общее развитие студентов в комплексе их познавательных, нравственных, эмоционально-волевых, управлений и др. возможностей. Основными принципами личностной модели должны выступать: повышенный уровень трудности и быстрый темп обучения, единство гуманитарной и естественнонаучной картины мира, синтез теории и практики.

2. «Диалогическая», определяющая развитие интеллекта студентов в рамках «диалога

культур, идей, способов и методов познания». Реализация этой модели предполагает развитие у студентов командного способа обучения при приоритете личностного начала.

3. «Свободная», обеспечивающая реализацию инициатив студентов, его самостоятельность. Под этим подразумевается не только свободное посещение занятий или свободный выбор дисциплин, а прежде всего, свобода к самовыражению в той или иной сфере деятельности (например, привлечение к вопросам управления вузом в качестве кадрового резерва или привлечение студентов к разработке УМК, инновационной деятельности, расширение способов самостоятельной работы студентов и т.п.). В рамках этой модели интеллектуальное воспитание реализуется посредством актуализации опыта студентов.

4. «Структурно-развивающая» модель, которая подразумевает расширение применений интеллектуальных знаний и студентов и развивает умения анализа, обобщения, систематизации, моделирования, прогнозирования и т.п., которые стимулируют активность студента как будущего профессионала. В рамках этой модели актуализируются методы обучения через проблемные ситуации (кейс-технологии, кейс-стадии), которые позволяют приобрести опыт для принятия решений в ответственных ситуациях.

Оптимальным вариантом становится комплексная реализация предложенных моделей, что обеспечит социально-интеллектуальную среду для профессионального развития потенциала студента как специалиста качественно нового типа — специалиста, который применяя накопленный личностный потенциал и приобретенные компетенции, будет способен не только на высоком уровне осуществлять свою деятельность, но и модернизировать ее.

В настоящее время вырабатываются новые механизмы формирования и рекрутования подобной элиты. Одним из перспективных направлений, на наш взгляд, является элитная инженерия, методы которой предполагают исследование ситуации, качественную оценку

действующей элиты и на основе полученных данных формирование органичных моделей «селекции новой элиты». Платформой для реализации принципов и методов элитной инженерии является система высшего образования, соответствующая конкретной национальной традиции. В рамках такой системы формируется необходимый ресурсный потенциал, который объединяет в себе научные, образовательные, воспитательные и культурные принципы и механизмы основания и воспитания интеллектуальной элиты, способной адекватно отвечать вызовам современного общества и обеспечить динамичное развития государственных и общественных институтов в условиях транзитного периода.

Литература

- [1] Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. — М.: Спортакадемпресс, 1999.
- [2] Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономистъ, 2006.
- [3] Гайдук В.В. Трансформация региональных политических элит в национальных субъектах Российской Федерации // Лидер, элита, регион: мат-лы науч.-практич. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 27–28 октября 2014 г.). Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2014. — С. 196–201.
- [4] Гайдук В. В., Лаврентьев С.Н. Трансформация местных элит в условиях муниципальной реформы // Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Сб. материалов международной научн.-практич. конф., 12–13 окт. 2007 г. / отв. ред. В.Г. Игнатов. — Вып. 1. — Ростов н/Д., 2007. — С. 275–278.
- [5] Гайдук, В.В., Сулейманов А.Р. Региональные медиаторы и их роль в обеспечении национальной целостности: коммуникативный аспект // Коммуникология. — 2014. — Т. 8. — № 6. — С. 115–128.
- [6] Колпаков В.М., Дмитренко Г.А. Стратегический кадровый менеджмент. — М.: Издательство МАУП, 2005.
- [7] Нигматуллина Т.А. Молодой политик в управлении регионом. — М.: NOTA BENE, 2014.
- [8] Нигматуллина Т.А., Парfenova С.Р. Социальные технологии как инструмент управления человеческим ресурсом // Вестник БИСТ. — 2013. — № 1 (17). — С. 26–31.
- [9] Пименова Н.В. Организационная культура вуза. М., 2006.

УДК 316.4:323

ГОЛОВКО Юлия Марковна,
кандидат исторических наук,
докторант кафедры национальных и федеративных отношений
Института государственной службы и управления
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
e-mail: fom16@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Коммуникационная сфера общественного развития требует для качественного функционирования разноструктурных институтов. К таковым можно отнести институт социальных сетей, который обладает свойством привлечения максимального количества молодой аудитории за счет своей динамичности и интерактивности.

В данной статье рассматриваются основные принципы включенности как индикатора функционирования принципов делиберативной демократии в современном обществе на примере взаимодействия института социальных сетей с молодежными политическими структурами. Проследим, насколько включенность процессов, обеспечиваемых социальными сетями, представляет возможность для качественной коммуникации между акторами политического действия.

Ключевые слова: молодежные политические структуры, социальные сети, политика, коммуникация, делиберативная демократия, Интернет, коммуникационное общество.

В системе выстраивания позитивных политico-управленческих отношений между различными акторами политического действия важным представляется процесс формирования коммуникационного пространства для всех заинтересованных лиц. В современном мире процессы происходят намного быстрее, чем 50–100 лет назад. В связи с этим человечество постоянно находится в поиске новых форм и методов рационализации межсубъектной коммуникации. Ученые, исследователи, политики, представители институтов гражданского общества пытаются, каждый в своей сфере, сформировать универсальные конструкты, которые смогут решать различные проблемы жизнеобеспечения за считанные минуты и секунды. В определенном смысле, развитие системы демократической делиберации, предложенной Ю. Хабермасом (J. Habermas), Д. Драйзеком (J. Dryzek), С. Бенхабиб (S. Benhabib), позволяет нам говорить о качественных и новых формах притязаний научно-экспертного сообщества на формирование основ совещательной (делиберативной)

демократии, которая позволяет наиболее эффективно применять методы коммуникационного воздействия акторов политики. При этом Джон Драйзек предполагает, что «демократизация, по большому счету, вопрос возрастающего включения различных групп и категорий граждан в политическую жизнь» [10]. Данная статья позволит проявить ясность на проблему включенности в системе социальных сетей политических структур, носящих возрастной характер — молодежный и ответить на вопрос: «насколько социальные сети обладают свойством включенности для молодежной аудитории в политических процессах?».

Включенность в политическую жизнь в современных реалиях может выражаться по-разному: общественное участие в митингах, пикетах; выражение своей политической воли через участие в выборах, референдумах, праймериз, опросов общественного мнения и др. Сегодняшний день позволяет наиболее эффективно распоряжаться своим временем, активно включаться в свой собственный и общественный тайм-менеджмент. Его соблюдение

является общеобязательным правилом для всех, кто включен или желает быть включенным в общественно-политические, экономические, культурные действия в муниципальном, региональном, федеральном и международном пространстве.

Институциональные особенности выстраивания политического поля, особенно в системе функционирования молодежных политических структур, имеют высокие шансы для выживания, если институты, которые формируют общественное мнение и включенность молодежных лидеров в общественно-политическое обозрение, являются технологиями нового поколения, инновационными продуктами сферы «веб 2.0». Отмечается, что «активное развитие пространства Веб 2.0 — и в особенности социальных медиа — затронуло все сферы жизни общества и не могло обойти стороной политическую сферу. Блоги и персональные сайты демократизировали и упростили общение политиков и избирателей, предоставив возможность обратной связи» [8]. Особенno подобная «обратная связь» важна для активного функционирования молодежных политических структур. К таковым мы можем отнести: молодежные НКО, институты молодежного представительства при органах государственной власти и местного самоуправления (Молодежные советы и парламенты), молодежные сообщества при политических силах и партиях и т.п. В выработке стратегических положений схем обратной связи для молодежных групп отлично подходят социальные сети.

Социальные медиа-сети позволяют аккумулировать вокруг себя представителей молодежной аудитории 14–35 лет. Так, по результатам исследования, проведенного одной из крупнейших медиа-компаний, ориентирующей свой бизнес на Интернет сферу «Mail.RuGroup», значится, что наибольшую активность в пространстве социальных сетей «В контакте», «Одноклассники» «Facebook», «Twitter», «Instagram» проявляют пользователи в возрасте 25–34 лет. «Эта группа составляет порядка 27% пользователей рунета. Facebook отличается от остальных социальных сетей более возрастной аудиторией, в то время как Twitter и ВКонтакте сильны молодежью до 24 лет» [6]. Эти данные позволяют нам говорить о том, что российский

Рунет имеет активные ресурсные богатства для активизации возможностей молодежи в политическом поле. Тем более, что вышеописанное исследование «Mail.RuGroup», уже на основе данных компании BrandAnalytics, представило данные о том, что пользователи молодежной аудитории социальных сетей активно просматривают не только новости и фото, но и сами являются авторами информационных поводов. Отмечается, что члены сообществ социальных сетей активно «передают информацию, фото и видео с места событий» [6, 9].

Выделяется, что порядка 30% представителей от общего числа членов некоммерческих организаций являются представителями молодежной аудитории [4]. Добавим к этому, что детские и молодежные общественные объединения готовят молодежных лидеров, управляемых собственными проектами, направленными на социальную сферу, которые бы способствовали решению насущных проблем общества. В связи с этим, становится очевидным, что часть выпускников их этих объединений позже становятся представителями политической элиты (от районного и муниципального уровней до федерального). А для того, чтобы система рекрутования могла работать наиболее эффективно и включать в себя наибольшее количество положительных индикаторов, нужно, чтобы система коммуникации и передачи данных действовала с очень высокой скоростью. Таким свойством обладают социальные сети.

Вышесказанные ситуационные переменные идеально могут работать для молодежных сил, которые стремятся попасть с благими намерениями в органы государственной власти, местного самоуправления, общественно-политические движения и партии. Но российская Интернет-система и социальные сети активно используется и представителями внесистемной оппозиции с целью мобилизации молодежных ресурсов для формирования инклюзивной оппозиционной силы, которая стремится «раскачать лодку». Так, «большая часть граждан России, интересующаяся общественно-политической ситуацией, узнавало о новых лицах в российской оппозиционной сфере: А. Навальный, Е. Чирикова, С. Удальцов и др. Соответственно их имидж формировался, пре-

жде всего, через социальные сети, лояльные к ним общественно-политические порталы, видеоХостинги» [5].

Важно понимать, что Интернет — пространство, а особенно социальные сети, где информация может обойти огромное количество людей за считанные секунды, поэтому необходимо избирательно подходить к информации, которая готовится к опубликованию.

Сопутствующие системы развития политических отношений также могут способствовать развитию особенностей развития распространения информационных ресурсов среди молодежных политических структур. Это сопровождается изменениями в системе парадигм развития общественных и политических систем в целом. В. Гайдук отмечает в этой связи: «Сегодня нужна „разновекторность“. Если хотите — многополярность развития нашего общества. Потому что только когда есть разные мнения может получиться что-то новое, интересное» [1–2]. Подобный употребляемый подход «разновекторности» может разительно вывести молодежные политические структуры (как мы ранее опередили, что к ним можем относить молодежные НКО, молодежные представительства) на новый этап институционального развития, о котором говорили в начале данной статьи. Именно институционализация (не путать с созданием какой-то четкой структуры или формализацией отношений. Говорится о формировании теоретического институционального конструктора) использования социальных сетей молодежными политическими структурами сможет эффективно отвечать на существующие вызовы современности и помогать молодым лидерам ориентироваться в информационном поле.

Продолжая рассуждение о включенности социальных сетей в деятельность молодежных политических структур, стоит выделить миссию, которая может быть полезна для молодых политиков. Здесь, мы считаем важным, выделить поиск и формирование национальной идеи, т. к. она [национальная идея] может выступать «как атрибут государственности качественно изменяет свое содержание, лавируя между категориями «надгосударственная» и «внутригосударственная» [3, 7]. Социальные сети, обладая огромным потенциалом разви-

тия и формирования общественного мнения, имеют возможность качественного проникновения в молодежную среду. Отмечается, что национальная идея «может представлять собой систему ценностей, традиций, символов принимаемых большинством населения страны, но официально не закрепленной» [7]. Поэтому мы можем констатировать, что одним из каналов распространения ее среди молодежи и от молодежных политических структур могут выступать социальные сети. При этом «наративность» структур реализации политического потенциала включенности социальных сетей для молодежной аудитории должна наращиваться и идти по ходу развития эпохи Модерна, которую Энтони Гидденс (Anthony Giddens) характеризует как период, в течение которого происходит «высвобождение», т. е. выход социальных взаимоотношений из локального пространства [11]. Из этого следует, что социальные сети, зародившиеся в эпоху Модерна, позволяют высвобождать социальные взаимоотношения. В том числе, это касается, молодежной среды, которая перестает функционировать как замкнутая локальная структура и начинает развитие в междисциплинарной коммуникационной форме для обобществления форм делиберативной демократии.

Подводя итоги данному рассуждению, выделим основные особенности включенности социальных сетей в молодежную политическую систему.

Первое. Социальные сети для молодежной аудитории, стремящийся покорить «политический» Олимп являются наиболее оптимальным средством для продвижения интересов, проектов, идей за счет того, что социальные медиа в Интернете представляют собой уникальный механизм коммуникационного взаимодействия, в связи с этим, скорость обращения данных и информации может достигать рекордных значений, по сравнению с недавним прошлым.

Второе. Широкая молодежная аудитория социальных сетей позволяет ориентироваться молодых политиков на коммуникацию по схеме «молодежь — для молодежи», что снижает вероятность психологических, возрастных непониманий и определения в неправильном курсе коммуникационных каналов.

Третье. Социальные сети — инструмент реализации коммуникативных посылов и формирования нового поколения аудитории, ориентирующейся на высокоскоростные и динамичные системы передачи данных.

В целом, можно с уверенностью сказать, что социальные сети активно сегодня исполняют роль индикатора включенности молодых людей в общественно-политические события и активизации их внимания на общегосударственных вызовах.

Литература

[1] Гайдук В.В. Индекс временности власти и его роль в этнополитической стабильности российских регионов // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 4 (19). — С. 72–79.

[2] Гайдук В.В. Российское общество политологов в научно-экспертном формате измерения 3D // Вопросы политологии. — 2013. — № 4 (12). — С. 23–34.

[3] Гайдук В.В. Сулейманов А.Р. Политический tandem как инструментарий российской модернизации: смена декораций // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 1 (13). — С. 9–15.

[4] Доклад о развитии институтов гражданского общества в России «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития

[Электронный ресурс]. — URL: <http://civifund.ru/mat/20>

[5] Лукьянцев А.С. Электронные СМИ и Интернет в реализации политических имиджевых технологий. Наука и современность — 2014: сб. мат-лов XXXIII Международной науч.-практич. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова. — Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014.

[6] Социальные сети в России: исследование Mail.RuGroup [Электронный ресурс]. — URL: <https://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotsialnykh-setej.pdf>

[7] Сулейманов А.Р. Проблемы институционализации национальной идеи в федеративной России // Вопросы политологии. — 2014. — № 1 (13).

[8] Филатова О.Г., Шабанова Е.С. Публичные коммуникации органов государственной власти Российской Федерации в пространстве Веб 2.0: анализ блогов и социальных сетей // Труды XIV Все-рос. объединенной конф. «Интернет и современное общество». — СПб., 2011. — С. 220.

[9] Brand Analytics, январь 2014. Публичные сообщения соцсети «Одноклассники» не входили в анализ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.slideshare.net/Taylli01/c-2014-32306771>

[10] Dryzek J. Political Inclusion and the Dynamics of Democratization // The American Political Science Review. — Sep., 1996. — Vol. 90. — № 3.

[11] Giddens A. The Consequences of Modernity. — L., 1990.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

УДК 323(470)

БЕНИНА Лариса Ивановна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и истории
Башкирского государственного университета
e-mail: Larisa.benina@mail.ru

КРОСС-ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается сложный и противоречивый процесс развития политической культуры российского общества. Анализируются особенности дореволюционного, советского и современного этапов этого процесса.

Ключевые слова: политическая культура, динамика политической культуры, этапы развития политической культуры, политические традиции, стереотипы, нормы и ценности.

Проблема взаимодействия и взаимовлияния политического бытия и политического сознания всегда интересовала обществоведов. Но особенно актуальными подобные исследования становятся в переломные моменты истории, когда возникают сомнения в верности избранного пути, в способах достижения цели и в обеспечении безопасности всей системы [1].

Политическая культура общества, с одной стороны, является отражением в общественном сознании реальных социальных процессов, результатом их осмысления властью и народом, с другой, — «сводом» политических традиций и общепринятых норм взаимодействия в сфере политики, имеющим глубокие исторические корни. Эта двойственность, расположенная одновременно и в прошлом, и в настоящем народа, антагония архаичности и современности, консервативности и прогрессивности является отличительной чертой политической культуры как культурной составляющей политической системы.

Старое и новое сочетаются в ней весьма противоречиво. Вытеснение привычных стерео-

типов политического мышления и поведения, тормозящих процесс демократического транзита российского общества, происходит медленно и болезненно. Трудности становления демократии во многом обусловлены именно спецификой политической культуры, как массовых слоев, так и руководителей страны, недостаточно овладевших навыками разрешения политических проблем без резкой конфронтации на основе общественного согласия. В связи с этим представляет как теоретический, так и практический интерес исследование динамики политической культуры путем сравнительного анализа ее советского и постсоветского типов, выявление общего и особенного в сфере политического сознания и политического поведения граждан СССР и современной России и определение факторов, оказывающих на них существенное влияние [6–7].

Путь к взаимопониманию различных политических сил в условиях незрелого плюрализма, движения к межнациональному миру и социальному партнерству лежит через «прививку» к деревне российской политической культу-

ры давно принятых на Западе либеральных образцов толерантности по отношению к инакомыслящим и лояльности по отношению к предыдущим другим целям субъектам политики. Без этого политическая борьба неминуемо будет перерастать в конфронтацию, как это часто происходит в нашей стране. Отсюда следует, что демократизация политической культуры является важной составляющей процесса демократизации российского общества, а исследование ее динамики — необходимым компонентом развития политической науки, имеющим как теоретическую, так и практическую значимость [2].

В статье применен компаративистский подход, предполагающий кросс-темпоральный анализ базовых характеристик политической культуры дореволюционного и современного типов. Трансформация политической культуры рассматривается на основе анализа динамики таких ее элементов как общепринятые нормы и ценности, вытекающие из политических традиций и исторического опыта российского общества. Нормы и ценности рассматриваются как факторы, влияющие на политическое сознание, и регулирующие политическое поведение.

Объектом анализа является политическая культура российского общества. Предметом — характер изменений основных элементов политической культуры (моделей и стереотипов политического сознания и поведения, ценностных ориентаций массовых социальных слоев) под влиянием перемен, произошедших в России в последнее десятилетие XX — начале XXI вв.

В работе применен системный подход в политологии, согласно которому необходимо проследить взаимосвязь между экономическими, социальными, политическими и духовными процессами в обществе и динамикой политической культуры. В качестве «независимой переменной» рассматриваются системные преобразования двадцати последних лет, являющиеся фактором изменения «зависимой переменной», то есть политической культуры граждан. Кроме того, используется исторический метод исследования, предполагающий сравнительный анализ исторических этапов развития политической культуры российского

общества. Применяется факторный анализ — выявление причинно-следственных связей, нахождение зависимостей между переменными — элементами политической культуры с одной стороны (зависимая переменная) и социально-политическими процессами в обществе (независимая переменная).

Методологические основы исследования политической культуры за последние двадцать лет претерпели серьезные изменения. В советский период общественные науки основывались на стадиально-формационном подходе, для которого характерны: во-первых, излишний универсализм, игнорирование цивилизационных различий, абсолютизация специфических черт, присущих политической культуре «капитализма» и «социализма» при полном отрицании ценности достижений ее западноевропейского типа. Не учитывались исторические, конфессиональные, культурные, психологические различия народов-носителей политической культуры. Во-вторых, в исследованиях превалировал техно- и экономоцентризм, жестко выводящий духовную и политическую жизнь общества из способа производства и распределения материальных благ. Прогрессивному «базису» должна соответствовать не менее прогрессивная «надстройка». Отсюда вытекала аксиома о безусловном превосходстве социалистической политической культуры как высшего ее типа.

Представляется, что, не отрицая важности учета социально-экономических условий жизни, следует обратить большее внимание на цивилизационную специфику российской политической культуры, сложившуюся под влиянием уникальных исторических, религиозных и идеологических факторов. Комплексный подход требует обращения к отечественной политико-философской традиции, учета воздействия, оказанного на политическую культуру современного российского общества основными течениями российской политической, религиозной и философской мысли прошлого.

Выявляя особенности отечественного политico-культурного типа и путей его трансформации, мы в то же время пытались избежать абсолютизации российской специфики, признавая необходимость исследования динами-

ки политической культуры в контексте общечеловеческих ценностей. Поэтому в данной работе политическая культура рассматривается как система, в которой сочетаются универсальные и специфически российские политические ценности, нормы и модели политического мышления и поведения, организующие политическую жизнь общества. Не идеализируя какой-либо тип политической культуры, мы попытались выявить особенности ее реального состояния в различные периоды российской истории.

Противоречивость политического сознания российского общества, так ярко проявившаяся в конце XX — начале XXI вв. в условиях глубокой системной трансформации, во многом является продолжением спора двух идеально-политических тенденций, берущих начало в первой четверти XIX столетия в период создания декабристами проектов переустройства государства российского. Н.М. Муравьев и П.И. Пестель предложили два пути преобразований на основе конституционных принципов. Программа Северного общества, разработанная Н.М. Муравьевым, сложилась под влиянием либеральных идей Дж. Локка, Ш.-Л. де Монтескье, Т. Джефферсона, Б. Констана и включала в себя идеи ограниченной монархии, федерализма, разделения властей, прав человека и представительной демократии. Данную программу можно отнести к умеренно-либеральным доктринам европейского толка.

Другая тенденция представлена в документе Южного общества декабристов «Русская правда» П.И. Пестеля, проповедовавшем радикальные идеи социального и политического переустройства общества, заимствованные из якобинской конституции Франции 1793 года. Пестель стремился к социальной революции, установлению диктатуры, подобной власти Наполеона. Учредительному собору Н.М. Муравьева он противопоставлял республику во главе с диктатором, мирному переходу власти — цареубийство. П.И. Пестель впервые обосновал авторитарную тенденцию в русской политической мысли, взявшую затем верх над либеральной [5].

В чем же причина победы радикального стиля политического мышления и поведения, ставшего в XX веке определяющим в россий-

ской политике? Ответ на этот вопрос следует искать в российской истории, постоянно ставившей народ в ситуацию борьбы за выживание. Н.А. Бердяев в труде «Истоки и смысл русского коммунизма» осуществил глубокий анализ предпосылок раскола в российском политическом сознании. По его мнению, в царской России «Невозможность политической деятельности привела к тому, что политика была перенесена в мысль и в литературу». Жесткое давление со стороны власти породило «тип человека, единственной специальностью которого была революция...». При этом «Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке». Н.А. Бердяев отмечает догматический характер усвоения российской интеллигенцией западных идей: «Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей. Это есть недостаток, приводящий к смешениям и подменам, но это также достоинство и указывает на религиозную целостность русской души». В связи с этим «тоталитарно и догматически были восприняты и пережиты русской интеллигенцией сен-симонизм, фурьеризм, гегelianство, материализм, марксизм в особенностях» [3].

Догматичностью политического сознания российской интеллигенции можно объяснить и начавшийся в XIX веке и продолжающийся до наших дней спор славянофилов и западников. Первые считали Россию особой цивилизацией, не нуждающейся в каких-либо заимствованиях у Запада ни в политической, ни в социально-политической сфере. «Они видели образ русского народа освобожденным от искажений, которые они приписывали западному рационализму и государственному абсолютизму» [3]. Особенно ярко эта точка зрения выражена Н.Я. Данилевским в труде «Россия и Европа».

«Славянофилы верили в народ, в народную правду и народ был для них прежде всего мужики, сохранившие православную веру и национальный уклад жизни. Славянофилы были горячими защитниками общины, которую считали органическим и оригинально русским укладом хозяйственной жизни крестьянства. Не считали собственность священной и абсо-

лютной. Они отрицали... капиталистическую цивилизацию» [3].

Западники восприняли европейские социальные теории. По мнению Н.А. Бердяева, наибольшее влияние на их умы оказали учения А. де Сен-Симона и Ш. Фурье. Петрашевский и его соратники стремились к «счастью человечества», в чем проявилась «русская способность к беззаветному увлечению социальными идеями» [3].

Как отмечал Н.О. Лосский в труде «История русской философии», западники были убеждены, что Россия должна учиться у Запада и пройти тот же самый этап развития. Они хотели, чтобы Россия усвоила европейскую науку и плоды векового просвещения. В политической сфере между ними не было единомыслия: «одни из них более всего ценили политическую свободу, а другие являлись сторонниками социализма в той или иной форме» [4]. То есть в данном направлении русской социально-политической мысли мы видим две «ветви» — либеральную и социалистическую. К либеральному крылу западничества можно отнести П.Я. Чаадаева, Н.В. Станкевича, К.Д. Кавелина. Они полагали, что для России не существует никакого другого пути развития кроме западноевропейского. Сторонниками социализма были В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский. Их часто называют «русскими революционными демократами», так как в отличие от западников-либералов, они звали Русь «к торту», считая наиболее приемлемым революционный путь развития. Как отмечал Н.А. Бердяев, «Герцен и русские народники-социалисты верили в особые пути России, в ее призвание осуществить лучше и раньше Запада социальную правду, верили в возможность для России избежать ужасов капитализма» [3]. Наиболее радикальная тенденция представлена в творчестве В.Г. Белинского, в частности, в его письмах. «Неистовый Виссарион» писал: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» [4]. «По Белинскому можно изучать внутренние мотивы, породившие миросозерцание русской революционной интеллигенции, которое будет долгое время господствовать и в конце концов породит русский коммунизм,

но уже в иной исторической обстановке, — писал Н.А. Бердяев. — Мотивы эти нужно видеть, прежде всего, в страстном негодующем протесте против зла, несчастий и страданий жизни, в сострадании к несчастным, обездоленным, угнетенным» [3]. Впоследствии российские революционеры взяли на вооружение именно радикальный метод социально-политических преобразований, стремясь осчастливить пролетариат, «уничтожив как класс» буржуазию, дворянство и духовенство, попутно раскулачив мелкобуржуазные крестьянские слои. Взгляд на народ как на объект своих коммунитарных экспериментов был характерен для данного направления политической мысли в России конца XIX — начала XX вв.

В результате революционных событий 1917 года в стране возникла аномия, экономическая и политическая разруха, а народ оказался в тяжелейшей ситуации, которая, как ни парадоксально, сыграла на руку большевикам, сумевшим внедрить уравнительно-коммунистические идеи в массовое сознание. Дело здесь не столько в успешной пропаганде данных идей, сколько в тяжелом экономическом положении населения.

Взаимосвязь между условиями жизни и состоянием политического сознания народа проследил Питирим Сорокин в статье «Голод и идеология общества», опубликованной в 1922 году. Автор доказывает наличие функциональной связи «между колебанием кривой питания общества и варьированием его идеологии». П.А. Сорокин отмечает, что «в эпохи Голода это изменение сказывается в усиленной и успешной прививке членам общества такой идеологии, которая при данных условиях благоприятствует насыщению голодного общественного желудка, и в падении успеха идеологий,...мешающих этому насыщению. Обратное происходит в эпохи перехода общества от голодного к сытому состоянию» [6].

Анализируя социально-экономическую ситуацию в стране после гражданской войны, П.А. Сорокин пришел к выводу о наличии в России благодаря послевоенной разрухе и масштабному голodu широкой социальной базы для распространения уравнительно-коммунистических идей. Исходя из материалистической аксиомы о том, что общественное бытие опре-

деляет общественное сознание, автор подчеркивает, что «голод у голодных... должен вызывать появление, развитие и успешную прививку коммунистически-социалистической идеологии». Для обездоленных людей, по мнению П.А. Сорокина, важно лишь то, «чтобы идеология благословляла на акты захвата, раздела, поравнения, чтобы она... их одобряла. А почему, на каком основании — это дело десятое... Для успеха таких идеологий необходимы два основных условия: 1) резкий значительный рост дефицитного или сравнительного голодаания масс, при невозможности уголения голода иными путями; 2) наличие имущественной дифференциации в стране. Чем резче будут оба условия, тем подъем успеха коммунистически-социалистической идеологии будет быстрее и сильнее, тем легче она будет прививаться к голодным...» [8].

Подобная ситуация сложилась в России как в начале, так и в конце XX века. Поэтому рассуждения П.А. Сорокина можно применить и к анализу причин радикализации общественного сознания в ходе проведения рыночных реформ 1990-х годов, получивших название «шоковая терапия». В этот период резкая дифференциация доходов стала основной предпосылкой поляризации политических взглядов. Поскольку основная масса населения утратила привычный уровень жизни, дохода и социальные гарантии со стороны государства, она стала благодатной почвой для распространения коммунистической идеологии. Рост влияния КПРФ продемонстрировали результаты выборов депутатов Государственной думы в декабре 1995 года. Меньшинство благополучных граждан, как и предсказывал в своих «теоремах» П.А. Сорокин, предпочли поддержать реформаторов — партию «Демократический выбор России». Соотношение голосов, поданных за «левых» и «правых», продемонстрировало масштабы обездоленности большинства и удельный вес «сытых» и довольных реформами. Резкая имущественная дифференциация, то есть «сравнительный голод» толкнул людей, обездоленных «шоковой терапией», (а таких в конце 1995 года было 30 млн человек) на путь конфронтации с реформаторами.

В период экономической стабилизации и роста 2001–2007 годов и соответствующего

повышения уровня благосостояния значительной части общества, в политическом сознании произошли заметные изменения. Поправившие свои дела граждане, ранее бывшие адептами коммунистической идеологии, постепенно стали избирать для себя другие взгляды. Радикальные настроения, характерные для периода кризиса, стали играть не столь заметную роль в массовом сознании. Появилась тенденция к распространению центристских взглядов, что проявилось в безоговорочной победе на парламентских выборах 2007 года Единой России как партии Центра. Таким образом, можно предположить, что динамика политического сознания и ценностных ориентаций населения в первую очередь обусловлена изменением экономической ситуации в обществе и уровня жизни массовых слоев.

Однако, в обществе, находящемся на стадии структурирования, еще не сложились условия для полного и адекватного осознания всеми его слоями и группами собственных интересов. Поэтому характер политической культуры нельзя упрощенно выводить из уровня материального благосостояния людей и степени их приспособления к жизни в условиях рыночной экономики. Партийная система как средство выражения всего спектра интересов общества находится на стадии формирования и не является серьезным фактором формирования демократических моделей политического мышления и поведения. По этой причине в массовом сознании сохраняются стереотипы мышления, сопротивляющиеся демократическим преобразованиям.

Эти стереотипы сознания Эдмунд Берк называл политическими предрассудками, которые, по его мнению, являются скрытой мудростью народа, своеобразным коллективным разумом общества, передаваемым из поколения в поколение. Э. Берк противопоставлял этот «скрытый общественный разум» индивидуальному разуму образованных людей — «разуму софистов и экономистов», который не способен так же чутко отражать политические явления, как чистая душа народа. Французский традиционалист Жозеф де Местр так же полагал, что народная мудрость и политический опыт важнее абстрактных теорий. Особенно ярко это проявляется в политике, «где так труд-

но бывает осмыслить в их целостности многочисленные и изменчивые события, опыт почти всегда противоречит теории» [9]. Специфика политики с точки зрения де Местра заключается в том, что она неизбежно завершается действиями и, следовательно, не может быть только детищем разума, а является «разумной практикой».

Политические предрассудки, то есть устойчивые мнения и стереотипы сознания, не являющиеся объектом осмысления и осознанного выбора их носителей, являются своеобразным «фильтром», через который субъект политического действия пропускает доводимую до него информацию, теории и политические программы. Идеи, противоречащие предрассудкам, как бы убедительно они не были аргументированы, чаще отторгаются или воспринимаются искаженно, адаптируясь к стереотипам мышления субъекта. И напротив — тезис, соответствующий «чаяниям народа», воспринимается с восторгом, даже если с точки зрения здравого смысла он утопичен. Массовое сознание предпочитает принимать желаемое за действительное, как в политике, так и в других сферах общественной жизни. Следовательно, в области политической культуры далеко не все можно объяснить с позиции разума, важно учитывать и влияние подсознания, политических традиций и настроений.

Политическое сознание включает в себя различные уровни осмысления политической реальности — от глубокого понимания сути явлений и процессов до полного отсутствия интереса к политике. Носителями двух крайних типов политического сознания, составляющих меньшинство в любом обществе, являются в первом случае политики-профессионалы, политологи, идеологи, во втором — малообразованные люмпенизированные слои. Преобладает же массовый тип политической культуры среднестатистического гражданина, имеющего средний уровень доходов, образования и политической культуры. Для этого типа характерен определенный (часто поверхностный) интерес к политике, часто мифологизированные представления о политике [2] неко-

торая осведомленность о наиболее значимых и широко освещаемых политических событиях при неумении самостоятельно анализировать и оценивать эти события и нежелании лично участвовать в политической деятельности. Это так называемое «молчаливое большинство», представленное на политической сцене любого, даже самого демократически «продвинутого» общества. Для массового типа политической культуры так же характерны: достаточно развитая политическая интуиция, широкий набор политических предрассудков и стереотипов мышления и поведения « рядового гражданина», ориентированного на стабильность, общественный порядок и благосостояние, то есть в основном на консервативные ценности. Этот консерватизм сочетается с политической наивностью и излишней доверчивостью к популистским обещаниям демагогов, предлагающих простые и быстрые пути решения сложных проблем.

Литература

- [1] Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.
- [2] Бенина Л.И. Политическая мифология как элемент массовой политической культуры // Вестник БИСТ. Сер. «Регионалистика и этнополитика». — 2014. — № 3 (24). — С. 67–70.
- [3] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 285 с.
- [4] Лосский Н.О. История русской философии. — М.: Выш. шк., 1991. — 320 с.
- [5] Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. — 1996. — № 1. — С. 168–170.
- [6] Нигматуллина Т.А. Механизмы формирования современной российской молодежной политики: региональный аспект. — М.: NOTA BENE, 2013.
- [7] Нигматуллина Т.А. Политические настроения молодежи: региональный аспект // Труд и социальные отношения. — 2013. — № 8. — С. 90–95.
- [8] Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. — 367 с.
- [9] Федорова М.М. Традиционализм как антимодернизм // Полис. — 1996. — № 2. — С. 147–150.

УДК 323(470)

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,

кандидат философских наук, доцент,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин

Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «Московская государственная

академия водного транспорта»,

e-mail: suleimanov1957@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Часть II)

В статье рассматриваются социокультурные компоненты политической культуры.

Ключевые слова: знания, язык, сознание, мировоззрение, ориентации, нормы, ценности, символика, традиция, нравственность, идеология, поведение.

Политическая культура неразрывно связана с **традицией**, в которой находит свое отражение, прежде всего, политико-культурное наследие.

Термин «традиция» «означает (от лат. *trāgitio* — передача), элемент социально-го и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиций выступают определенные уставновления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д.» [5, с. 12–17].

В научной литературе принято называть традицией «механизм воспроизведения культурной деятельности (а также и социальных или политических институтов), при котором эта деятельность повторяет прошлые образцы и признается нормативной в силу их наличия в прошлом» [10, с. 205–206]. Традиция это механизм «передачи новым поколениям ранее накопленных ценностей и навыков, пристрастий и предпочтений» [6, с. 7].

В.М. Каиров считает, что под традицией понимается «исторически сложившиеся, транслируемые от поколения к поколению устойчивые обычаи, порядки, правила поведения, аккумулирующие социально-культурный опыт поколений и оказывающие воздействие на образ жизни и действия людей» [12, с. 23].

Политическая традиция представляет «собой совокупность воспроизводящихся в поколениях политических ценностей, идей, установок, которые лежат в основе функционирования политических институтов и определяют нормы политического поведения членов общества и специфику их взаимодействия с государством» [21, с. 4].

Политическая традиция это «воспроизведение определенного преемственного типа отношения к власти, имманентного данной... политики» [22, с. 44]. Политическая традиция обладает так называемым кумулятивным свойством (свойства накопления), транслирует опыт политического бытия от одного поколения к другому. Ю.Г. Лебедева, рассматривая политическую традицию как неотъемлемый компонент политической культуры, достаточно убедительно отстаивает точку зрения в части касающейся того, что это не только консервация политического опыта и способов политического поведения, но и постоянная динамика. Она определяет политическую традицию как «динамичный, воплощенный в политической системе аспект системыобразующих признаков культуры, представляющий собой звено между культурно-историческим базисом и политической системой» [14, с. 30–31], то есть в процессе своей подвижности происходит адаптация традиционного к изменившимся историческим условиям.

Адаптационный механизм политической традиции выявляет и интенсифицирует те модели поведения, которые предопределяют внутреннюю идентичность и комфортность национального бытия. Политическая традиция постоянно видоизменяется, так как меняются внешние и внутренние условия ее существования, появляются «новые вызовы». Какие-то элементы и компоненты традиции уступают место новым ценностям и стандартам поведения, однако ядро традиции не исчезает, оно обновляет свою «внешнюю» и «внутреннюю» периферию, а при глубинном кризисе — и внутреннюю структуру ядра. Но и в последнем случае должны сохраниться важнейшие основы идентичности, иначе культурная система разрушится, что повлечет за собой разрушение собственно всех сторон общественной жизни. Таким образом, политическая культура в своем системном качестве является матрицей, то есть совокупностью укорененных базовых ценностей и норм, обеспечивающих политическое единство общества.

Политические традиции задают определенные параметры политическим институтам, являются необходимым условием их стабильного функционирования и устойчивости политической системы в целом.

Мы считаем, что будет правильнее использовать понятие политico-правовой традиции (смотри выше взаимосвязь политического и правового сознания, политической нормы и правовой) которая является частью культурно-исторической традиции, это, прежде всего, ценности, нормы, установки политico-правового характера и соответственно они играют роль законов, «неформальных» правил в системе политических отношений (урегулированных нормами права). Политico-правовая традиция — это всегда « некая совокупность неформализованных норм, задающих образцы, эталоны политического поведения и действия в поле политики и права » [25, с. 117]. И здесь будет вполне уместным кратко назвать особенности сложившейся политico-правовой традиции, «а именно:

— политico-правовая традиция представляет собой единство формы и содержания. При этом формальная сторона политico-правовой традиции, в наименьшей степени подвержен-

ная изменениям. Ее значение заключается именно в том, что она способствует сохранению исторического опыта, закреплению того социально полезного, что выработано людьми в ходе развития политico-правовой системы. Именно формальная сторона выполняет стабилизирующую функцию традиции, т. к. вносит в политico-правовые отношения начала устойчивости, позволяющие им сохранять свои основные признаки на фоне устойчивости внешней. Содержательную сторону политico-правовой традиции составляют политические и правовые отношения, которые развиваются, изменяются и тем самым характеризуют динамику традиции;

— укоренившиеся в обществе политico-правовые традиции представляют собой диалектическое единство статического и динамического начал. Статическое начало, проявляется, прежде всего, в формальной стороне политico-правовой традиции, оно отражает устойчивые связи политico-правового характера, которые в наименьшей степени подвержены эволюционному процессу. Эти устойчивые связи детерминируются комплексом геополитических, экономических и социокультурных факторов.

— политico-правовая традиция складывалась непосредственно под воздействием Русской православной церкви, которая „вплоть до начала XVIII века... была единственным проводником культуры и образования в стране”;

— политico-правовая традиция явилась своеобразным сплавом национального и религиозного элемента, где „в несравненно большей мере проявляется сила традиций, элементы постоянства. На протяжении веков остаются неизменными этнические и религиозные представления, на которые мало действует не только смена политического режима, но и общественной системы в целом”;

— на политico-правовой традиции сказалась специфика и особенность культурно-исторического развития государства российского;

— политico-правовая традиция явилась отражением характера русского народа, наиболее глубокой чертой которого „есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществило лишь в Царстве Божием”;

– приоритет духовно-нравственного начала в понимании сущности права по отношению к юридико-нормативному аспекту его восприятия. Подобное отношение отражается в оценке права с точки зрения его справедливости. При этом право предстает как исходящая от государства высшая истина, „правда”;

– приоритет коллективистских (публичных) ценностей по отношению к индивидуальным (частным) в понимании социальной сущности государства;

– в силу того, что политико-правовая традиция сложилась под воздействием православия, то в ее основе лежит „традиция платонизма и греческой патристики”;

– политico-правовая традиция всегда вбирала в себя базовые ценности России, которые формировались и воспроизводились столетия. До 1917 года таковыми была соответствующая триада: православие — самодержавие — народность или Вера — Царь — Отечество. „В 1917 году старым ценностям были противопоставлены марксизм — ленинизм — диктатура пролетариата — интернационализм”. И тут надо отметить, что в советских максимах было воспроизведено в новой форме, то, что содержалось в уваровской триаде. Внешне они противостояли ей „одновременно воспроизводили неизменное, глубинное, выраженное в ней”;

– политico-правовая традиция включила в себя византийский компонент, который она переняла у Византии после крещения по православному образцу в 988 г.» [25, с. 117–118].

Важным компонентом политической культуры является **нравственная составляющая**. Данную составляющую А.И. Арнольдов назвал «принципом неразделимости политической культуры и нравственности» [3, с. 114].

Социальное качество человека связано с «его нравственностью, с воспитанием в человеке обязательного признания необходимости уважения к праву других людей, что является высшей человеческой обязанностью. Современные политические ценности направлены на преодоление моральной стагнации общества, человеческой и общественной отчужденности. Без морали политическая культура погибает и не может бороться за добро и правду» [3, с. 114].

На основополагающее значение нравственности в жизнедеятельности человека (в том числе и политической) указал французский философ Паскаль Блез. Он писал, что «если я не знаю основ нравственности, наука об окружающем мире не принесет мне утешения в тяжкие минуты жизни, а вот основы нравственности утешат и при незнании науки о предметах внешнего мира» [1, с. 341].

Так как жизнедеятельность человека невозможна вне системы социальных отношений и политических в том числе, то, конечно же, в сфере политических отношений невозможно не учитывать нравственные нормы, ориентации, бытующие в том или ином обществе. На это обстоятельство указывал известный русский философ, правовед Б.Н. Чичерин. По его мнению «политическая деятельность граждан как членов целого, определяется понятиями, привычками, нравами, которые они приобретают в частной жизни как члены общества» [1, с. 147].

По сути, мораль выступает не как «абстрактная оторванная от жизни система регуляции человеческого сознания и поведения. Любые нравственные нормы, выражая волю общества, определенного класса, социальных групп, приобретают тем самым политическую окрашенность и становятся мотивами поведения, когда они осознаются личностью, выражают ее индивидуальные интересы» [27, с. 85].

В сфере политических отношений должен действовать принцип совести — «самообуздання внешних и внутренних стихий», — там появляется его замещение в виде тотального внешнего контроля» [16, с. 24–25].

Настоящая работа не ставит перед собой задачу фундаментального исследования соотношений политики и морали, как различных форм общественного сознания, различных сфер жизнедеятельности. Мы лишь отметим, что вне нравственного стержня такие политические понятия и категории, как отчество, долг перед отчизной, гражданская честь, государственные символы теряют всякий смысл и ценность [11, 16, 17, 24, 26].

Политика является доминирующей в системе общественных отношений, в том числе и по отношению к морали, и определяет ее категориальный аппарат политическим содержанием.

ем. «Именно политика, — как пишет Гольбах, — призвана формировать нравы народов; нет ничего более трудного, чем управлять обществом, члены которого развращены», и сама нравственность через призму политики является ничем иным, как «осознанием указанных обязанностей» [1, с. 467].

Говоря о взаимосвязи нравственной составляющей политической культуры, ее следует увязывать с сознанием политической ответственности, «о чрезвычайно строгом, принципиально-моральном отношении к политической деятельности» [23, с. 16–17].

П.Б. Струве, на наш взгляд, предельно точно указал на взаимосвязь нравственной составляющей в политической деятельности. Он пишет, что «более высокая степень политического понимания обуславливает более высокую мораль политической деятельности» [23, с. 17].

По нашему мнению, обязательным атрибутом политической культуры должна быть такая нравственная максима как нравственный долг. Эта составляющая, как нам представляется, поможет очистить политику от политиканства [24, с. 46–51]. Нравственный долг в политике — это один из принципов этики ответственности. Ответственности за все происходящее в обществе.

Известный российский философ и политолог А.С. Панарин рассматривая политическую этику как разновидность профессиональной, считает, что она обязывает следовать следующим этическим максимам:

«1. Не ищи оправданий в чистоте собственных намерений или в верности передовым учениям; дела веры предоставь идеологам, а себе оставь заботу о реальных (земных) интересах своей страны и своих избирателей, служение которым требует не веры, а трезвости, осмотрительности и ответственности.

2. Остерегайся того, чтобы наказы всякого рода пожертвователей, участвующих в финансировании твоей избирательной компании, подменили для тебя наказы твоих избирателей...

3. Соблюдай принцип невмешательства в неполитические сферы жизни — частную жизнь граждан и культурную традицию народа...

4. Не ищи оправданий нелегитимным политическим практикам в политической целесо-

образности. Помни: в настоящей политике легитимность безусловно ставится выше кратковременной эффективности.

5. Не ставь круговую поруку политической элиты выше интересов «молчаливого большинства». В нужных случаях имей мужество обратиться к этому большинству через голову политического истеблишмента — именно этого требует принцип политического суверенитета народа» [15, с. 180].

Следующим компонентом политической культуры является **политическая идеология**. В соответствии с энциклопедическим словарем по политологии «идеология (от греч. идея и логос — слово, понятие, учение) — система взглядов и идей, в которых выражается отношение к той или иной действительности, взгляды, интересы, цели, намерения, умонастроения людей, классов, партий, субъектов политики и власти тех или иных эпох, поколений, общественных движений, искусства, литературы и т.д. вплоть до мировоззрения, умонастроений и жизненных позиций носителей той или иной идеологии» [20, с. 113–114].

По сути, идеология может быть представлена как «мировоззренческое представление, которое разделяется большинством населения и на которое в той или иной степени опирается власть» [10, с. 91].

Концентрированным выражением идеологии как совокупности идей политического развития, содержания, политического бытия является политическая философия. Так, Ш. Лео считает, что идеология возникает и проявляется «если человек осознанно преследует цель получить знания о хорошей жизни и о благом обществе... политическая философия имеет дело с политическими явлениями, с тем чтобы мыслить об их месте в политической жизни общества; поэтому предметы ее анализа должны соответствовать целям самой политики, высшим целям политической деятельности» [1, с. 399].

И важнейшей особенностью политической философии является то, что «это та ветвь философии, которая включена в политическую жизнь общества, в нефилософскую жизнь, в жизнь человека» [1, с. 399].

Также, на наш взгляд необходимо отличать политическую философию от политической мысли в целом. Под политической философи-

ей следует понимать «размышление о политических идеях или их философское изложение, а под политической идеей мы можем понимать любую выдумку, понятие, все формы сознания, которые могут быть использованы, чтобы мыслить об основаниях политики. Таким образом, всякая политическая философия — это политическая мысль, но не всякая политическая мысль — политическая философия. Политическая мысль — это рассуждение, безразличное к разнице между мнением и знанием; политическая же философия — это связанное, напряженное усилие сознания, мнение об основаниях политики, знание о них» [1, с. 400–401].

Мы также должны отметить тот факт, что политическая философия предполагает изучение, осмысление идеологической составляющей мира политического и что, конечно же, понятие политическая философия гораздо шире, нежели политическая идеология.

Политическая идеология, по мнению К.С. Гаджиева, «в целом включает следующие основные структурные элементы:

- 1) связь с общей мировоззренческой системой эпохи;
- 2) программные установки, сформулированные на основе тех или иных положений этой системы;
- 3) стратегия реализации программных установок;
- 4) пропаганда;
- 5) конкретные шаги по реализации программы» [8, с. 348].

Говоря о функциональном назначении идеологии, необходимо отметить, что она «выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции. Первую для сплачивания членов той или иной партии, а вторую — для отделения этой партии от других партий. Она призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, объяснять, обосновывать, оправдывать или отвергать политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях. Важнейшая функция идеологии состоит в том, чтобы ограничить то или иное сообщество или группу от остальных сообществ и групп. В то же время большая часть идеологий основывается на определенном идеале, который независимо от степени

его верности или ложности строится, как правило, на противопоставлении действительности, какой она должна быть, и действительности, какая она есть» [8, с. 348].

Основополагающим назначением идеологии является призвание «придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, объяснить, обосновать, оправдать или отвергать политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях» [7, с. 243–244].

Далее, рассматривая идеологию как один из элементов политической культуры, как часть духовной культуры общества, необходимо подчеркнуть то обстоятельство, которое по мысли современного итальянского политолога Б. Норберто следует иметь в виду: «Рассуждая об относительной автономии культуры, я хочу сказать, что культура (как сфера, где формируются идеологии и производятся знания) не может и не должна оказаться полностью свидетельством к сфере политического. Сведения всех сфер, в которых проходит человеческая жизнь в обществе, к политике, или полная политизация человека, исчезновение любого различия между политическими и, как выражаются ныне, персональным, — это квинтэссенция тоталитаризма» [1, с. 555].

Итак, политическая идеология носит сложный и противоречивый характер, она зачастую представляет собой арену острой идейной борьбы, в которой сталкиваются и подвергают друг друга нещадной критике представители разных учений. Явной или скрытой целью этой борьбы является стремление утвердить приоритетное признание данного течения в общественной мысли, а тем самым внедрить его в массовую культуру.

Результативное вхождение человека в мир политики не может быть только спонтанной реакцией на какие-либо экстраординарные обстоятельства, но требует постепенного освоения личностью или социальной группой норм, видов, возможностей политической деятельности, принятия на себя определенной роли в политике, и это все невозможно вне политических знаний.

Политические знания — непременная предпосылка социальной деятельности, и значение этой предпосылки в условиях динамич-

но изменяющейся социальной действительности (и в первую очередь ее политической составляющей) постоянно возрастает. Политическое знание — условие не только происходящих политических процессов, но и движение общества.

Социально-политические знания нужны людям, прежде всего, для того чтобы знать, чего им ожидать от общества и его институтов, как лучше реагировать на ожидаемые события. Уже этот стихийно-прогностический характер социально-политического знания предполагает его казуальную ориентацию, понимания причин и следствий охватываемых им явлений.

Политические знания являются одним из основополагающих элементов политической культуры, т. е. без вышеназванной составляющей не представляется возможным и говорить о культуре как таковой и политической в частности.

Итак, под знанием мы будем понимать «форму существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека» [5, с. 425].

В структуре знания выделяют различные его уровни: «обыденное («здравый смысл»), личностное, неявное и др. Научному знанию присущи логическая обоснованность, доказательность, воспроизводимость познавательных результатов. Знание объективизируется знаковыми средствами языка» [5, с. 425].

В силу того, что, как совершенно правильно отметил Аристотель, «человек по природе своей — существо политическое...» [2, с. 466], ему свойственен интерес к знаниям политическим.

Далее это обусловлено и тем обстоятельством, «что человек есть существо, причастное к государственной жизни в большей степени, нежели пчелы и всякого рода животные, живущие стадами...» [2, с. 466].

Политическое знание — это процесс познания общественных законов, раскрытие их направленности, форм проявления и механизмы действия в конкретных исторических условиях. Политическое знание предполагает познание причинно-следственных связей, социально-политических явлений. Говоря об особенностях социально-политических

знаний, следует отметить, что «в значительной своей части они состоят из информации о фактах, обобщений, оценок и объяснений, которые с большим трудом поддаются эмпирической проверке. Во-первых, потому, что в своих концептуальных, оценочных и казуальных аспектах они чаще всего формируются в рамках идеологии, под влиянием тех или иных идейно-политических течений и пристрастий, а строгое следование объективной истине, эмпирическая доказательность выводов отнюдь не являются высшей целью идеологической деятельности.

Во-вторых, огромная часть социальной информации о фактах общественно-политической жизни, обобщений и объяснений этих фактов просто не поддается проверке со стороны потребителей информации» [9, с. 28–29].

И, наконец, последним компонентом политической культуры является **политическое поведение**, которое в свою очередь пред определяется уровнем политических знаний, степенью сформированности политического сознания, ценностными ориентациями.

Сразу же необходимо отметить, что «в политической науке под термином политического поведения понимают как действие отдельных участников, так и массовые выступления, как активность организованных субъектов власти (правительство, мафия), так и стихийные действия толпы, как акции в поддержку системы, так и направленные против нее» [19, с. 188].

Между тем ряд авторов отождествляют политическое поведение и политическую деятельность. Так, например, авторы коллективной работы «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа» определяют политическое поведение как «субъективно-мотивационный процесс, в котором воплощается тот или иной вид политической деятельности» [18, с. 153].

На наш взгляд, между поведением и деятельностью существует принципиальное отличие, ибо деятельность «включает в себя цель, средство, результат и сам процесс» [5, с. 348]. Аналогичной точки зрения придерживается и Г.А. Белов, по мнению которого, «под политическим поведением понимается любое действие (но не деятельность) или группа действий

по поводу власти и с использованием власти» [4, с. 252].

На это же обстоятельство указывают и зарубежные политологи Э.Г. Карминес и Р. Хакфельд, которые пишут, что политическое поведение не может быть сведено к политической деятельности, ибо последнее вбирает в себя вышеуказанное. Они разграничивают политическое поведение на две его составляющие: культуру политического участия и культуру политической деятельности [13, с. 235–261].

В частности отмечается, что «участие и получение информации — это виды деятельности, имеющие внутреннюю ценность. Люди осуществляют свои гражданские обязанности потому, что им это нравится, или из-за чувства вины, или потому, что они не хотят выглядеть глупо в разговоре за обедом. Важно, что осуществление гражданских обязанностей является ценностью самой по себе» [13, с. 238].

Главной отличительной чертой политической деятельности является ярко «выраженное целеполагание» [19, с. 190].

Характерной особенностью политического поведения «в отличие от нравственного, религиозного политическое поведение в целом отличается большей организованностью, коллективностью как деятельности, так и бездеятельности, развитием организаций. Обязательный элемент механизма политического поведения — групповые влияния, формирование коллективных интересов, их актуализация» [4, с. 252].

Естественно, разделение компонентов, проведенное выше, в значительной мере условно. В реальной жизни они тесно связаны и взаимодействуют друг с другом. Однако для более глубокого понимания структуры политической культуры такое деление, очевидно, оправданно.

Подводя итог данной работы следует отметить, что вышерассмотренные социокультурные компоненты политической культуры являясь неотъемлемыми элементами культуры, как некого единого целого, получают свою политическую окраску, политическое содержание и смыслы в системе политических отношений.

Литература

- [1] Антология мировой политической мысли: В 5 т. — Т. I. Зарубежная политическая мысль: источники и эволюция. — М., 1997.
- [2] Антология мировой философии: В 4 т. — Т. I. — Ч. 1. — М., 1969.
- [3] Арнольдов А.И. Человек и мир культуры: введение в культурологию. — М., 1992.
- [4] Белов Г.А. Политология. — М., 1997.
- [5] Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1997.
- [6] Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / ред. кол.: М.П. Мчедлов, Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов и др. — М., 2007.
- [7] Гаджиев К.С. Политическая наука. — М., 1995.
- [8] Гаджиев К.С. Политическая философия. — М., 1999.
- [9] Дилигенский Г.Г. Социально-политическая политология. — М., 1996.
- [10] Ерасов Б.С. Социальная культурология. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1997.
- [11] Капустин Б.Г. Критика политического морализма // Вопросы философии. — 2001. — № 2.
- [12] Каиров В.М. Традиции и исторический процесс. — М., 1994.
- [13] Карминес Э.Г., Хакфельд Р. Политическое поведение: общие проблемы // Политическая наука: Новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. — М., 1999.
- [14] Лебедева Ю.Г. Традиции в политической культуре современной России: дис. ... канд. полит. наук. — Воронеж, 2005.
- [15] Панарин А.С. Политология: учеб. пособие. — М., 2000.
- [16] Панарин А.С. Философия политики. — М., 1996.
- [17] Поздняков Э.А. Философия политики. — М., 1994.
- [18] Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. — М., 2001.
- [19] Политическая психология / под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. — М., 2001.
- [20] Политология: Энциклопедический словарь. — М., 1993.
- [21] Рогозин Э.В. Роль традиционализма в политических процессах современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2010.
- [22] Салмин А.М. Демократический процесс и политические традиции // Вестник Московской школы политических исследований. — М., 1998. — № 10.

- [23] Струве П.Б. *Patriotika: Политика, культура, религия, социализм.* — М., 1997.
- [24] Сулейманов Т.Ф. О моральности политики или политичности морали // Вестник Уфимского юридического института. — 2000. — № 1.
- [25] Сулейманов Т.Ф. Православие и политico-правовая традиция // Наука и культура России: Мат-лы VII Междунар. науч.-практич. конф., посвя-щенной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (24–25 мая 2010 г.). — Самара, 2010.
- [26] Хесле В. Об отношении морали и политики. Ч. I // Политические исследования. — 2013. — № 4.
- [27] Яновский Р.Г. Наука, мировоззрение, пере-стройка. Пять проблем. — М., 1990.

УДК 323

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин
Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «Московская государственная
академия водного транспорта»
e-mail: suleimanov1957@mail.ru

КАШАПОВ Урал Абубакирович,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель секции «Физическая культура и безопасность
жизнедеятельности» ФГБОУ ВПО «Уфимская государственная
академия искусств им. Загира Исмагилова»
e-mail: ural.kasharov.2014@mail.ru

АБДРАФИКОВА Лариса Вячеславовна,
учитель истории и обществознания высшей категории
МБОУ СОШ № 27 Городского округа г. Уфа
e-mail: abdralarissa@gmail.com

ВОЖДИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ИДЕОЛОГИИ ФАШИЗМА (ЧАСТЬ II)

В данной работе авторы рассматривают феномен вождизма как ключевой элемент идеологии фашизма, а также природу и суть «вождистского государства» и систему социальных отношений «вождь — нация — народные массы» и их социально-психологически особенности.

Ключевые слова: идеология, тоталитаризм, фашизм, национал-социализм, партия, вождь, фюрер, государство, иррационализм, психоструктура, деформация, массовое и индивидуальное сознание.

«...фюрер или борец за идею может достичь успеха (если не в исторической, то по крайней мере в ограниченной перспективе) только в том случае, если его личная точка зрения, идеология или пропаганда имеет сходство со средней структурой широкой категории индивидуумов.

Фашизм характеризуется метафизическим мышлением, неортодоксальными взглядами, одержимостью абстрактными этическими идеалами и верой в божественное предназначение фюрера. Эти основные особенности связаны с более глубоким слоем, для которого характерно наличие прочной связи с идеалом фюрера или нации.

В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека».

B. Райх

Согласно философии национал-социалистов, вождь выступает своеобразной квинтэссенцией расы и нации. Это положение было четко сформулировано Эрнестом Форстхоф-

фом в его работе «Тотальное государство». Согласно его точке зрения основной принцип вождистского государства звучит так: «Руководство это всеобъемлющий политический про-

цесс, который соединяет множество готовых к действию политических людей в лице вождя, превращающего их в своих последователей, но сохраняя неразрывную связь с ними. Руководство как тотальный жизненный процесс возможно только при условии экзистенциальной однородности, вырастающей из области расы, истории и народной судьбы» [16, с. 54–55].

Немецкий идеолог профессор Др. Георг Мелис в своем труде «Вождь и народное сообщество» не без оснований указывал на то, что вождь это духовный гуру, который формировал мировоззрение национал-социализма, берущее «свое начало в политической сфере. Оно отличается от других тем, что предназначено не для всего мира, а только для немецкого народа. Это национальное мировоззрение» [16, с. 128].

И основными предпосылками этого нового мировоззрения были, как известно, идеи Великогерманского Рейха и расовой души. Др. Георг Мелис в третьей главе указанной работы приводит аргументы необходимости вождя. Так, например, он пишет: «Вождь жизненно необходим, как в узком кругу, так и в жизни масс. Вождь знает цель и знает пути к цели. Он знает также, какой путь наилучший, хотя, может быть, и самый трудный. Он не боится трудов и опасностей. Но нарисованный нами портрет это еще не тип вождя. Это образ бойца. Каждый вождь — боец, но не каждый боец — вождь. Боец может сражаться и в одиночку, вождь связан с обществом. Он окружен последователями и должен добиться того, чтобы они слепошли за ним. Тогда нет места колебаниям» [16, с. 137–138].

Далее проводится мысль о том, что для успеха государства, нации необходимо единство, а ее «может привести в жизнь только сильная власть. Законодательная и исполнительная власть должны быть сосредоточены в одних руках. Государством должна управлять единая воля» [16, с. 131].

Под единой волей имеется в виду, конечно же, воля вождя. По его мнению, при республиканской форме правления лишь только вождь выражает волю народа, при монархии в большей степени отражается божья воля и при диктатуре соответственно господствует воля одно-

го человека — диктатора. Лишь только вождь собственно и создает условия для свободного народного сообщества.

Рассматривая историю Германии, он, прежде всего, выделяет в ней три основных периода — историю трех империй, и указывает: «Жизненная задача немецкого народа всегда осуществляется в Империи» [16, с. 126]. И затем дает соответствующую характеристику каждой, и при этом отмечает: «Первая империя была универсальной христианской империей, во второй определяющей была прусская государственная, третья (имеется в виду III Рейх) имеет чисто национальный характер» [16, с. 136–137]. Он отмечает: «В основе первой империи лежала христианская идея, в империи Бисмарка главной ценностью стало государство, в III Рейхе возникло народное сообщество» [16, с. 137].

Немецкий философ и идеолог Карл Хельм в своей работе «Политика и раса. Масса и вожди» также приводит доводы в пользу того, что вождь и только вождь выражает волю народа, и выступает против того института парламентаризма, парламента в целом как выразителя воли народа. Он считает, что парламентаризм «вырождается, как и любое идеальное по смыслу человека» [16, с. 224–225], «парламентаризм — это культ некомпетентности. Парламентское собрание — это тоже масса со всеми характерными чертами... Законодатели отдают предпочтение предрассудкам, партийным догмам и материальным интересам избирателей, а не качеству законов» [16, с. 225]. Национал-социалисты выступая против демократии и ее института парламентаризма считали, что демократия это власть безответственного большинства. [16, с. 153].

Иоганнес Вайдеман считает, что национал-социалистическое государство может быть лишь только вождистского типа и это отвечает интересам нации. Этую мысль он выразил так: «Внутренняя сущность национал-социалистического народного государства заключается в том, что это «вождистское государство». Идея вождизма пронизывает это государство насквозь — это на случайность, а внутренняя необходимость. Это выражается в законодательстве, прежде всего, в отходе от парламентаризма, в упоре на авторитет и личную ответствен-

ность. Смысл идеи вождизма в том, что народ не является просто объектом действий государства, а сам играет активную роль, так как вождь и его последователи неразрывно связаны друг с другом и действуют вместе. Но решения должен принимать один человек, в руках которого сосредоточена большая власть и который берет на себя всю ответственность» [16, с. 159].

Для немецкого народа необходим прежде всего вождь военного типа, в силу того, что «немецкий народ во все времена был солдатским в собственном смысле слова, что доказывает вся его история, начиная с эпохи великого переселения народов» [16, с. 231].

Исходя из этого новое государство прежде всего государство фронтового типа и в основе его положены фронтовые ценности и солдатская этика. В нем культивируются так называемые «фронтовые ценности» характерные для немецкой души, среди которых верность своему вождю, а он воплощает собой национальную честь служащую основой народного самоутверждения, которая находит опору в следующих принципах: «1) Сохранение чистоты немецкого наследственного типа, недопущение „осквернения расы”. 2) Увеличение силы немецкого народа, повышение рожаемости. 3) Обеспечение потребности в трудовых ресурсах своими силами. 5) Развитие Вермахта. 6) Развитие немецкого мировоззрения в немецком искусстве и доведение его до уровня немецкой веры» [16, с. 349].

Верность своему вождю должна быть на инстинктивном уровне. Рудольф Бенце рассматривая сущность человека выделял в нем три элемента — тело, душу и разум. При этом он считал, «Элементы троичной сущности человека должны находиться в полной гармонии, ни один из них не должен резко выделяться, но важней всего для расово здорового человека — тело и душа. Гипертрофированное развитие разума не возвышает, а приижает человека, отрывает его от природы и делает нежизнеспособным» [16, с. 190]. Из этого следует, что идеология фашизма была, прежде всего, обращена к иррациональному элементу, заложенному в человеке. И в этом отношении В. Райх был совершенно точен, когда писал: «...фашизм — это не дело рук какого-нибудь Гитлера

или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека» [10, с. 24].

Говоря об апелляции национал-социалистов к иррациональному элементу, заложенному в человеке, считаем должным подчеркнуть, что вера в вождя как воплощение национального бога, была крайне необходима и носила чисто религиозный характер, которая в свою очередь опирается на эмоции и чувства. Здесь учитывалась и специфика религиозности немцев, которые считали себя лучшими представителями нордической расы, а «для нордического человека жизнь и религиозная вера всегда едины, вера в Бога — необходимая составная часть его мировоззрения. Для него нет разрыва между верой и волей, между религией и жизнью. Нордический человек чтит Бога и одновременно чувствует тесную связь с ним, как с другом. Нордический человек знает, что Бог не в статуях, не в святых местах и не крепких домах, он повсюду — в пламени, в народном сообществе, в лесах и в полях, на праздничных площадях и у домашнего очага» [16, с. 435].

Почтание вождя как бога было важнейшей частью идеологии национал-социализма в силу того, что работало на ее идею. Д. Мельников и Л. Черная, авторы работы, которую вне всякого сомнения называют классикой по данной теме, имеем ввиду «Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер», делают на этом особый акцент. Они пишут: «фашизм невозможен без «идолопоклонства», без «принципа фюрерства», как говорили сами нацисты, иными словами, без рабского повиновения «вождю», почитаемого чуть ли не как бог» [4, с. 44].

Сам Гитлер, обосновывая «идеи фюрера» и фюрерства, уподобляя человеческое общество биологическому организму, у которого должна быть голова, мозг и другие органы, считал, что фюрер представляет собой мозг нации [4, с. 89].

Из подобного почитания вождя следовало то, что каждый немец нес высшую нравственную ответственность и глубочайший внутренний долг по отношению к нему. Для того, чтобы поддерживать подобную религиозную веру необходимо было использовать и соответствующую религиозную атрибутику. А. Гитлер считал, «что массам нужны не только идеи — несколь-

ко простых идей, которые можно внушать им постоянно, — но и символы, которые всколыхнули бы их веру» [18, с. 66].

И, как известно, таковыми были эмблемы, флаг, которые имели не только политический смысл, но и религиозный [2]. Эмблемой, ставшей символом нацистской партии и с приходом к власти всего нацистского государства была свастика. В. Райх уделяет символизму свастики достаточно большое внимание, при этом подчеркивает, что в значительной мере и в первую очередь она была сексуальным символом [10, с. 166]. В части влияния свастики на психику человека он считал: «Воздействие свастики на бессознательную эмоциональность личности не объясняет успех масовой пропаганды фашизма, но, безусловно, способствует ему» [10, с. 166].

В части, касающейся доведения до сознания простых граждан основных положений идеологии национал-социализма, то здесь большое значение имело слово. И А. Гитлер достаточно хорошо осознавал роль и значение ораторского искусства. «Впоследствии в „Майн кампф“ он не преминул порассуждать о значении ораторского искусства в политике. «Истоки той силы, которая с незапамятных времен лежала в основе крупнейших религиозных и политических преобразований, скрываются в магическом притяжении сказанного слова, и в нем одном.

Недаром массы можно всколыхнуть лишь силой слова» [10, с. 46–47]. Исходя из этого, Гитлер принимает все необходимые меры, чтобы преуспеть в этом. И для достижения поставленной цели он использует любой представившийся случай, где была возможность выступить перед аудиторией, какая бы она не была, независимо от ее социального статуса и места выступления. Эти практические занятия ораторским искусством принесли ему соответствующие навыки, которые во многом обеспечили политический успех. На это обстоятельство указывает У. Ширер, который пишет: «Мало кто из политических деятелей Германии периода между двумя мировыми войнами мог сравниться по ораторскому таланту с фюрером, именно это мастерство в значительной степени содействовало его поразительному успеху» [10, с. 47].

Э. Фромм в своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» давая психологическую характеристику Гитлеру, и в частности его искусству убеждать писал: «Гитлер был законченным лжецом и прекрасным актером... Он умел убеждать — не только словами, но и интонацией, ибо в совершенстве владел голосом» [17, с. 525]. «Еще одним фактором, объясняющим суггестивные способности Гитлера, была его непоколебимая уверенность в своих идеях, свойственная всякой нарциссической личности». [17, с. 540]. Помимо этого «Гитлер обладал еще одним важным для демагога даром: простотой слога. Он никогда не утруждал слушателей тонкостями интеллектуальных или моральных суждений. Он брал факты, подтверждавшие его тезис, грубо лепил их один к другому и получал текст, вполне убедительный, по крайней мере, для людей, не отягощенных критической способностью разума» [17, с. 541].

Гитлер как воплощение народного духа был действительно близок и понятен широким народным массам и имел колоссальное воздействие на них и в силу того, что его личные особенности, характеристики достаточно точно отражали среднестатистического немца. В. Райх, исследовавший проблему взаимоотношений вождя и народных масс, подчеркивает: «Фюрер может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп» [10, с. 80].

И. Фест пишет в этой связи следующее: «...он (Гитлер) обладал еще и чрезвычайным чутьем относительно того, какие силы вообще могли быть мобилизованы, и не давал ввести себя в заблуждение господствующей тенденцией» [15, с. 31].

Мировоззрение Гитлера было также типичным, а потому он был понятным, а это, как было уже отмечено выше, также способствовало его успеху. Это важнейшее условие политического успеха, «фюрер или борец за идею может достичь успеха (если не в исторической, то по крайней мере в ограниченной перспективе) только в том случае, если его личная точка зрения, идеология или пропаганда имеет определенное сходство со средней структурой широкой категории индивидуумов» [10, с. 80].

Он практически представлял собой своеобразный образец национального самосозна-

ния и в этом смысле «с точки зрения масс националистический фюрер персонифицирует нацию» [10, с. 116].

Говоря о типичности психологической структуры личности Гитлера необходимо сказать, что это был в первую очередь представитель среднего класса, и он представлял собой фюрера «мятежного среднего класса Германии» [10, с. 82].

Именно средний класс нуждался в авторитете коим и был Гитлер, силу своего социального положения, психологии, которую можно охарактеризовать так: «...сочетание неповиновения с признанием авторитета и повиновением — является одной из основных особенностей любой личностной структуры среднего класса, начиная с периода полового созревания и кончая совершеннолетием, и находит особенно отчетливое выражение у лиц, жизнь которых проходила в материально стесненных обстоятельствах» [10, с. 83]. Иными словами у среднего класса было достаточно амбивалентное отношение к авторитету.

«Включившись в фашистское движение, средний класс проявился в качестве социальной силы» [10, с. 92]. Средний класс в Германии, как известно, был представлен различными группами мелкой буржуазии, государственными чиновниками и служащими частных компаний и фирм. И «для этого класса характерны зависимость от государственной власти и конкурентное отношение к сослуживцам, которое препятствует развитию чувства солидарности.

Социальное сознание чиновника характеризуется не солидарностью сослуживцами, а его отношением к правительству и «нации». Оно заключается в полной идентификации с государственной властью, а в случае служащего частной компании — в идентификации с компанией. Чиновник столь же покорен, как и промышленный рабочий... Подчиняясь вышестоящему, он является представителем власти для нижестоящих и в качестве такого занимает привилегированное моральное (но не материальное) положение. В психологии масс такой тип персонифицируется армейским сержантом» [10, с. 95].

И тут будет уместно сказать, что национал-социалистическая рабочая партия Германии была практически военным орденом во главе

с фюрером и психология сержанта, свойственная немецкому среднему классу, крайне необходима для нее (партии) — его удобно использовать в достижении поставленной цели. Для среднего класса был характерен страх, что его социальное положение изменится, и он потеряет соответственно социальный статус.

«В „Майн кампф“ Гитлер поясняет, что им владел мучительный страх мелкого буржуа скатиться до уровня пролетария, выполняющего физическую работу. Впоследствии при создании национал-социалистской партии Гитлер использовал этот страх, опираясь в основном на плохо оплачиваемый, неприкаянный, не имеющий своего лидера класс „белых воротничков“, миллионы представители которого питали иллюзии, что в социальном отношении они в любом случае стоят выше рабочих» [18, с. 40]. Гитлер, внимательно изучая социал-демократическую прессу, а также речи их лидеров, анализируя психологию и используемые ими политические методы, приходит к выводу, «что социал-демократы добились успехов, во-первых, потому что знали, как сделать движение массовым, без чего существование любой политической партии не имеет смысла; во-вторых, потому что научились вести пропагандистскую работу в массах; в-третьих, потому, что хорошо понимали «внутреннего и физического страха» [18, с. 44]. И впоследствии он писал: «Я пришел также к пониманию того, что такое значение физический страх имеет как в отношении отдельного человека, так и масс в целом...» [18, с. 44].

Говоря о среднем классе, необходимо сказать о его роли и значении в обществе в целом; оно, на наш взгляд, не определяется его материальным положением. «Благодаря своей характерологической структуре средний класс играет социальную роль, которая значительно превосходит его экономическое значение» [10, с. 92].

Гитлер делал все возможное, чтобы привлечь на свою сторону и людей абсолютно равнодушных к политике, расширить социальную базу движения, сделать его действительно массовым; средний класс был явно недостаточен и необходимо было втянуть в возглавляемое им движение социальные группы, для которых было характерно полная инди-

ферентность по отношению к сфере политического, «не учитывая значения «равнодушия или аполитичности» [10, с. 294]. Ведь по глубокому убеждению В. Райха «аполитичность свидетельствует о наличии не пассивного психологического состояния, а в высшей степени активного отношения, защиты от сознания социальной ответственности» [10, с. 294].

Выдающийся политический философ XX века Х. Арендт в своей работе «Начало тоталитаризма» в части касающейся привлечения на свою сторону национал-социалистами аполитичных народных масс писала: «Потенциально «массы» существуют в каждой стране, образуя большинство из тех огромных количеств нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать.

Для подъема нацистского движения в Германии... после 1930 года показательно, что они набирали своих членов из этой массы явно безразличных людей, от которых отказывались все другие партии как от слишком вялых или слишком глупых и потому недостойных их внимания. В результате большинство движений состояло из людей, которые до того никогда не появлялись на политической сцене. Это позволило ввести в политическую пропаганду совершенно новые методы и безразличие к аргументам политических противников. Движения не только поставили себя вне и против партийной системы как целого, они нашли свой девственный состав, который никогда не был ни в чьих членах, никогда не был «испорчен» партийной системой. Поэтому они не нуждались в опровержении аргументации противников и последовательно предпочитали методы, которые кончались смертью, а не обращением в новую веру, сулили террор, а не переубеждение» [1, с. 52].

Итак, как мы отметили выше, что психоструктура вождя была неким отражением типичного для достаточно значительной массы граждан Германии, т.е. в психологическом плане был плоть от плоти нации.

Если оперировать философскими категориями — общее. Особенное, единичное, то в личности Гитлера находила свое воплощение общее и особенное. Если же рассматривать

его психологическую характеристику как единичное, то это был «садомазохистский, авторитарный тип личности с некрофильской установкой. Некрофилю же «в характерологическом смысле можно определить как страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому эта страсть к насильственно-му разрыву естественных биологических связей» [17, с. 521, 529].

Рассматривая психологический склад Гитлера и соотнося его с психоструктурой среднестатистического немца, надо отметить, что он «отождествлял свое личное унижение и поражение с поражением и унижением всего общества, нации в целом» [17, с. 515]; а ближайший соратник по партии Г. Гиммлер, возглавлявший так называемую личную лейб-гвардию фюрера — «СС» («охранные отряды») [5], по оценке Э. Фромма был «типичным примером анально-накопительной, садистской авторитарной личности» [17, с. 418].

Рассматривая феномен фюрера, его роль и значение в идеологии фашизма, мы достаточно подробно, на наш взгляд, отметили его личностные психологические характеристики, особо указав на способности Гитлера пропагандировать и убеждать. Важно и то, чтобы его реакционные идеи и взгляды разделяли широкие народные массы и это обстоятельство имело место. «Сила фашизма заключается в готовности масс к усвоению реакционных идей [10, с. 182–183]. В. Райх называет эту готовность «диктаторской областью психологии масс» [10, с. 182–183].

Такое состояние широких народных масс к восприятию и разделению взглядов Гитлера стало возможным в силу того, что этому предшествовало поражение Германии в Первой мировой войне, которая по условиям перемирия, подписанных в Компьенском лесу 11 ноября 1918 г. «обязалась немедленно освободить Бельгию, Францию, Люксембург и Эльзас с Лотарингией; сдать 5 тысяч тяжелых орудий, 25 тысяч пулеметов, 1700 самолетов, 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов

и 5 тысяч грузовиков» [14, с. 133]. И помимо этого по условиям мирного договора, подписанного 28 июня 1919 г. в Зеркальном дворце Версальского дворца Германия должна была по репарациям (а окончательный счет был предъявлен в апреле 1923 г.) выплатить «огромную сумму в размере 132 миллиардов золотых марок, то есть 33 миллиардов американских долларов, что буквально всколыхнуло страну, поскольку она, естественно не могла выплатить такие деньги» [18, с. 76]. Вышенназванные условия конечно же привели к достаточно жесткой экономической политике, что несомненно сказалось на материальном положении широких народных масс, а резкое сокращение доходов привело, к их обнищанию. «Именно эти обнищавшие массы помогли фашизму — крайне политической реакции — прийти к власти» [10, с. 49].

Помимо того, что Германия вышла из первой мировой войны страной побежденной и это повлекло за собой значительные территориальные потери и колоссальные экономические, связанные с выплатой репараций, что несомненно сказалось на общественном сознании. На нем также и оказались и события, связанные с революцией, которая произошла в Германии 9 ноября 1918 г., в результате которой, как известно, была провозглашена Демократической Веймарской республикой.

Далее нам следует более подробно остановиться на последствиях революции и, в первую очередь, наше внимание обращено проблеме социально-психологического характера.

Для рассмотрения данной проблемы следует обратиться к фундаментальной работе великого русского ученого, снискавшего широкую известность в мире П. Сорокина «Социология революции».

Он не без основания считал, что во время революции происходит изменение всей природы человека. По его мнению: «Революция — это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, — с другой... Революция означает, далее, изменение биологического состава населения, характера селекции, процессов рождаемости, смертности и брачности» [12, с. 32].

Во время революции происходит достаточно быстро деформация всей психоструктуры человека, которую П.А. Сорокин называет не иначе как «революционной мутацией». И эта деформация проходит две фазы и характеризуется следующими признаками, о которых он пишет так: «Во-первых, в угасании — депрессировании и ослаблении — множество условных рефлексов, контратарных при данных обстоятельствах ущемленным рефлексам масс, т.е. мешающих их реализации и удовлетворению соответствующих потребностей. Во-вторых, революционная деформация состоит в „биологизации“ всего поведения масс, как следствие этого „угасания“. Чем большее число тормозящих условных рефлексов угасает, тем сильнее это биологизирование, превращение человека — *socius'a* в человека-животное» [12, с. 54]. На это же обстоятельство указывает и Ч. Эллвуд: «В революции всегда есть тенденция возврата к чисто животной деятельности, вследствие разрушений бывших привычек. Итогом может стать полное извращение социальной жизни в сторону варварства и животности, ибо борьба, как одна из самых примитивных форм деятельности стимулирует все низшие центры активности... Она освобождает примитивные инстинкты человека, контролируемые с таким трудом цивилизацией» [цит. по 12, с. 55].

Говоря о деформации структуры личности, происходит не только изменение поведения человека, но и «речевых» рефлексов, реакций повиновения и властовования. И как результат, «гаснут те религиозно-морально-правовые рефлексы, которые тормозят убийства и посягательства на здоровье и телесную неприкосновенность» [12, с. 133]. В результате угасания и ослабления указанных выше рефлексов происходит «разгул биологических импульсов. Такое угасание означает «одичание», «биологизирование» и «примитивизацию» человека» [12, с. 155]. Происходит «отрицательная селекция» и «ухудшение биологически — расовых свойств народа» [12, с. 189–192].

Революция подготавливает, взрывает почву для прихода к власти военных. «Революция столь презрительно третирующая военщину и милитаризм, сама является их квинтэссенцией и сама готовит — неизбежно готовит — диктатуру военщины» [12, с. 241]. «Революция,

кроме ее первого полуанархического периода, это: 1) уменьшение автономии, прав и свободы граждан, 2) это рост вмешательства, опеки, прав и регулирующих функций власти, иными словами — рост деспотического этатизма за счет свободного автономизма» [12, с. 254].

«Революция представляет орудие селекции «шиворот-навыворот». Она убивает «лучшее» по своим наследственным свойствам элементы населения и способствует выживанию «худших» элементов. В ней гибнут главным образом люди биологически наиболее здоровые, энергетически — трудоспособные; психически — самые волевые, талантливые и умственно-развитые; морально — наиболее устойчивые, обладающие прочными нравственными рефлексами» [12, с. 176].

Изменение социальной природы человека, его личностной структуры, и в первую очередь, в сторону биологизации изменило и социальную организацию общества. В результате данных изменений стал востребован новый политический режим, идеология фашизма с ее ключевым звеном — фюрером, была необходима новая форма организации государственной жизни — деспотический этатизм, основными факторами которого явились: «1) война, 2) усиление голода и нищеты масс при наличии имущественной дифференциации» [12, с. 256]. «С этой точки зрения этатизм, вызываемый войной, можно назвать (следуя терминологии русских коммунистов) военным социализмом; этатизм вызываемый голодом, — „голодным социализмом”» [12, с. 256].

В Германии пришедшие к власти национал-социалисты с военной организацией партии, во главе которой был фюрер, использовали эти деформации психоструктуры личности и общественного сознания.

Подвести итог всему сказанному хочется словами У. Ширера и И. Феста: «Человек, создавший третий рейх, правивший страной с необычайной жестокостью и безжалостной прямолинейностью, вознесший Германию на гребень столь головокружительного успеха и приведший ее к столь печальному концу, был, несомненно, злым гением. Верно, что он обнаружил в немцах (хотя таинственное пророчество и вековой жизненный опыт уже сформировали их к тому времени) то, что послужило мате-

риалом для достижения его собственных зловещих целей. Однако, можно почти с уверенностью утверждать, что без Адольфа Гитлера, личности демонической, обладавшей несгибаемой волей, сверхъестественной интуицией, хладнокровной жестокостью, незаурядным умом, пылким воображением и — вплоть до окончания войны, когда в упоении властью и успехом он зашел слишком далеко, — удивительной способностью оценивать обстановку и людей, не было бы и третьего рейха» [18, с. 25–26]. «Почти без перехода, словно одно мгновение сменило другое, со смертью Гитлера и капитуляцией исчез и национал-социализм, как будто он был всего лишь движением, состоянием опьянения и катастрофой, которую он же и породил. Не случайно в сообщениях весны 1945 года нередко фигурируют выражения о вдруг улетучившихся «чарах», о растаявшем «призраке»: такого рода формулы, взятые из сферы магического. Наглядно характеризовали как на удивление ирреальный характер режима, так и внезапную природу его конца» [15, с. 389].

Установление тоталитарного режима в Германии с приходом к власти национал-социалистической партии во главе с фюрером стало возможным в силу того, что после окончания первой мировой войны произошло изменение и не в лучшую сторону общественного сознания и в первую очередь политического. Вождизм, будучи составной частью идеологии фашизма (в нашем случае национал-социализма) как социальное явление всегда использует политическую демагогию и в данном случае использование в своих политических целях национального самосознания немцев и, прежде всего, их национальный нарциссизм.

Литература

- [1] Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. — М.: Мысль. 1997.
- [2] Годинг М. Знаки и символы. Полный путеводитель по миру символов / пер. с англ. Н.Г. Пшеницин. — М.: Кладезь-БУКС, 2011.
- [3] Мазуров И. Фашизм как форма тоталитаризма.
- [4] Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Новости, 1991.

- [5] Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. — М., 1989.
- [6] 50/50. Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М.: Прогресс, 1989.
- [7] Политический словарь / под ред. проф. Б.Н. Пономарева. 2-е изд. — М.: Государственное изд-во полит. лит-ры, 1958.
- [8] Политическая социология / пер. с фр.; предисл. А.Б. Гофмана. — М.: Весь мир, ИНФРА-М, 2001.
- [9] Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. — М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993.
- [10] Райх В. Психология масс и фашизм. — М.: АСТ, 2004.
- [11] Рахмир П.Ю. Новейшие концепции фашизма в буржуазной историографии Запада. — М., 1979.
- [12] Сорокин П.А. Социология революции. — М.: Астрель, 2008.
- [13] Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Диалектика взаимоотношений религии и политики // Вестник Уфимского юридического института МВД РФ. — 2011. — № 4.
- [14] Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 133.
- [15] Фест И. Гитлер: Биография. Т. 1 / пер. с нем. А. Федорова. — Пермь: Алетейя, 1993.
- [16] Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению / под ред. В.Б. Авдеева / пер. с нем. А.М. Иванова. — М.: Белые альвы, 2006. (Серия «Библиотека расовой мысли».)
- [17] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. (Золотой фонд мировой классики. Философия. Психология. История.)
- [18] Ширер У. Взлет и падение третьего рейха: В 2 т. / пер. с англ.; с предисл. и под ред. О.Р. Ржевского. — Т. I. — М.: Воениздат, 1991.
- [19] Gregor A.J. The fascist persuasion in radical politics. — N.Y., 1976.
- [20] URL: <http://ttolk.ru/?p=2057>

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 342(470)

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственного права Института права
Башкирского государственного университета
e-mail: Aminov76@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье исследуются конституционно-правовое равноправие и самоопределение народов России, отвечающее общепризнанным принципам демократического, правового и социального государства.

Ключевые слова: самоопределение народов, федерация, многонациональность, регион, демография, политическая система, национальная политика, нация, государственность, этническая элита.

Российская Федерация — государство присущей только ему многоконфессиональной структурой и многонациональностью, в которой субъекты федерации не похожи один на другой. Социальная структура каждого из субъектов особенна и неповторима многообразием традиций и обычаев.

Россия исторически сформировалась на основе общности территории, социальных отношений, уклада экономической жизни, языка и культуры многонациональных народов.

И обращение к отечественному опыту реализации национальной политики позволяет не только выявить проблемные аспекты межэтнического и межнационального взаимодействия в стране, но также использовать исторические уроки для укрепления федеративных основ современной России [1].

В основу данных отношений были заложены многовековые исторические и культурные традиции, уклады и поведенческие нормы, которые способны формировать равноправные общественные отношения.

Приоритетными направлениями совершенствования форм самоопределение и равноправия народов России являются:

- признание прав и свобод людей;
- конституционно-правовое обеспечение равноправного статуса народов.

Вместе с тем в Российской Федерации, наряду с действующими правовыми нормами равноправия и самоопределения народов на основе исторических, культурных, территориальных и языковых особенностей в интересах углубления интеграции, существует потребность «в прозрачности, четкости и простоты отношений государства и гражданина» [6].

Как показывает практика, в Российской Федерации существует объективная потребность решения проблемных вопросов административно-территориального деления и правового положения ряда субъектов, а также населяющих их национальных общин. В связи с этим обусловлена необходимость поиска методов и форм их разрешения.

Одной из форм национального самоопределения субъектов Российской Федерации может являться автономия, которая способствует гибкому учету и удовлетворению запросов всех наций, не ущемляющая конституционные права коренных народов в субъектах Российской Федерации. При этом с конституционных

позиций реализуется принцип самоопределения народов как форма равноправия, обусловленная развитием правовой и социально-культурной самобытности страны.

По своей конституционной сущности права народов состоят из совокупности прав граждан, а правом на самоопределение обладает весь многонациональный российский народ. При этом гарантированное народам право на самоопределение закреплено в нормах международного права — актах и соглашениях. Но и при неукоснительном соблюдении данного права это может приводить к разрушению конституционного порядка и целостности страны (например, проблемы самоопределения Украины).

В этой связи, с международно-правовых позиций рассматриваемые права должны реализовываться народами как демократический принцип в отстаивании своих прав и свобод, так как «самоопределение не обязательно должно проявляться в политическом отделении, но без признания свободы отделения нет права на самоопределение» [2].

Обобщение апробированного в мировой конституционной практике опыта регулирования равноправия и самоопределения народов, адаптированного к современным условиям, его использование в конституционной практике определили необходимость углубленного исследования данной проблематики.

В то же время, обеспечение конституционно-правовых отношений в области равноправия и самоопределения народов Российской Федерации зависит от укрепления суверенных национально-этнических, межконфессиональных взаимоотношений, направленности стратегического курса на развитие многонациональных общественных отношений в субъектах Федерации, их дальнейшую социально-экономическую и политическую модернизацию на основе нерушимости конституционного строя и государственности.

При этом, руководители субъектов Федерации, ее территорий, составляющих нашу многонациональную страну должны рассматривать вопрос сохранения межнационального единства, равноправия и самоопределения народов как вопрос существования нашего государства [3].

Одной из весомых причин в обеспечение равноправия и самоопределения народов Российской Федерации является наличие неравенства между этническими элитами в сфере представительства в органах государственной власти и органах местного самоуправления национальных республик, а также соперничество между ними по поводу желаемого политического контроля над теми или иными сферами жизненно-важных интересов этнических республик. Мотивами, вследствие которых этнические элиты идут на конфликты на базе сепаратизма.

Значимыми предпосылками в равноправии и самоопределения народов Российской Федерации являются экономические интересы этнических элит, которые сосредоточены в сфере добычи и переработки природных ресурсов, их экспорт, во внешнеэкономической деятельности в целом, в области контроля над сферой налогообложения в республиках и распоряжения распределением трансфертов из федерального бюджета. Так, ряд руководителей республик использовали межнациональные трения для удержания власти, апеллируя при этом за поддержкой к этническим движениям, массам населения национальных республик, а также за поддержкой руководства других национально-государственных образований в составе Российской Федерации, этническим движениям, действующим в их составе [5].

Для обеспечения равноправия и самоопределения народов России необходимо выделить важные позиции в развитии конституционно-правовых правоотношений, а именно:

- противодействие национальному протекционизму и этнократичности;
- разноуровневая государственно-правовая поддержка культурно-исторического наследия, языков, традиций и быта всех народов посредством широкомасштабных и адресных межнациональных мероприятий;
- осуществление государственной политики по воссоединению разделенных народов на всем постсоветском пространстве;
- отказ от политики укрупнения субъектов Федерации;
- выявление коррупционноемких, законодательных, правовых актов;

– разрешение конституционно-правовых и межнациональных проблем, с определением личной ответственности служащих органов государственной власти и местного самоуправления за данное направление деятельности в субъектах Федерации.

Не случайно проводимые руководством страны организационные и правовые государственные реформы затрагивают оптимизацию деятельности органов государственной власти и совершенствование деятельности исполнительной власти в субъектах Федерации [4].

В этой связи, как показывает практика, продолжает оставаться необходимостью дальнейшее совершенствование вопросов федерального законодательства. При этом такая деятельность должна быть наполнена новыми стандартами государственного управления, подготовки управленческих кадров, обладающих знаниями в области межнациональных отношений.

Важным направлением является деятельность органов государственной власти, в разрешении существующих конституционно-правовых проблем в области обеспечения территориальной целостности, развития форм самоопределения субъектов Федерации и дальнейшего разграничения полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления. Это должно быть особенно особенно в той области общественных отношений, где происходит реализация первосте-

пенных экономических, социальных и национальных проектов и региональных программ. Что позволяет формировать и обеспечивать равноправный межнациональный климат и толерантное отношение к различным культурам и языкам, использовать авторитет и потенциал национальных общностей в обеспечении равноправия и самоопределения народов России.

Литература

[1] Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.

[2] Бергесов Ю.Г. Право на самоопределение в современном международном праве. Вольная станица. — М., 1993. — С. 8.

[3] Выступление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева на Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. Уфа. 11.02.2011 [Электронный ресурс]. — URL: Interfax-Russia.ru

[4] Ломакин В.В. Характерные черты деструктивных организаций и культов и их распознание // Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. ВНИИ МВД России. — Изд-во ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. — С. 158.

[5] Медведев Н.П., Куштавкина Е.А. Этнополитическая конфликтология. — Рязань, 2008. — С. 127.

[6] Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. — 2010. — 1 дек.

УДК 323(470)

ГАЙДУК Вадим Витальевич,

доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии и истории

Башкирского государственного университета,
главный редактор журнала «Политическая регионалистика и этнополитика»,
член федерального Совета Российского общества политологов

e-mail: vvgrb@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕДИАТОРЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Существующая сегодня асимметричная модель федеративного устройства России, а также практика реализации в ней национальных, региональных и федеративных отношений не позволяют в полной мере обеспечить в политико-правовом пространстве долгосрочных и гарантированных стандартов защиты национального единства страны. В статье рассматриваются все возможности внедрения медиативных технологий и коммуникаций в федеративную материю государства с целью достижения компромиссных политических решений на уровне субъектов Федерации для дальнейшего укрепления этнонационального единения России.

Ключевые слова: коммуникации, политическая медиация, регион, федерализм, элиты, национальная безопасность, национальное единство, главы субъектов Федерации, научно-экспертное сообщество.

Современный период развития российского общества характеризуется новым этапом обострения экономических, социально-политических, межнациональных, этноконфессиональных и иных политических конфликтов, возрастанием уровня внутриполитической напряженности, в первую очередь, в региональной плоскости. Все это самым непосредственным образом сказывается на эффективности реализации государственной политики по укреплению национального единства страны. Возникают все новые технологии и коммуникативные механизмы, направленные на гармонизацию взаимодействия социально-политических групп и сообществ, на нахождение путей гарантированного и бесконфликтного разрешения неизбежно возникающих противоречий в рамках конструктивного взаимодействия Федерации с ее субъектами. Одной из таких политических технологий, по нашему твердому убеждению, является **политическая медиация**.

Политическая медиация, ставшая популярной с недавнего времени в юриспруден-

ции [13], имеет самое непосредственное отношение к российскому федерализму и обеспечению национального единства страны. Как, например, отмечает исследователь А.В. Высоцкий «В исторической ретроспективе элитарные взаимоотношения Федерации и регионов претерпевали серьезнейшие трансформации. Вспоминаются хотя бы события не так давно минувших «девяностых», период ознаменованный в истории современной России как «парад суверенитетов». Действительно тогда было трудное время, когда элиты открыто вступали в конфронтации и противоречия» [2]. Очевидно, что в подобных условиях роль медиаторов заметно усиливается и в политическом поле, для достижения гармонизации отношений регионов и Федерации.

Трудно не согласиться и с тем, что политическая практика «парада суверенитетов», сегодня осталась уже в прошлом (хотя и не далеком), заняв определенное место в новейшей истории российской государственности. Во многом только благодаря взвешенной политики Федерации, выраженной в укреплении «вертика-

ли власти», получилось преодолеть тенденцию расчленения страны: создание федеральных округов, создание института полномочного представительства главы государства в федеральных округах, изменение порядка формирования верхней палаты Федерального Собрания России и т. д. [8].

По нашему мнению, «парад суверенитетов» окончательно завершился лишь со сменой руководителей субъектов Федерации и приведением центрально — периферийных отношений к более обтекаемой и управляемой форме, с возникновением рычагов политического сдерживания [7]. Но значит ли это, что конфликты между субъектами Федерации и Центром больше никогда не возникнут в России. Увы, но полностью застраховаться от подобного имманентного политического шантажа невозможно.

Политические трансформации, происходящие в стране и в ее регионах свидетельствуют о том, что любые политические решения имеют конкретные политические последствия, в том числе и для власти. Будь то выборность или назначение глав субъектов Федерации, или приведение страны к неким общим территориальным показателям. В связи с чем, однозначно, должна значительно повышаться и ответственность российских политических элит всех уровней.

На практике же проявляется обратный процесс, выраженный в извечной дилемме управления: демократизации, приводящей к усилению конфликтного потенциала среди федеральных и региональных элит, или «вертикализации» власти, которая не позволяет достичь эффективного управления огромной страной при помощи «кнопочного давления». Именно поэтому по настоящему эффективные менеджеры зачастую совмещают различные типы управления в зависимости от сложившихся политических реалий.

Исследователь И.И. Имгрунт в одной из своих работ пишет, что «в исторической перспективе значение регионов в рамках федерации будет возрастать по мере развития региональной гражданской инициативы и институтов самоуправления» [10] и, следовательно, конфронтация центрально-периферийных интересов будет приобретать различный характер: от латентного до открытого и наоборот.

Стоит помнить и то, что в условиях последних политических трансформаций в стране стали создаваться и совершенно новые элитарные властные образования, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Например, на федеральной плоскости появился такой политический институт как тандем. Очевидно, что возникновение новой формы управления — тандемовластия — в Российской Федерации является незапланированным субъективным решением, а реальной необходимостью в становлении государственности в переходный период. Многовековая история авторитарного начала сформировала особый российский менталитет, когда малейшие разногласия в правящих структурах вызывают страх населения и кризис политической системы [9].

На региональном уровне смещение «политических тяжеловесов» также способствовало институционализации оппозиционных сил в субъектах Федерации, что выражается в элитарной конкуренции действующей и прежней властью. Хотя не во всех субъектах данный аспект раскрыт в полной мере. Имеются российские регионы, в которых явной и открытой конкуренции между действующей и прежней властью не наблюдается.

Вместе с тем, сами процессы рекрутования действующей элиты на местах свидетельствует о наличии отдельных недостатков. Так при отборе кадров принимается во внимание фактор личной преданности своему политическому «покровителю». Профессионализм, знания, умения и опыт при этом либо не учитываются вовсе, либо рассматриваются как «приятный бонус». И такая система складывается повсюду: от самого верха до микроскопических низовых управ и муниципальных советов в маленьких поселках [6].

Если сопоставить, например, институционализацию региональных элит с федеративным курсом страны в условиях того же «парада суверенитетов», то сама проблема внутриэлитарной конкуренции была обусловлена двумя тенденциями:

— идеологическое обособление региональных этноэлит от Центра. Как правило, субъектами подобной политической активности выступают этноэлиты, стремящиеся к политической независимости их региона от Российской

Федерации. При этом сам вопрос о выходе из страны не ставится. Равнодушие к общефедеральным процессам, к становлению обще-гражданской идентичности, экономическая независимость — вот основные цели этих политических элит. Подобные «настроения» активно развивались и протекали в последние годы существования Советского Союза и были выражены в антисоветских лозунгах этнических меньшинств. Советская государственность воспринималась ими как некая спонсорская помощь регионам.

– физическое обособление регионов от Центра и разрушение полиэтнической целостности государства и общероссийской идентичности. Цель региональных элит в этом случае заключается в физическом разрушении страны как целостной политической системы. Подобные дезинтеграционные тенденции носят открытый антигосударственный характер, в советское время поддерживались как русскими, так и нерусскими силами и сыграли субъектное значение в развале СССР [3].

В последнее время проблемы межэлитарной конкуренции связаны, в первую очередь, с незатухающими процессами дезинтеграции, этно-сепаратизма, а сами тенденции обособления приобретают все новые и новые импульсы, от которых не может быть застраховано ни одно государство. Примером таких процессов может служить современная ситуация на Украине, в которой происходит противостояние элитарных интересов «киевских элит» (в которых как не было, так и нет полного единства) и элит Юго-Востока Украины.

Сегодня, с определенной долей условности, можно говорить, что с 2014 года появилась некая политическая «мода» на дезинтеграцию и сепаратизм. Венеция хочет выйти из состава Италии, Шотландия — из Великобритании. Регионам нужны новые центры, и они «как спутники» в поисках своей идентичности и «лучшей жизни» — «парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма» [6]. А что это, если не сублимированное проявление многоуровневой межэлитарной конкуренции.

Если рассматривать данный вопрос в некой исторической ретроспективе, то дезинтеграционные тенденции в Российской Федерации были активированы, если так можно выра-

зиться, еще на этапе «парада суверенитетов» и были обусловлены не только объективными, но и субъективно-элитарными причинами. Которые и хотелось бы рассмотреть более подробно.

Мы полагаем, что «парад суверенитетов» стал политическим инструментом противоборства двух элитарных центров власти на федеральном уровне. И был использован Президентом России Б.Н. Ельциным для привлечения губернаторского корпуса на свою сторону. В условиях политической борьбы высших федеральных эшелонов власти региональные элиты пользовались ситуацией и занимались укреплением своего субъекта Федерации, по сути, в ущерб общероссийской государственности. Региональные элиты пытались максимально сосредоточить финансовые и административные рычаги в своих руках [12].

Стоит особо отметить, что дезинтеграционным тенденциям были подвержены не только российские республики (Республика Татарстан, Республика Чечня), но и другие субъекты Федерации. Края и области также стремились к повышению своего политического веса в общефедеративной системе. Так, например, в 1993 году Свердловская область приняла Конституцию Уральской Республики.

В целом же, в отличие от национально-территориальных образований, процесс активной регионализации российских областей и краев не представлял в тот момент реальной и острой угрозы для целостности страны. Даже Уральская Конституция 1993 года признавала верховенство федеральных законов и федеральной власти над региональными законами на своей территории. Кроме того, когда данная Конституция была отклонена федеральным центром, общественность никак не отреагировала, и в ее защиту не было ни массовых демонстраций, ни других акций общественного протesta.

Только к концу 1993 г. центробежные тенденции и элитарные противоречия Федерации и ее регионов начали постепенно угасать. С одной стороны, это было связано с тем, что понизился уровень активности этноэлит, которые выступали с лозунгами «суверенизации» субъектов Федерации. Те же выборы 1994 года (и более поздние выборы) в органы государ-

ственной власти субъектов Федерации показали, что этноэлиты во многом лишились поддержки населения, и людей больше заботило сохранение целостности страны [1].

С другой стороны, распуском Парламента завершилось элитарное противостояние Президента Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. В результате стали меняться прежние экономические отношения между регионами и центром. Так, к примеру, была увеличена доля региональных бюджетов, и несколько расширены права регионов во внешнеполитической деятельности.

Если рассматривать текущий период, то далеко не все научное сообщество склонно считать, что в современной России имеются реальные очаги дезинтеграционной активности [4].

С данным мнением нельзя согласиться в полной мере, и современная политическая действительность тому подтверждение. Дезинтеграционные тенденции, которые продолжают иметь место в региональном измерении на евразийском пространстве, не могут не настороживать экспертное сообщество. Синдром территориально-политической дезинтеграции продолжает существовать и перспективы его дальнейшего развития или трансформации разнонаправленные. Наверно поэтому, по последним данным «Левада-центра» (на конец 2013 года), проблемы дезинтеграции России существенной в той или иной степени считают 74% россиян, и лишь 9% уверены, что «такой проблемы нет» [5].

По нашему мнению, элитарная конкуренция — это не только субъективный, но объективный процесс, обусловленный политическими, социально-экономическим, этнокультурными, другими глубинными и естественными интересами представителей тех или иных политических сил. И «дух» этой самой конкуренции является в тоже время и двигателем «политического прогресса», ибо без «спорта» не «рождается истина». Современные элитарные и центрально-периферийные конфликты в Российской Федерации закономерны, научно-вычисляемы и политико-прогнозируемы. Данная проблема изучается нами уже не первый год в русле политологической парадигмы, важнейшим инструментом которой выступает политическая медиация в элитарных сообществах.

Стоит отметить, что принятие в 2010 году Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», а также внесение соответствующих изменений в ряд других нормативных правовых актов и практический опыт прошедшего периода, вполне достаточны для того, чтобы осознать первые результаты функционирования отечественного института медиации. Кроме того, экспертного осмысления требует целый ряд сложнейших вопросов в части политической природы, ценностных оснований и императивов в организации и реализации медиации, что представляется важным для успешного развития указанного института в дальнейшем.

По нашему мнению, политическая медиация представляет собой форму альтернативного экспертико-политологического разрешения споров и урегулирования конфликтов, добровольно избираемая тяжущимися (спорящими, конфликтующими и т.д.) сторонами, исходя из солидарного стремления к достижению соглашения, и политической объективности и целесообразности.

Основные принципы политической медиации в элитарном измерении можно свести к трем ключевым тезисам:

- медиатором в урегулировании элитарных конфликтов выступает научно-экспертная группа политологов, компетенция которых признана научным сообществом;
- медиаторы должны быть независимы от политической воли властных элитарных групп регионального или федерального уровня;
- исполнение решений или рекомендаций медиатора необязательно для сторон конфликта. Вместе с тем, для целенаправленного достижения консенсуса и повышения эффективности управления подготовленная «дорожная карта» по урегулированию элитарного конфликта может быть направлена высшему руководству страны (Правительство РФ, Администрация Президента РФ и т.д.) для информации.

В связи с этим необходимы научные знания и информация, адекватно отражающие, с одной стороны, специфику пространства политической конкуренции власти, с другой — поиск путей оптимизации этих элитарных взаимоот-

ношений, влияющих на эффективность политической модернизации» [11]. И это действительно так. В такой системе особое место занимают политологические научно-экспертные группы и сообщества, которые, по нашему глубокому убеждению, могут выступать наиболее эффективными медиаторами в урегулировании элитарных противоречий различного уровня и сложности.

В этом контексте необходимо сразу выделить заметную роль и авторитет новой обще-российской общественной структуры — Российское общество политологов. Основными целями общества политологов являются: интеграция профессионального политологического сообщества, укрепление связи между наукой, образованием и практикой, содействие повышению престижа и практической восребованности политологических профессий в Российской Федерации, а также привлечение политологической общественности к участию в проектах и программах, направленных на повышение эффективности государственного и муниципального управления.

Так, с 30 июня по 3 июля 2014 г. Сузdalъ принял Первый съезд Российского общества политологов (РОП). Повестка дня съезда — «Национальные интересы России: глобальные приоритеты, политические стратегии и перспективы».

Научная дискуссия была посвящена вопросам политических ценностей российского общества, формированию национальных интересов и стратегии национального развития России, новым тенденциям в международных отношениях, построению современных моделей политического мироустройства, а также развитию политических коммуникаций и информационного пространства.

На сегодняшний момент Российское общество политологов — это наиболее приоритетная научно-экспертная площадка для внедрения современных медиативных технологий в сферу разрешения элитарных противоречий. Так, созданы и работают региональные отделения в 58 субъектах Российской Федерации; имеется высокий научный потенциал и компетентность членов РОП, мобильность и достаточная организационная структурность; предусмотрена реальная возможность для ученых

оказывать непосредственное влияние на процесс принятия важных политических решений посредством научно-экспертных оценок и рекомендаций.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть несколько немаловажных проблем с которыми сегодня сталкиваются политологические научно-экспертные сообщества:

1. Политическую науку сегодня зачастую путают с журналистикой и публицистикой. Нельзя допустить, чтобы каждый, прочитавший две-три книги, называл себя «экспертом» или «политологом», чтобы его мнение широко тиражировалось телевидением, радио и газетами, а также электронными СМИ. Перед нами стоит актуальная задача верификации экспертного мнения, очистки его от «информационного шума», в котором научный взгляд на ту или иную проблему теряется на фоне всевозможных «мнений», в лучшем случае, искренне заблуждающихся людей, а то и просто не компетентных или ангажированных.

2. До сих пор не разработаны долгосрочные принципы и критерии эффективности политики. Вспомним сколько национальных проектов, стратегий и концепций было принято хотя бы за последние пять лет. Отсутствует всесторонний и системный анализ реализуемых в России политических практик, концепций и реформ. Именно поэтому такой анализ должен формировать не политический дилетант или очередной «эффективный менеджер», а настоящий дипломированный специалист политолог, подтвержденный и официально-признанный Министерством образования и науки Российской Федерации. При чем политологи должны полноценно участвовать не только на стадии «разбора полетов» и урегулирования последствий, но и в процессе принятия самого решения.

И если политическая деятельность — это практика и стратегии институтов власти нашего государства в решении различных проблем, то политологическое сообщество должно компетентно выявлять наиболее «уязвимые» участки, обоснованно и своевременно предлагать комплексные меры для их разрешения. В конечном итоге политологи должны выступать некими универсальными коммуникационными центрами самого широкого спектра политических решений и практик как федерального, так и ре-

гионального уровней. Т.е. не только, и не в первую очередь, институты гражданского общества должны давать объективные рейтинги, проводить мониторинги и экспертизы политических процессов, а политологи. Принципиально важно, чтобы эта информация в полной мере была доступна всем субъектам и институтам гражданского общества, которые вправе доверять или не доверять компетенциям отечественных политологов. Проблема доверия — это также особая проблема в системной институционализации политологии как социально-значимого научного направления в Российской Федерации.

3. Многие политологи в современных условиях фактически превратились в своего рода «гадалок», так как существует реальная проблема идеологической пустоты, которая умело преподносится как научная вариативность или многовекторность. А вместе с тем политологи обязаны использовать весь свой профессионализм для защиты научно-обоснованной позиции. Политическая экспертиза или мониторинг не должны быть «шаблонным продуктом», а быть максимально объективными и аргументированными.

4. Политология сегодня воспринимается как наиболее «расплывчатая» наука, как некий суррогат результатов гуманитарных знаний. А вместе с тем, в действительности, это более чем точная наука, которая изучает закономерности политических процессов во всем их многообразии и проявлении, с учетом объективно-причинных связей и в динамике исторического развития.

Очевидно, что скорейшее разрешение многих из вышеперечисленных проблем в сфере институционализации позволит российской политологии окончательно избавиться от излишней неопределенности как междисциплинарной науки. При этом важно нормативно обеспечить реализацию принципа федерализма и в системе российской политологии, когда региональные политологи в обязательном порядке представлены на федеральном уровне. И Российское общество политологов является уверенным шагом в этом стратегически важном направлении.

Сегодня региональные политологические школы уже сформированы. Так, например, в Республике Башкортостан кафедра полито-

логии и истории Башкирского государственного университета является своеобразной политологической научно-экспертной школой в региональном измерении. В Башкирии, учитывая ее исторически сложный многонациональный и этно-конфессиональный состав населения, большим спросом пользуется профессия политолога — специалиста в области национальных и федеративных отношений, политической регионалистики и этнополитики.

В настоящее время в России ощущается потребность в квалифицированных кадрах, в частности очень не хватает политологов с широкими и специальными компетенциями, адекватными сложившейся ситуации в сфере российской этнополитики. Многие политические обозреватели, эксперты и комментаторы называют себя политологами, но не всегда имеют для этого веских оснований. Можем лишь констатировать выполнение определенных идеологических (этнополитических) задач теми или иными обозревателями и политическими комментаторами. Объективная же оценка современных политических процессов в Российской Федерации показывает, что комплексный и обстоятельный политический анализ, а тем более с элементами долгосрочного прогнозирования и моделирования — явление, по сути, чрезвычайно редкое и, как ни странно, все менее востребованное со стороны значительной части властных элит, что носит исключительно ситуационный и временный характер.

Именно поэтому Российское общество политологов — это новая и своевременная платформа в целях обеспечения высокоэффективного взаимодействия региональных научно-экспертных сообществ для разрешения существующих и прогнозирования будущих элитарных противоречий на всех уровнях государственной власти и административно-территориального управления такого большого полигэтнического государства как Российская Федерация.

Таким образом, говоря о политологическом научно-экспертном сообществе как об институте (а о медиации как о технологии) элитарного равновесия регионального и федерального уровня, важно подчеркнуть, что медиативные коммуникации в этой сфере призваны обеспечить согласованное и продуктивное взаимодействие всех сторон конфликта в целях га-

рантированного урегулирования противостояния или предотвращения дальнейшей эскалации конфликтогенной ситуации (явления).

Рассматривая медиацию как некую современную политico-идеологическую систему и говоря о взаимодействии элит в ней, следует особо отметить то, что последние всегда принаследжат и к другим системам, имеющим разные интересы и глубинные приоритеты. Такая разобщенность во многом способствует тому, что элитарное общение далеко не всегда является консенсусным и взаимоприемлемым в полном объеме для общающихся. Поэтому научно-экспертный компонент, который неизбежен в сложном и многоуровневом взаимодействии элит, должен стать важнейшим инструментом к гармоничному пониманию основ и алгоритмов сложившейся ситуации как для ее участников, так и для организатора процесса примирения — политического медиатора. Данный факт должен быть учтен как ключевой на всех этапах процесса медиативного урегулирования элитарных противоречий.

В данной работе освещены принципиальные аспекты медиации в элитарном измерении, однако перспективы и практическое значение такой политico-идеологической системы объективно говорят о важной роли дальнейших научных исследований в этой области с акцентом на направления, имеющие прикладной характер. Так, особый интерес представляет моделирование элитарного диалога в рамках медиации, анализ и прогнозирование долгосрочных стратегий элит и контрэлит, исследование типовых личностных характеристик политического медиатора, привлекаемого сторонами конфликта и т. д.

Литература

[1] Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.

[2] Высоцкий А.В. Политическая медиация в элитарном измерении: институт «политического равно-

весия» // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 1 (24). — С. 46–51.

[3] Гайдук В.В. «Парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма» [Электронный ресурс]. — URL: <http://corrupcia.net/aboutnews/item-892.html> (дата обращения 19.03.2014).

[4] Гайдук В.В. Российское общество политологов в научно-экспертном формате измерения — 3D // Вопросы политологии. — 2013. — № 4 (12). — С. 23–34.

[5] Гайдук В.В. Терроризм и культура насилия в многонациональной России: «Волгоградский синдром» // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 4 (23). — С. 43–49.

[6] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Институт политических «временщиков» в Российской Федерации: критерии и показатели эффективности // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 4 (16). — С. 54–57.

[7] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. К проблеме идеологического обоснования национальной безопасности федеративной России // Этносоциум и межнациональная культура. — 2013. — № 9 (63). — С. 123–128.

[8] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилики, тупики // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 1 (2). — С. 115–121.

[9] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Политический tandem как инструментарий российской модернизации: смена // Вестник Башкирского института социальных технологий. Сер. «Общественные науки». — 2012. — № 1 (13). — С. 9–15.

[10] Имргунт И.И. Элитогенез и консолидация региональных и федеральных элит в трансформирующемся российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2013. — № 7. — С. 13–21.

[11] Национальная идея России: В 6 т. — Т. V. — М.: Научный эксперт, 2012. — 696 с.

[12] Сулейманов А.Р. Национально-территориальная безопасность российского государства: история и современность // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22). — С. 126–132.

[13] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. — 02.08.2010 г.

УДК 323

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,
кандидат политических наук,
заведующий кафедрой трудового права и профсоюзного движения
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (Уфа),
докторант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
e-mail: suly-artur-rambler.ru

ЭТНОСЫ И НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: «ДВУГЛАВЫЙ» ПОДХОД

В политической науке, как собственно и на практике, ведутся споры между двумя школами (примордиалистской и конструктивистской), по-разному понимающими сущность этнического и национального. Отсутствие единого понимания «этноса», «народа» и «наций» становится камнем преткновения не только в научно-академической среде, но и служит причиной обострения и разжигания межнациональных и межэтнических конфликтов в обществе. Не говоря уже о том, что этнические и национальные карты зачастую разыгрываются политическими силами различного толка для реализации собственных проектов и интересов, как правило далеких от реальных этнических и национальных практик, и уж точно не способствующих национальному единению России. В данной статье рассмотрены проблемные аспекты двухполюсного понимания этноса и нации с позиций национального единения современной России и обеспечения ее целостности и безопасности.

Ключевые слова: политология, этнос, нация, примордиализм, конструктивизм, национальная безопасность, целостность.

Этнические и национальные аспекты занимают особое место в обеспечении целостности государств, в том числе в преодолении внутриполитических кризисов. Как, например, отмечает ученый А.А. Вальков: «Для нормально-го сбалансированного развития страны необходимо, чтобы этническое достоинство любого из ее государствообразующих народов, их этнические интересы могли найти свое должное удовлетворение и в государственно-гражданской ипостаси. В противном случае неизбежно отчуждение человека от государства, как от чужеродной и, может быть, даже враждебной для него силы, идет ли речь о федеральном центре или о положении дел на местах. В данной статье обосновывается вышеизложенный авторский тезис с позиций современного федеративного устройства России» [1].

Вместе с тем, именно отсутствие должного понимания «этноса» и «наций» становится камнем преткновения в обострении и разжигании сепаратистских настроений и межэтнических

конфликтов. Так, основной угрозой обеспечения национальной безопасности в России являются конфликты на межэтнической (до 40%), политической (12%) и религиозной почве (около 4–5%) [3]. В связи с чем постараемся разобраться в терминологии понятий «этнос» и «нация», определим их существенное содержание и роль в укреплении национальной безопасности федеративной России.

Современная система обеспечения национальной безопасности должна исходить из учета сущности и содержания категорий «этнос», «нация». А функционирование системы национальной безопасности России должно опираться на научно обоснованную комплексную программу, включающую в себя совершенствование института национально-этнических отношений и развитие национально-этнической толерантности в районах компактного проживания этнических групп. Игнорирование даже небольших, на первый взгляд, национальных проблем способно при определенных обстоя-

тельствах резко снизить уровень обеспечения национальной безопасности России [4].

На сегодняшний момент отсутствует единое понимание понятий «этнос» и «нация». Общепринятые в науке примордиалистские и конструктивистские подходы лишь однобоко транслируют этносы и нации на общегосударственной материи. Если обобщить основные теории примордиализма то они сводятся к пониманию этноса — как некой объективно устоявшейся группы людей, связанной между собой общим историческим происхождением и длительным совместным существованием, и обладающей общностью языка и культуры. Конструктивисты вовсе игнорируют историческую и объективную обусловленность происхождения этнических общностей, понимая под ними не «кровную» (генетическую) или культурно-историческую общность, а некий — субъективный процесс идентификации людей с другими существующими общностями, который изменчив и подвержен корректировки.

В связи с чем трудно не согласиться с мнением ученого Р. Вахитова о том, что «примордиализм и конструктивизм, имея свои положительные стороны, в то же время оказываются тупиковыми теориями: примордиализм разбивается о факты изменчивости этносов, а конструктивизм, доведенный до логического конца, вообще лишает этнологию ее предмета исследования» [2].

Однобокое восприятие и догматичная интерпретация примордиалистских или конструктивистских концепций является угрозой национальной безопасности современных государств. И Российская Федерация в этом плане не исключение. Скажем, если взять за основу примордиализм, то согласно нему — любая этническая общность переживает несколько стадий: племена, этнос, нация. Т.е. примордиализм не исключает того, что со временем этническая общность способна эволюционировать в нацию и соответственно предъявить претензии на обретение самостоятельной государственности. Более того, если нация является конечной стадией развития этнической общности, то становится не ясной дальнейшая судьба развития наций.

Конструктивизм обедняет историческую и культурную сущность государства, обосновы-

вая процесс этнического или национального становления — как некий субъективный, надуманный процесс, совершающийся политическими или иными силами для усиления контроля над общественным сознанием. И очевидно, что данный подход, к которому все больше отягощена современная российская общественность едва ли будет признан и поддержан жителями полигэтнических субъектов Федерации. Поскольку ни одна этнонациональная общность в России не захочет отказаться от своей истории и культуры. А конструктивизм как раз подразумевает это.

Этим обстоятельством легко объяснить, что во многих полигэтнических государствах, в том числе и в России, нет однозначного понимания категорий «этнос» и «нация». Признать за отдельной общностью примордиалистское понимание, значит «заложить» бомбу замедленного действия, которая вскоре будет угрожать целостности государства. Например, по мнению ученого С.В. Степанова, этнос служит для воспроизведения своих членов в процессе деторождения, социализации и воспитания. Он заинтересован в увеличении своей численности с помощью увеличения рождаемости и сокращения смертей. Этнос стремится превратиться в социальный институт — национальное государство, в рамках человечества имеющий свою территориально-этническую организацию. В результате войн и природных катастроф этнос может быть разделен на разные части государственными границами, как это произошло сейчас с русскими [7].

Или как отмечает исследователь В. Панченко, «в Российской Федерации в последнее время распространилась идея возможности существования нации вне собственной государственности, с признанием за любой национальностью стремления к ее обретению. Культивирование этой идеи может привести к развалу государства и, как следствие, — к исчезновению нации» [6].

Конструктивизм предлагает и вовсе отказаться от исторической и культурной составляющей этнических общностей, игнорируя весь ход исторического становления российской государственности. Даже принятая в 2012 году Стратегия национальной политики Российской Федерации не способно в полной

мере разрешить все сложившиеся противоречия. В связи с чем, персонализация понятий «этнос» и «нация» приобретает особое значение в укреплении национальной безопасности современной России.

Для нас очевидно, что в основе формирования этносов и наций лежат объективные и субъективные посылы. Более того, при всех противоречиях в данной области между примордиализмом и конструктивизмом немало общего. И понимание диалектической связи между примордиализмом и конструктивизмом позволяет более многосторонние взглянуть на саму природу этнического и национального. Но что же объединяет эти два подхода?

В целом теории этносов и наций противопоставляются модернистскому пониманию общества. Этносы и нации выглядят как возможности сохраняться и существовать в условиях модерна и постоянного обновления укладов жизни. В случае с примордиализмом этнос позволяет консолидировать историко-родовые и историко-культурные основания общности, не позволяя им растворяться в глобализационных ценностях. Если коснуться конструктивизма то, модерну противопоставляется субъективное веление индивидуумов чувствовать свою причастность к коллективному «разуму», даже посредством надуманных групповых характеристик и наделением их общности этническим или национальным ярлыков.

Еще в XIX в многие теоретики полагали, что этничность и национализмы утратят свое значение или даже исчезнут под влиянием модернизации, индустриализации и индивидуализации. На деле же, как показывает теория и практика обеспечения национальной безопасности России и других государств, сегодня наблюдается резкий рост этнической проблематики, особенно после распада системы социализма, повлекшего за собой и распад многих полигэтнических государств [4].

В современных условиях превалирования конструктивистского понимания этноса и наций, сменившего советский примордиализм, угрозы обеспечения национальной безопасности так и не были в полной мере ликвидированы. Примером того служит «парад суверенитетов» в постсоветской России, усиливший

в стране развитие центробежных тенденций и чуть ли не грозившей государственной деинтеграцией.

Действительно 90-е гг. XX столетия были связаны с ростом этнического сознания и самосознания жителей полигэтнических субъектов Российской Федерации. Воспользовавшись Ельцинской свободой и необъятным стремлением к суверенитету, регионы стали строить собственные государственные образования внутри страны, угрожая целостности России. И кто знает, чтобы стало с Российской Федерацией, если бы центробежные тенденции (если так можно выразиться) не были уравновешены Путинскими централистскими реформами. Для нас очевидно, что особый вклад в укреплении национальной безопасности России сыграла именно политика В.В. Путина по построению «вертикали власти»: укрупнение субъектов Федерации, создание федеральных округов и полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, изменение порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания России. И тогда все эти меры были вполне оправданы и принесли позитивной результат в укреплении национальной безопасности страны.

На наш взгляд, сегодня не стоит противопоставлять друг другу конструктивистские и примордиалистские подходы к пониманию этносов и наций. Это тупиковый вариант. Как и не стоит зацикливаться на понимании нации — как высший стадии развития этносов. Пришло время развести данные понятия. Этносы — это, прежде всего, социокультурная и историко-культурная категория, которая не может эволюционировать в нацию — государственную категорию. Это то же самое, что сравнивать между собой понятия «желтый» и «холодный».

Главное сегодня, считает профессор А. Прохожев, что в основе формирования нации лежит не этнический принцип. Истории практически не известно ни однойmonoэтнической нации. Если ранее наиболее распространенным было определение нации как исторически устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, то сейчас

все большее признание приобретает определение нации как единства гражданского общества и государства. Гражданское общество как составная часть нации собственно и подчеркивает полиэтничность всякой нации. Стержнем нации является государство: без государства нации нет и быть не может. И понятие нация по своему содержанию в современном понимании близко к понятию страны [5].

Вместе с тем, при построении системы обеспечения национальной безопасности необходимо исходить из следующих принципов, вытекающих из сущности и содержания категорий «этнос» и «национация»:

- уважение к истории, традициям, культуре, языку и национальному достоинству всех народов, населяющих территорию государства;

- ответственность за сохранение исторически сложившегося государственного единства народов одного государства, целостности составляющих его национально-территориальных единиц;

- достижение и укрепление межнационального, межрелигиозного и межцивилизационного согласия, доверия и взаимопонимания;

- приоритет прав и свобод человека и гражданина независимо от этнонациональной и религиозной принадлежности и территории проживания, а также право на самоопределение на основе конституции государства;

- право личности на свободное этническое и религиозное самоопределение, реализуемое как право на выбор собственной культурной идентичности и право на удовлетворение интересов и запросов, связанных с этнической и религиозной принадлежностью;

- суверенитет и территориальная целостность государства, недопустимость вмешательства в его внутренние дела со стороны иностранных государств;

– равенство народов вне зависимости от их численности, формы национально-государственного устройства и типа расселения [4].

Однако даже подобное разграничение «этноса» и «наций» не позволяет решить всех проблем в государстве. Остается неясным восприятие таких понятий как «народ», «народность», «национальность» и т. д. Можно привести самый незамысловатый пример. Спросить у русского, татарина, башкира или чеченца — как бы Вы называли Вашу общность, то поверьте — будут самые разные интерпретации и объяснения. Кто-то скажет, что русские (татары, башкиры, чеченцы и т. д.) — это этническая общность, кто-то — народ, а кто-то посчитает свою общность и целой нацией.

Литература

[1] Вальков А.А. «Новое» федеративное устройство современной России и ее этнополитические проблемы // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2014. — № 3 (24). — С. 47–49.

[2] Вахитов Р. Народы и нации (традиционистский подход) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gumilev-center.ru/narody-i-nacii-tradicionistskijj-podkhod>

[3] Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга, 2010 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_3rd_SR_RussianFed_ru.pdf

[4] Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография / М.Ю. Зеленков. — М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2013. — 196 с.

[5] Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохорцева. — М.: РАГС, 2005. — 385 с.

[6] Панченко В. К вопросу о нации и национальной безопасности // Политика. — 2007. — № 86. — С. 33–35.

[7] Степанов С.В. Социальная конфликтология. — М.: ЮНИТИ, 2001. — 355 с.

УДК 323(1-925.3)

АБДУЛМАЗИТОВ Ринат Рафильевич,
генеральный директор ГУП «Институт проблем транспорта
энергоресурсов» Республики Башкортостан,
соискатель кафедры национальных и федеративных отношений
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
e-mail: niipr@mail.ru

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Стратегическое значение Центральной Азии и ее обширные запасы энергетических ресурсов неизменно привлекают внимание внешнего мира. Россия традиционно является наиболее сильным внешним игроком в этом регионе. Однако сейчас Китай активно расширяет свое участие в энергетическом секторе Центральной Азии, стремительно наращивает свое влияние и бросает вызов позициям России в этом регионе.

В данной статье Центральная Азия рассматривается как объект консолидации энергоресурсов и субъект энергетических процессов.

Ключевые слова: политология, энергетические процессы, Центральная Азия, энергоресурсы, интеграция, конкуренция.

Центрально-азиатский политический регион, возникший после 1991 году как самоназвание четырех бывших советских республик Средней Азии (Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизстана и Казахстана)*, стал на рубеже XX–XXI веков объектом повышенного внимания мировых политических и экономических центров, а также исследователей, работающих в различных областях социально-гуманистического знания. Такое внимание к региону обусловлено в числе других причин его энергетическими ресурсами (особенно нефтяными и газовыми), имеющими значительный потенциал.

Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, в течение трех первых десятилетий XXI века будет происходить дальнейший рост потребления и производства всех видов энергоресурсов, иметь место существенное наращивание объемов международной торговли ими [4].

Если в 1950 году на мировой рынок поступало 28,8% добытой нефти, то в 2000 году —

уже не меньше 40%. То есть переход авангарда современного мирового сообщества на инновационный путь развития сопровождается неуклонным ростом потребления минеральных энергоресурсов, и, прежде всего, нефти и газа. Например, в США массовая компьютеризация увеличила прямое потребление электроэнергии на 8%, увеличилось дополнительно потребление бумаги, редких металлов, химических продуктов и т.п., что опосредованно также способствует росту потребности в нефти и других энергетических ресурсах. Каждый шаг вперед в наращивании технологической мощи, повышении международной конкурентоспособности, обеспечении высокого уровня жизни населения влечет за собой вовлечение в процесс воспроизводства все новых объемов минерального топлива. В условиях критической зависимости от импорта нефти и газа надежный доступ к этим ресурсам является залогом устойчивого экономического развития мировой экономики. Именно этим фактором

* В политическое употребление термин «Центральная Азия» был введен в январе 1993 года по решению саммита пяти государств региона в Ташкенте. Прежде в литературе эта территория именовалась «Средней Азией и Казахстаном». В качестве члена Центрально-Азиатско-Каспийского региона может рассматриваться также Азербайджан и пограничные с Казахстаном территории России — от Астраханской области на западе до Алтайского края на востоке.

и обусловлено пристальное внимание к Центрально-Азиатскому региону России США, Китая и стран Европы.

Для мировой политики значение имеет нейтрализация исходящих из Центральной Азии вызовов и угроз (экспорт нестабильности, терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик, нелегальная миграция и пр.). Тем более что борьба внешних сил принимает порой в этом регионе форму конкуренции различных интеграционных проектов, которые поддерживают те или иные нерегиональные силы. Важной составной частью этих проектов оказывается борьба за направления транспортных (и, особенно, трубопроводных) путей, которые включают регион Центральной Азии в процессы глобализации к выгоде того или иного внешнего игрока.

Энергетические ресурсы Центральной Азии являются не только спасением, но и тяжким бременем региона. Ведь при условии относительно легкого получения готовой продукции и товаров в обмен на газ и нефть центрально-азиатские государства, являющиеся экспортёрами этого продукта, рискуют превратиться в сырьевую придаток потребителей — стремительно развивающегося Китая, США, стран Евросоюза. Существует и другой риск — законсервироваться в виде периферии в условиях стремительной глобализации мировых экономических и политических процессов.

В странах Центральной Азии, наделенных значительными запасами энергетических ресурсов, отдают себе отчет в том, что их богатства имеют как положительное, так и отрицательное измерение. Очевидно, что грамотная энергетическая политика Казахстана и ряда других центрально-азиатских государств может способствовать тому, чтобы имеющиеся возможности использовались бы не только для становления в этих государствах современных экономик, но и для модернизации их политических систем [2].

Современная Центральная Азия занимает чрезвычайно неопределенное положение относительно других частей мира. С этих позиций на первый план выходят вопросы регионального самоопределения Центральной Азии в условиях современной глобализации как одной из наиболее значимых характеристик совре-

менного общества. Сложнейшая природа этого явления обусловлена наличием и взаимодействием таких процессов, как модернизация, интернационализация международных экономических и политических отношений, универсализация мировой системы и ее параллельная фрагментация, переплетение региональных и глобальных трендов, возникающие между ними конфликты. Процессы глобализации не только включают в себя различные направления мирового и регионального развития, но и отражают долгосрочные тенденции, уходящие корнями в предыдущие переломные моменты истории. Так что глобализация не является исключительно современным явлением; это — историко-политический феномен, зародившийся еще в конце XIX века.

Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности Центральной Азии вкупе с вызовами, порождаемыми глобализацией, диктуют государствам региона несколько типов внешнеполитического поведения в отношении превосходящих их держав [3]. Первый тип — «агентский» («я — твой младший брат и подручный, моя земля — твой бастион, форт и крепость»; этот тип заменил собой прежнее васальное, подданническое поведение). Второй тип — «защитный» («ты — мой недруг, и я готовлюсь к борьбе с тобой, нападаешь ты или можешь захотеть напасть»). Третий тип поведения — «условно партнерский» («мы ничем друг другу не обязаны и пробуем сотрудничать не только друг с другом, но и со всеми странами, несмотря на различия потенциалов»).

Центрально-азиатские государства тяготеют, к третьему типу. Он сочетается с их возможностями и спецификой международных условий, в которых они развиваются. Главное из этих условий (благоприятных, но и затратных для стран региона) — рыхлая международная среда, в которой в течение 20 лет Россия, Китай и США не имели возможности и желания жестко привязать местные страны к своей военно-политической стратегии.

Подобная неопределенность сказалась и на проблеме внешнеполитического выбора стран Центрально-Азиатского региона. Сегодня можно с большим основанием говорить о четырех возможных приоритетах их дальнейшего внешнеполитического развития. Это: 1) Рос-

сия и постсоветское пространство вокруг нее; 2) западный мир (США и Европейский союз); 4) Китай и Азиатско-Тихоокеанский регион; 5) исламский мир.

Казахстан и Кыргызстан идут по пути синтеза разных идеологий — либерально-евразийской, либерально-исламской и модернизаторской. Они учитывают объективные особенности региона, которые не позволяют ему стать полностью похожим ни на Европу, ни на Азию. В Туркменистане и Узбекистане, где особенно сильна роль государства и президентской власти, верх взяла изоляционистская тенденция. Попытки воспроизвести ее в условиях современного Таджикистана не дали особых результатов, и Таджикистан, остающийся стратегическим партнером России, не вышел в своих внешнеполитических предпочтениях за рамки многовекторной политики.

Если Казахстан и Кыргызстан идеологически равно приближены ко всем четырем возможным векторам развития, то Узбекистан и Туркменистан, скорее, равноудалены от них. Это видно по проводимым двумя группами стран внешним политикам. Казахстан и Кыргызстан охотно принимают участие во всех возможных интеграционных объединениях, как внутри СНГ, так и за его пределами. Напротив, Узбекистан и, особенно, Туркменистан, избегают участия в каких-либо региональных и международных организациях. Туркменистан, ссылаясь на свой официально признанный ООН статус нейтрального государства, объявил несколько лет назад о прекращении своего членства в СНГ, оставаясь в этом международном объединении постсоветских государств только в качестве ассоциированного члена. Узбекистан, формально оставаясь в СНГ, ЕврАзЭс и ОДКБ, уклоняется от участия в большинстве их мероприятий. Таджикистан в силу сложного экономического и политического положения, приближенности к зоне афганского конфликта, угрожающего безопасности этой центрально-азиатской республики, вынужден балансировать между различными региональными и нерегиональными игроками, не определившись окончательно с приоритетным вектором своей внешней политики.

Геополитическая неопределенность региона характерна и для сферы экономики: государ-

ства Центральной Азии приближены, скорее, к полюсу минимальной институционализации. Они стараются не связывать себя слишком обременительными обязательствами, не особо строго следуют они каким-то общепринятым в международной практике ценностям и принципам. В Центрально-Азиатском регионе отсутствуют в целом механизмы принуждения, вследствие чего региональная идентичность стран становится весьма неопределенной.

Все это чревато серьезными последствиями для структуры международного взаимодействия. К таким последствиям можно отнести низкую предсказуемость действий сторон, слабую региональную стабильность, дефицит сотрудничества, высокие трансакционные издержки на взаимодействия, слабость международных организаций.

Казахстан является фактически, единственным государством региона, где сформировались условия, позволяющие приступить к модернизации экономики и освоению инновационных технологий, в то время как другие центрально-азиатские государства всю заботу о формировании региональной структуры стремятся переложить на внешних спонсоров.

Центрально-азиатские государства практически полностью зависят от внешних инвесторов — в получении финансовых средств и новых технологий, разведки природных ресурсов, прокладке трубопроводов. Геополитическая конкуренция внешних игроков за ресурсы региона и их противоречия сдерживают развитие экономик стран Центральной Азии. Столкновение интересов крупных держав в регионе даже в краткосрочной перспективе создает атмосферу неопределенности, связанной с направлением экспортных потоков региона.

Регион Центральной Азии можно охарактеризовать как крайне неустойчивое образование даже в сравнении с другими проблемными регионами мира. Этот регион — один из самых молодых в мире, и он все еще находится в процессе становления своей институциональной структуры, системы международных организаций, в поиске культурно-политической идентичности. С экономической точки зрения сырьевые экономики стран региона слабы и серьезно зависят от перемен в конъюнктуре мировых рынков.

Перед центрально-азиатскими государствами открывается сегодня широчайший выбор различных вариантов развития, которые предлагаются Россия, США и ЕС, Китай, исламский мир. Это обусловлено историческими особенностями ЦАР, являющегося центром Евразии и всегда служившего местом встречи великих цивилизаций материка.

Конкуренция внешних сил и отсутствие региональной кооперации между самими центрально-азиатскими странами сводят на нет существенную часть их потенциала, сдерживают экономическое развитие республик региона, препятствуют нейтрализации угроз безопасности региона (терроризм, наркобизнес и пр.). В целом же вызовы, риски и угрозы безопасности Центрально-азиатского региона весьма значительны, что создает проблемы для развития международных отношений в этой части Евразии, препятствует интеграции центрально-азиатских государств и, разумеется, осложняет эффективное осуществление ими политики в сфере энергетики.

Центральная Азия занимает заметное место в мировой энергосфере, и энергетическая дипломатия стран региона в ближайшее десятилетие будет только усиливать свое влияние на их внешнюю политику. Основанием для такого вывода служат прогнозы перспектив развития мирового энергетического сектора. Следует при этом отметить, что поскольку надежды государств региона на широкую международную помощь и активный приток иностранного капитала в целом не оправдались, здесь связывают свои надежды на развитие только главным образом сырьевых ресурсов.

Для государств Центральной Азии, имеющих значительный энергетический потенциал, особую актуальность приобретает нахождение своего места в современных международных отношениях. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан уже вошли в группу государств, обладающих стратегическими запасами углеводородов, которые оказывают непосредственное влияние на формирование и состояние мирового энергетического рынка. При этом особую роль в центрально-азиатской нефтегазовой «тройке» играет Казахстан как государство, располагающее значительными запасами нефти, и газа, а не преимущественно газа,

как Туркменистан и Узбекистан. К тому же Казахстан выгодно отличает от соседей по региону его внутриполитическая стабильность и открытость внешнему миру, относительная развитость рыночных механизмов и благоприятный инвестиционный климат, подкрепленный соответствующим законодательством.

По показателям запасов и добычи природного газа государства Центральной Азии входят в число крупнейших мировых экспортеров, хотя их доля и не сопоставима с вкладом России, Ирана и Катара. С позиции энергосырьевой дипломатии в ее зарубежных версиях центральное место в региональных делах занимает Каспий, вернее его восточное побережье, а также газовые месторождения Туркмении. Именно их имеют в виду американские и европейские авторы, рассуждая о роли Каспийского региона в мировой политике и экономике.

По размерам запасов и добычи углеводородов регион Каспийского моря сопоставим с Северным морем. При этом он существенно уступает Персидскому заливу по запасам нефти или Западной Сибири по запасам газа. Иными словами, ставка в geopolитической борьбе за углеводородные ресурсы региона не имеет глобального значения, хотя и является привлекательной. Что касается проблемы раздела каспийских ресурсов (углеводородов, а также рыбных запасов и пр.) и самой акватории моря, определения правового статуса Каспия, то она так до сих пор окончательно и не урегулирована, хотя наметилось серьезное продвижение в этом направлении. Возникающие в процессе освоения углеводородных богатств Каспия противоречия между интересами производителей и инвесторов, нерешенные споры относительно принадлежности тех или иных месторождений ставят под сомнение даже скорректированные в сторону снижения планы добычи и экспорта каспийских углеводородов.

Интерес к запасам углеводородного сырья на Каспии — главной «сырьевой кладовой» региона — поддерживается усилиями западных стран, возможно, сознательно переоценивающих ресурсы Каспия, чтобы надолго закрепиться в регионе, который они именуют «новым Персидским заливом». Однако же разведанные доказанные углеводородные запасы

Каспийского моря, составляющие только лишь 3% от мировых запасов этого энергосырья, едва ли будут способствовать тому, что Каспийский регион займет место, равнозначное Персидскому заливу. Тем более что в этом регионе сохраняется множество нерешенных международных проблем. Это — неопределенный правовой статус Каспийского моря, возможность возникновения конфликтов между прибрежными государствами из-за спорных территорий и месторождений нефти и газа, подрывающая региональную стабильность милитаризация вкупе с усилиями нерегиональных держав (в первую очередь США и стран Евросоюза) оказывать воздействие на военно-политическую обстановку в регионе, подрывающие безопасность экологические проблемы.

Основная geopolитическая дилемма Центрально-Азиатского региона заключается прежде всего в том, что углеводородное сырье, добываемое там, может экспортироваться практически только через территорию России. Таким образом, новые независимые государства Центральной Азии лишены geopolитического маневра, поскольку не имеют прямых выходов на внешний рынок, что особенно существенно для прикаспийских стран. Их планы, связанные с масштабной разработкой углеводородных ресурсов, могли бы быть реализованы только при увеличении мощностей трубопроводов, построенных еще во времена СССР. Альтернатива нынешней ситуации заключена в создании новых экспортных трубопроводных маршрутов. Не удивительно, что эта проблема практически сразу же после своего возникновения была политизирована, и неважно, что большинство проектов разрабатывалось под мифические данные о запасах нефти и газа в Каспийском регионе.

К настоящему времени определились три основных направления поставок на мировой рынок центрально-азиатских углеводородов: Европа, Китай и Персидский залив. Основным потребителем этих ресурсов, без сомнений, следует признать Европейский союз, который для смягчения своей зависимости от производителей нефти и газа и обеспечения надежности поставок стремится к диверсификации, как источников энергоресурсов, так и маршрутов их транспортировки. В результате появи-

лись пары конкурирующих между собой проектов газопроводов: «Набукко» и «Южный поток», «Транскаспийский газопровод» и «Прикаспийский газопровод». На российских просторах возможна конкуренция проектов водных каналов «Евразия» и «Волго-Дон-2», предназначенных, среди прочего, для увеличения объема танкерных перевозок нефти из Каспийского региона в Черное и Средиземное моря.

Китай — более новое, но крайне перспективное направление поставок углеводородных ресурсов из Центрально-Азиатского региона. Причина этого — быстрый рост экономики Китая, его огромный демографический потенциал и недостаточная собственная энергообеспеченность.

Транспортировка центрально-азиатских нефтегазовых ресурсов на юг, в направлении Персидского залива — весьма перспективный вектор, соединяющий район добычи нефти и газа с традиционными маршрутами их транспортировки.

Выбор маршрутов для транспортировки нефти и газа из Центральной Азии диктуется зачастую политическим императивом — либо для реализации целей геостратегического доминирования в регионе, либо для вытеснения из региона неугодных глобальным (США и ЕС) и региональным (Турция) игрокам — России, Китая или же Ирана. Этим же целям служат навязанные Западом трубопроводы и транспортные проекты, призванные изолировать от Центральной Азии Россию, несмотря на ту лидирующую роль, которую она исторически играла и продолжает пока играть в Центрально-Азиатском регионе.

При выборе маршрутов транспортировки углеводородного сырья из Центральной Азии критерий экономической рентабельности проектов, естественно, учитывается, но на определенных отрезках времени он может не играть главенствующей роли и подчиняться геостратегическим интересам государств Запада, которые всячески поддерживают, в том числе с помощью огромных кредитов, специальных грантов и т. п., нужных им участников нефтегазовых проектов. Это хорошо прослеживается на примере истории реализации нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД), предназначенного ликвидировать монопольное положение

жение России в качестве страны-транзитера каспийской нефти в Западную Европу [1].

В наши дни в регионе Центральной Азии выбор того или иного экспортного трубопровода определяется геополитическими факторами, которые, как правило, имеют мало общего с реальным состоянием запасов месторождений и не связаны практически с реальными возможностями стран-производителей углеводородных ресурсов. Трубопроводный блеф привел в результате к усилению неопределенности в вопросах реализации многих проектов по экспорту энергоресурсов. Соперничество трубопроводных проектов усиливает региональную напряженность в Центрально-Азиатском регионе. Объединение государственных усилий стран Центральной Азии в целях максимально эффективного использования их совокупного энергетического потенциала, как представляется, может стать локомотивом процесса межгосударственной кооперации/интеграции в рамках оптимального разделения труда — с учетом размещения источников энергоресурсов, прохождения трубопроводов, авто- и железных дорог, наличия инфраструктуры и перерабатывающих мощностей для продвижения долгосрочных и общих интересов.

Проблема создания в Центральной Азии единого энергетического пространства продиктована необходимостью решать множество актуальных задач, с которыми страны региона в одиночку не справятся. Это подталкивает их к поиску новых форм регионального взаимодействия, которое обеспечивало бы устойчивое экономическое и политическое развитие

стран Центральной Азии. Потребность координировать свои действия возникает в процессе отстаивания ими своих долгосрочных интересов на постсоветском пространстве. Выступая «единым фронтом», государствам Центрально-Азиатского региона будет гораздо легче, чем сейчас, договариваться с остальными партнерами по бывшему СССР, например, о приватизации их промышленных объектов (энергетики, нефтехимии и т. д.) и трубопроводных систем. Кроме того, пользуясь «энергетическим инструментом», страны Центральной Азии смогут добиться от остальных постсоветских стран многих других экономических и политических преференций. Но, возможно, самое главное — это то, что государства Центральной Азии, заручившись поддержкой России, смогут использовать потенциал своего сотрудничества в сфере ТЭК для стимулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве в целом.

Литература

[1] Денисов Е.А. Формирование основных субъекты современной энергетической дипломатии // Государственная служба. — 2012. — № 3. — С. 100–103.

[2] Денисов Е.А. Центральная Азия как международно-политический регион // Восток (Orience). — 2012. — № 2. — С. 46–50.

[3] Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. — М.: Аспект Пресс, 2011. — С. 23.

[4] Телегина Е.В. Мировой энергетический рынок и геополитические интересы России // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 5. — С. 60–64.

УДК 323(1-925)

ЛУКЬЯНЦЕВ Андрей Сергеевич,
руководитель Молодежного отделения Российского
общества политологов в Республике Башкортостан,
студент 3-го курса кафедры политологии и истории
Башкирского государственного университета
e-mail: lukyantsev.andrey@gmail.com

БЕСКОНФЛИКТНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. КЕЙС АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Глобализация — процесс, который охватывает все политico-правовые организационные сегменты мирового порядка. Это означает, что важнейшим фактором, является сохранение стабильных взаимоотношений с различными акторами. Азиатско-Тихоокеанский регион, на сегодняшний день, представляет собой территорию, которая идет опережающими темпами социально-экономического развития. За счет этого Дальневосточный федеральный округ Российской Федерации имеет возможности для расширения собственных возможностей.

В данной статье рассмотрены основные преимущественные характеристики российского Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона, анализируются данные прогнозов инвестиционной привлекательности регионов и вероятности взаимодействия Республики Башкортостан как важного актора для дальнейшего взаимодействия. Важно отметить, что все представленные факты и процессы напрямую являются теми, от которых зависит бесконфликтное социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, политическая стабильность, глобализация, международные отношения, региональные отношения, Дальневосточный федеральный округ.

В работе современных политических систем важен вопрос инновационной развития. Данная проблема касается, в том числе, государств Азиатско-Тихоокеанского региона как современной площадки, на которой сосредоточена большая часть мирового капитала и производственных ресурсов. В принятой декларации государств-участников Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества в Индонезии 8 октября 2013 г. говорится, что «у нас есть полная уверенность в перспективе экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона и мы полны решимости, чтобы играть ведущую роль в восстановлении мировой экономики... мы с нетерпением ждем совместной работы, чтобы построить открытую экономику, основанную на инновациях, связанных между собой роста и общих интересов» [12]. Агрегация и артикуляция политических интересов всецело способствуют экономическому и политическому росту, поддерживают благопри-

ятные взаимоотношения государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Провозглашенные идеи должны лечь в основу построения «дорожных карт» государств по преобразованию социальных, политических и экономических аспектов жизни.

В настоящее время мы говорим о процессах всесторонней глобализации. С.В. Севостьянов в своей статье «Новый регионализм» в Восточной Азии: теоретические и практические аспекты» обозначил, что «в азиатских странах исследователи при оценке глобализации делают основной акцент как на вызовах, которые она создает для национальной стабильности процветания, так и на возможностях, которые она открывает перед их странами» [10]. Поэтому вызовы, с которыми сталкиваются страны Восточной Азии, затрагивают основы общественно-политических отношений и грамотное видение политическими лидерами решений конкретных задач способ-

но регулировать социально-экономические процессы. Такие трансформационные процессы, в том числе, отображаются на государствах АТР и «в условиях глобализации физические, и функциональные определения регионов могут рассматриваться как последовательность, при которой территория постепенно уступает место пространству входе перехода от физического к функциональному регионализму за счет роста интерактивных возможностей системы» [8].

В виду возросшего значения глобализации и интеграции общественно-политической жизни важно обратить внимание на транснациональные корпорации. В аналитическом обзоре «Глобальная экспансия транснациональных корпораций России и Китая: адаптация в условиях кризиса», проведенном «Институтом исследования быстроразвивающихся рынков СКОЛКОВО», приводятся данные относительно состояния российской и китайской экономик в условиях кризиса и перспектив их развития. Так, «как и российские коллеги, они больше ориентированы на инвестиции в новые проекты и на рынки развивающихся стран» [5], — говорится в обзоре. Это означает, что рынки Китая и России, на сегодняшний день, ориентированы на сотрудничество с развивающимися странами.

В связи с вышеописанными процессами, можем утверждать, что Дальний Восток, регион, связывающий рынок России и Азии, является стратегическим ресурсом нашего государства. Это говорит о том, что Россия заинтересована в развитии Дальнего Востока как центра взаимодействия государств АТР в стремлении идти вперед, продвигаясь к рынкам Азиатского региона. «Желание извлекать выгоду из динамичного экономического развития Азии с целью развития собственного Дальнего Востока побуждает Москву быть активным сторонником стабильности в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии» [1].

В соответствии с рейтингом инвестиционной привлекательности российских регионов 2013 г., приведенным «Национальным рейтинговым агентством», Сахалинская область обладает наивысшим рейтингом «высокой инвестиционной привлекательности — первый уровень», Камчатский край, Хабаровская край —

«высокая инвестиционная привлекательность — третий уровень», Амурская область, Приморский край — «средняя инвестиционная привлекательность — первый уровень» [9].

На сегодняшний день многие эксперты сходятся во мнении, что развитие Дальневосточного региона в ключе рынков АТР — эффективный сценарий трансформации российской экономики в целом. «Такую задачу реализовать, возможно, учитывая потенциал роста рынков стран АТР и возможности для экспорта природных ресурсов» [7]. За счет привлекательных позиций Дальневосточного региона в АТР, Республика Башкортостан активно подключается к реализации совместных проектов. Так, в 2013 году между Республикой Башкортостан и Республикой Корея были проведены переговоры по вопросам экономического и политического сотрудничества [3]. А в 2015 году столица Башкортостана, г. Уфа принимает у себя саммиты стран-участниц БРИКС и ШОС. Из членов этих альянсов 2 входят в АТР: Россия и Китай. Также «важно отметить ведущую роль России в международной интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Помимо членства в АТЭС, Российская Федерация представлена в следующих группировках: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); группировка БРИКС (BRICS)...» [6]. Из этого мы выделяем, что Башкортостан вместе регионами Дальневосточного Федерального округа могут взаимовыгодно сотрудничать и приносить экономическую выгоду во имя политической стабильности и развития инновационного потенциала государств АТР.

Политическая и экономическая стабильность в условиях глобализации напрямую зависит от поддержки политических акторов на различных уровнях: от внутринационального до надгосударственного. И развитие инновационного потенциала государств АТР может эффективно перенестись на региональные отношения внутри Российской Федерации. Россия имеет качественные и реальные возможности преобразовать Дальний Восток в кооперации с различными регионами Российской Федерации, в частности с Республикой Башкортостан, являющейся одним из важнейших экономических и политических акторов Поволжья и Урала.

Вышеописанные процессы очень важны при выстраивании качественной и эффективной системы государственной политики. Й. Шумпетер, говоря о демократических тенденциях и эффективности принятия политических решений, утверждал, что «институциональным структурой для принятия политических решений, которая осуществляет общее благо, давая народу возможность самому решать все вопросы путем избрания представителей, исполняющих его волю» [11]. Это означает, что для стабильного развития Азиатско-Тихоокеанского региона очень важно, чтобы каждый актор взаимодействия в политической конкурирующей сфере мог воздействовать на политику, исходя из побуждений общественного блага.

Азиатско-Тихоокеанский регион, на сегодняшний день, является наиболее перспективным. Об этом не раз уже утверждали российские политики. Так, Председатель Правительства Российской Федерации, Д.А. Медведев объявил, что «взаимодействие с Азиатско-Тихоокеанским регионом — для нас сейчас ключевой приоритет. Сегодня нам буквально необходим прорыв на этом направлении, который позволит преодолеть многие технологические и экономические ограничения для устойчивого роста» [2]. Данное высказывание еще раз подчеркивает, что Российская Федерация, как никогда ранее, нуждается в развитии Дальневосточного региона в рамках развития АТР как перспективного инвестиционного проекта, необходимого для дальнейшего инновационного социально-экономического скачка. Это, прежде всего, политico-правовой процесс, который жизненно необходим.

Современный российский ученый в сфере национальных и федеративных отношений В.В. Гайдук говорит: «Регионы, как и сама жизнь не могут не видоизменяться, не могут оставаться постоянной политической величиной. Все регионы, в том числе и субъекты Российской Федерации подвержены действию политico-правовых и социально-экономических процессов. Одни тенденции позитивно сказываются на субъекте федерации, повышая самодостаточность и «политический имидж» региона» [4]. Нельзя не согласиться с исследователем. Определим, что действия, которые позволяют адекватно оценивать те действия, которые могут

возникать в АТР и воздействовать напрямую на дальнейшее политическое развитие всех взаимосвязанных структур вместе с ним.

Подводя итоги, отметим, что при гаранции политической стабильности в условиях глобализации, очень важно сохранять внешние и внутренние структуры в готовности поддерживать как национальные, так и наднациональные субъекты политики. И для того, чтобы говорить о том, что Азиатско-Тихоокеанский регион стабильно развивался, необходимо, чтобы все заинтересованные в этом, делали все возможное для этого.

Литература

- [1] Барабанов О., Манкoff Дж. Перспективы российско-американского сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Доклады рабочей группы по будущему российско-американских отношений]. Вып. 3, июль 2013 [Электронный ресурс]. — URL: http://futureofusrussiarelations.files.wordpress.com/2013/07/wg_paper_3_barabanov_mankoff_ru.pdf
- [2] Взаимодействие с АТР — приоритет для России [Электронный ресурс]. — URL: <http://ria.ru/politics/20140723/1017197912.html>
- [3] В посольстве Республики Корея состоялась презентация Республики Башкортостан // Сайт Правительства Республики Башкортостан. — URL: http://www.pravitelstvorb.ru/press_office/newsline/detail.php?ID=4052
- [4] Гайдук В.В. Политическая трансформация статуса регионов в условиях модернизации российского федерализма // Вопросы политологии. — 2011. — Вып. (4) 4. — С. 84.
- [5] Глобальная экспансия транснациональных корпораций России и Китая: адаптация в условиях кризиса // Институт быстроразвивающихся рынков СКОЛКОВО, май 2009 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.skolkovo.ru/images/stories/book/SIEMS_Monthly_Briefing_2009-05_rus.pdf
- [6] Литвинов Н.Н. Стратегический менеджмент на примере Азиатско-Тихоокеанского региона. — М., 2010. — 200 с.
- [7] Лицом к Азии: Дальний Восток хотят переориентировать на экспорт в АТР. РБК — экономика [Электронный ресурс]. — URL: <http://top.rbc.ru/economics/08/11/2013/887398.shtml>
- [8] Межправительственные организации Восточной Азии: эволюция, эффективность, перспективы развития и российского участия: монография. — Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. — С. 91.
- [9] Рейтинг инвестиционной привлекательности российских регионов 2013 // Национальное

рейтинговое агентство [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ra-national.ru/uploads/rus/files/analytic/file_review/16.pdf

[10] Севастьянов С.В. Новый «регионализм» в Восточной Азии: теоретические и практические аспекты // Полис. — 2009. — № 4. — С. 111.

[11] Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. — М., 2007. С. 250.

[12] Bali Declaration Resilient Asia-Pacific, Engine of Global Growth [Электронный ресурс]. — URL: http://www.apec.org/~/media/Files/LeadersDeclarations/2013/20131008_AELM-Declaration2013.pdf

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 291:32.019.5

ВАЛЬКОВ Алексей Алексеевич,
доктор философских наук,
профессор кафедры политологии и истории
Башкирского государственного университета
e-mail: bashgu_politolog@mail.ru

К ПОНЯТИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И МНОГООБРАЗИЮ ЕЕ ФОРМ

В процессе преподавания нового для себя курса «политическая идеология» для студентов специальности «политология» автор этих строк неожиданно столкнулся с проблемой слабой разработанности в отечественной науке и в преподавании в высшей школе некоторых теоретических аспектов темы «религиозная идеология» и решил, по мере своих скромных сил, попытаться заполнить этот академический пробел.

Ключевые слова: политология, религия, религиозная идеология, форма, многообразие, общественный идеал.

Прежде всего, позволим себе усомниться в правомерности подходов фактически отождествляющих религию и религиозную идеологию. Если бы это было так, то не было бы, пожалуй, необходимости в самом понятии «религиозной идеологии». Религия, несомненно, намного глубже и шире своей идеологической составляющей. На наш взгляд, религиозная идеология, относясь к разряду политических идеологий, представляет собой как бы один из исторически преходящих религиозных пластов, имеющих непосредственный выход на цели светской, в том числе и общественно-политической жизни. И это именно тот пласт, в котором религия выступает в качестве социального регулятора духовного характера.

Проявляя себя в этом качестве, религия и религиозная идеология, наряду с другими социальными регуляторами (например, традициями, силой и т.п.) упорядочивает данное сообщество, придает ему определенность и задает характер его процессуальности [4]. И этот процесс, постепенно усиливаясь в исто-

рии, начинается с того периода, когда религия в силу различных факторов приобретает «идеологическую функцию, заключающуюся в укреплении общественного строя в интересах господствующего класса» [3]. Достигнув своего апогея в эпоху средневековья, он, к началу нового времени, начинает постепенно ослабевать, по крайней мере, в христианских конфессиях, уступая место другим функциям религии. Хотя в исламе, который во многих странах мусульманского мира относится к разряду прямо политических религий, религиозная идеология и доныне выполняет функцию важного социального регулятора.

Однако же, вполне очевидно, что религия как таковая возникла задолго до приобретения ею идеологической функции и будет существовать и тогда, когда эта религиозно-политическая функция утратит свое значение.

Далее, широко известно, что любая политическая идеология включает в себя в качестве важнейших следующие структурные элементы: 1) связь с какой-либо мировоззренческой

системой эпохи; 2) программные установки, сформулированные на основе тех или иных положений этой системы; 3) стратегия реализации данных программных установок [1]. Применительно к нашему предмету исследованию такой мировоззренческой основой, несомненно, является та или иная религия. В качестве же ее (то есть религиозной идеологии) основной программной установки надо признать формулируемый ею религиозный общественный идеал, выдвигаемый в виде цели, к достижению которой устремлена данная идеология. И, наконец, в качестве третьего структурного элемента религиозной идеологии должны выступать религиозно-окрашенные методы и средства.

Таким образом, можно, мы полагаем, трактовать религиозную идеологию, как специфическую форму политической идеологии, мировоззренческой основой которой выступает та или иная религия, а общественный идеал и, следовательно, политические цели данной идеологии носят во многом религиозный характер, и должны быть достигнуты при помощи религиозно-окрашенных методов и средств.

Конкретно все это находит свое реальное воплощение в историческом многообразии религиозных идеологий. Рассмотрим для примера некоторые (может быть и основные?) из них, делая главный упор на наличие в них трех означенных выше структурных элементов политической идеологии.

Итак, христианство, которое с небольшими вариациями является мировоззренческой основой религиозных идеологий сразу нескольких мировых конфессий. В политической идеологии средневекового католицизма в качестве общественного идеала в течение многих веков выступала идея всемирной католическо-христианской теократии, политическими методами и средствами достижения которой были избраны и идейно обоснованы крестовые походы, войны с еретиками, «христианизирующая» деятельность рыцарских орденов, насильтвенная христианизация многих языческих народов, борьба с инакомыслием посредством инквизиции со всем ее многообразным и далеко не всегда гуманным арсеналом. Впрочем, справедливости ради отметим, что своя религиозная идеология, несомненно, была и у еретиков.

Общественный идеал другой христианской конфессии — протестантизма — не имел всемирных амбиций папского престола. Его составными социально-политическими моментами были: «упрощение» и, следовательно, ущербление культа, демократизация и децентрализация церкви, придание ей национального характера и, в конце концов, известное «обмирщение» церкви. При этом методы изначального протестантизма, как известно, мало чем отличались от деятельности святой инквизиции. Не были исключены из арсенала протестантских государств и войны с религиозной подоплекой.

В эпоху позднего средневековья православная церковь в России также не чуждалась теократических притязаний. Об этом, например, говорит целая череда политических столкновений в борьбе за власть между светскими представителями и патриархами «Всех Руси» в XVI–XVII веках.

Далее. Мало чем отличалась от политики католицизма в эпоху раннего средневековья и религиозная идеология ислама. Тот же общественный идеал всемирной теократии, но теперь уже под зеленым знаменем ислама («панисламизм»). Те же военные методы («джихад»), приведшие к созданию огромного религиозного государства — Арабского халифата. То же насильтвенное обращение в свою веру покоренных народов (так называемая «исlamизация»). Впрочем, идеи создания «шириатского» государства в виде всемирной теократии отнюдь не канули в лету. Ныне их активно пропагандируют ваххабитские группировки, методом действия которых все чаще становится терроризм, называемый ими джихадом против безбожной власти [2].

Довольно известной политической идеологией в новейшей истории является сионизм. Его мировоззренческой основой выступал радикальный иудаизм, а общественным идеалом — восстановление и всемирное укрепление государства Израиль, как исконного отечества «избранного народа», всемирного центра его религиозного притяжения. «Земля обетованная» — библейский символ, выражавший это стремление. Методом реализации этого идеала с самого начала возникновения современного государства Из-

раиль стала его активная военная политика, подпитываемая, в том числе, и религиозной составляющей. Полагаем, что все это дает основание, хотя и с некоторыми оговорками, отнести сионизм к разновидности религиозной идеологии.

Помимо сказанного, определенный интерес для исследователя проблемы представляют мессианские идеи нового и новейшего времени, имеющие религиозную подоплеку. Впрочем, наиболее рельефно религиозные политические идеологии проявляют себя все же в политическом действии. Вот уж, воистину,

момент, когда «идеи становятся материальной силой» (К. Маркс).

Литература

[1] Гаджиев К.С. Политическая философия. — М.: Экономика, 1999. — С. 348.

[2] Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье [Электронный ресурс]. — URL: www.apn.ru/publications/article_29103.htm

[3] Мейстер В. Религиозная идеология: судьбы и перспективы [Электронный ресурс]. — URL: http://scepsis.net/library/id_83.html.

[4] Финогентов В.Н. Философия: учеб. пособие. — Уфа: Изд-е УТИС, 2001. — С. 311.

УДК 291:32.019.5(470.57)

БИКТАГИРОВА Алсу Рашитовна,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры прикладной психологии и девиантологии

Башкирского государственного педагогического университета

им. М. Акмуллы (г. Уфа)

e-mail: Biktagirova-alsu@mail.ru

САЯХОВ Руслан Линицевич,

заместитель председателя Духовного управления

мусульман Республики Башкортостан (г. Уфа)

e-mail: Ruslan030271@hotmail.com

РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье представлен анализ организационного процесса — развитие кадрового потенциала; раскрыты особенности организационной структуры, персонала функционального подразделения — мухтасибата. На основании полученных выводов, разработаны инновационные рекомендации по развитию кадрового потенциала как фактора развития религиозных организаций, который представлен блоками: управленческий, функциональный, коммуникативный, социальный и педагогический.

Ключевые слова: организация, кадровый потенциал, организационная структура, инновации, мухтасибат.

Поликультурность и многоконфессиональность современного общества при все более четко проявляющихся признаках глобализации и в условиях распространения идей плюрализма, демократии и практически неограниченных свобод — все это естественным образом ведет к столкновению интересов, а значит, неминуемо является питательной средой для зарождения конфликтов.

Одним из наиболее значимых факторов, непосредственно влияющих на формирование общественного мнения и на градус социальной напряженности, всегда остается идеология и неразрывно с ней связанная духовная, религиозная составляющая. Президент России Владимир Путин, в частности, выступая 24 октября 2014 г. перед членами Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи, высказал мнение о возможности распространения конфликтов на этнической и религиозной почве: «Следующая очевидная угроза — это

дальнейшее разрастание конфликтов на этнической, религиозной и социальной почве. Такие конфликты опасны не только сами по себе. Они формируют вокруг себя зоны безвластия, беззакония и хаоса, где уютно чувствуют себя и террористы, и рядовые преступники, пиратство процветает» [4].

В связи с этим, работа религиозных объединений нашего государства продолжает оставаться предметом пристального внимания. Показательным подтверждением тому служит наличие множества международных и отечественных законодательных актов, регулирующих общественные отношения в этой области. В связи с серьезными изменениями, произошедшими в нашей стране в конце ушедшего в историю столетия, с небывалой активностью стали воссоздаваться и образовываться вновь многочисленные религиозные организации. Серьезной проблемой, с которой столкнулось сегодня как само духовенство, так

и государство, это дефицит кадров. Что ожидает, в этой связи, гражданское общество, по каким сценариям будут развиваться межконфессиональные, внутриконфессиональные, государственно-конфессиональные отношения во многом определяет кадровый потенциал религиозных организаций.

Сегодня государством предпринимаются беспрецедентные шаги с целью оптимизировать работу в религиозной области, поднять на новый уровень духовную грамотность населения, развить систему отечественного религиозного образования. Достаточно вспомнить хотя бы такой масштабный шаг, как введение в школьную программу нового предмета, именуемого «Основы религиозных культур и светской этики», который начали изучать во всех регионах с 1 сентября 2012 года. Весьма значимым для мусульман России явилось создание несколько лет назад некоммерческого благотворительного Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования. Для становления отечественной системы исламского образования ключевую роль сыграло принятие «Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного образования на 2005–2015 гг.», разработанной Министерством образования и науки Российской Федерации.

Учитывая, в этой связи, высокую меру ответственности за повышение эффективности функционирования мусульманских религиозных организаций, представляется важным рассмотреть состояние их кадрового потенциала, дать общую оценку ситуации, видение перспектив и, на основе этого, выработать рекомендации, которые позволили бы укрепить кадровый потенциал мусульманских религиозных организаций.

Для определенности и однозначности понятийного аппарата, а также для ознакомления с базовыми положениями, на которых планируется основать дальнейшие суждения, предварим анализ и выработку рекомендаций небольшим теоретическим экскурсом.

По самому общему определению специалистов, любая организация — это объединение людей, занимающихся совместной деятельностью для достижения определенных целей [2, с. 117]. Кадровый потенциал представляют

как сумму физических и моральных качеств каждого члена коллектива, которые определяют способность организации воплощать свои цели в реальность. Физические качества определяются состоянием здоровья работника, его трудоспособностью, психотипом, возрастом, полом, трудовыми навыками. В состав моральных качеств входят образованность, культура, творческая активность, интеллект, нравственность, самоуважение, способность к самоконтролю, умение адаптироваться к изменяющимся условиям и принимать нестандартные решения.

Управление развитием кадрового потенциала обеспечивается изучением потенциала человека. С одной стороны, рассматриваются его способности, с другой — возможности их реализации [2, с. 176]. Формирование новых и развитие имеющихся способностей, определенных на основе анализа их востребованности в интересах организации и самого человека, — основа управления развитием кадрового потенциала [2, с. 176].

Для анализа состояния кадрового потенциала организации применяют различные методы. В нашем случае мы используем метод сравнений, который дает возможность изучить состояние системы управления персоналом в прошлом с настоящим и прогнозом на будущее. Именно получив результаты сравнительного анализа, мы попытаемся разработать рекомендации по развитию кадрового потенциала религиозных организаций.

Местных мусульманских религиозных организаций (ММРО) в масштабах даже отдельно взятого Башкортостана насчитывается великое множество. Согласно упомянутому выше Закону от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», любые три из них могут объединиться в централизованную религиозную организацию. Ключевыми централизованными организациями мусульман, располагающимися и действующими на территории республики Башкортостан, являются Центральное духовное управление мусульман Российской Федерации — ЦДУМ РФ и Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (недавно переименованное в Централизованную религиозную организацию Духовное управление мусульман Республики Башкортостан).

лики Башкортостан — ЦРО ДУМ РБ) с примерно одинаковым количеством республиканских приходов. Количество зарегистрированных в Министерстве юстиции ММРО, находящихся в каноническом и административном подчинении и только республиканского духовного ведомства (ЦРО ДУМ РБ) порядка шестисот. Структура организации, состояние с кадрами и работой приходов в обоих ведомствах примерно одинаково. Для более конкретного ознакомления и анализа работы духовных институтов в отдельно взятом субъекте, ограничим круг пределами одной организации — ЦРО ДУМ РБ рассмотрим состояние кадрового потенциала на примере ключевой функциональной единицы — «мухтасибат». Его функционирование в системе республиканского духовного ведомства является с одной стороны уменьшенную до масштаба отдельного района модель централизованной религиозной организации, а с другой — она наиболее полно и показательно отражает состояние духовной среды.

В соответствии с главой 3 Устава Централизованной религиозной организации — Духовного управления мусульман Республики Башкортостан, данная организация состоит из местных мусульманских религиозных организаций — приходов, находящихся под его каноническим и административным управлением, возглавляемым председателем ММРО [5]. Функции координирующих органов выполняют учреждаемые организацией мухтасибаты. В состав организации входят также учреждения организации. Свою деятельность учреждения осуществляют под руководством назначаемых Муфтием работников организации. Учреждения создаются, реорганизуются и ликвидируются по решению Президиума по представлению Муфтия. В структуру организации входит ряд отделов (образования, международных связей и связей с общественностью; молодежный; по делам хаджа; информационно-аналитический; Комитет по стандарту «Хаяль»). В случае необходимости, право создания новых (дополнительных) отделов относится к компетенции Президиума организации. Учреждения организации без образования юридического лица действуют на основе Положения об учреждениях соответствующего вида, разработанных Президиумом органи-

зации. Свою работу учреждения организации осуществляют в тесном единстве и взаимодействии, координируя свои усилия в решении задач, носящих общий характер [5].

Анализ организационной структуры ЦРО ДУМ РБ показывает, она состоит из матричной (дивизионной) и линейно-функциональной форм управления персоналом. В линейно-функциональной части на 1 уровне находится мухтасиб, на 2 уровне — приход, на 3 уровне — прихожане.

Мухтасибат, представляет собой объединение местных мусульманских религиозных организаций (ММРО) в рамках одного муниципального района, находящихся в каноническом и административном подчинении ДУМ РБ. Мухтасибат в своей деятельности руководствуется Уставом ЦРО ДУМ РБ и Уставом ММРО. Мухтасибат возглавляет утвержденный в данный должности Муфтием имам-мухтасиб из числа наиболее достойных, опытных, авторитетных представителей духовенства данного района. Основные направления работы мухтасибата достаточно конкретно перечислены в Журнале работы мухтасибата, где основными направлениями его работы обозначены религиозные и образовательные мероприятия, работа с молодежью, связь с общественностью, местной администрацией и Духовным управлением. Одной из основных обязанностей имама-мухтасиба является ведение ежегодного Журнала работы мухтасибата и контроль за ведением в приходах ежегодной Тетради работы прихода [5].

Анализ показывает, что организационная структура функционального подразделения мухтасибат ДУМ РБ является линейно-функциональной со следующими уровнями: 1 уровень — имам-мухтасиб, 2 уровень — приходы, 3 уровень — структурные подразделения приходов, 4 уровень — прихожане.

Как было сказано выше, для анализа состояния кадрового потенциала мы используем метод сравнения, а именно: сравниваем состояния системы управления персоналом в прошлом и настоящем. В качестве источника информации прибегнем к использованию данных, приведенных в книге «ДУМ РБ сегодня» [1], выпущенной к 95-летию ведомства, на официальном Сайте ЦРО ДУМ РБ (www.dumrb.ru), внутренних статистических данных ведомства [5].

Для анализа, кадровый потенциал религиозных организаций мы рассматриваем как сумму физических и моральных качеств каждого члена коллектива, которая определяет способность религиозной организации воплощать свои цели в реальность [3, с. 175–178]. Физические качества мы определяем следующими показателями: возраст, семейное положение, количество детей. В состав моральных качеств входят уровень светского и религиозного образования. Центральным гипотетическим положением выступает идея о том, что существуют определенные характеристики персонала религиозных организаций, которые требуют инновационных изменений.

В результате сравнения показателей физических и моральных качеств кадрового потенциала мухтасибатов ДУМ РБ за три года работы (с 2011 г. по 2014 г.) [1], проявилась следующая динамика изменений:

I. В показателях физических качеств кадрового потенциала наблюдается незначительный рост доли молодых имамов-мухтасибов в возрасте до 35 лет (с 0 до 3%) и увеличении доли возрастной группы старше 55 лет (с 51 до 56%), а также незначительное уменьшение количества имамов-мухтасибов, имеющих более 5 детей (с 19 до 16%) (диаграмма 1).

II. В показателях моральных качеств кадрового потенциала наблюдается незначительный рост доли имамов-мухтасибов с начальным религиозным образованием (с 2 до 5%) и высшим религиозным образованием (с 30 до 33%), а также уменьшение доли имамов-мухтасибов со средне-специальным религиозным образованием (с 68 до 62%) (диаграмма 2).

Таким образом, результаты исследований, позволяют констатировать отсутствие выраженной динамики развития кадрового потенциала централизованной религиозной организации (ДУМ РБ) на уровне ее функциональной единицы мухтасибат. Данный факт

свидетельствует также о необходимости инновационных изменений в развитии кадрового потенциала как фактора развития религиозных организаций.

Разработанные нами рекомендации разделены на следующие блоки:

I. Управленческий блок.

Из анализа организационной структуры Централизованной религиозной организации ДУМ РБ и организационной структуры ее функциональной единицы — мухтасибат могут следовать следующие выводы. Во-первых: отсутствует четкая координация в управлении

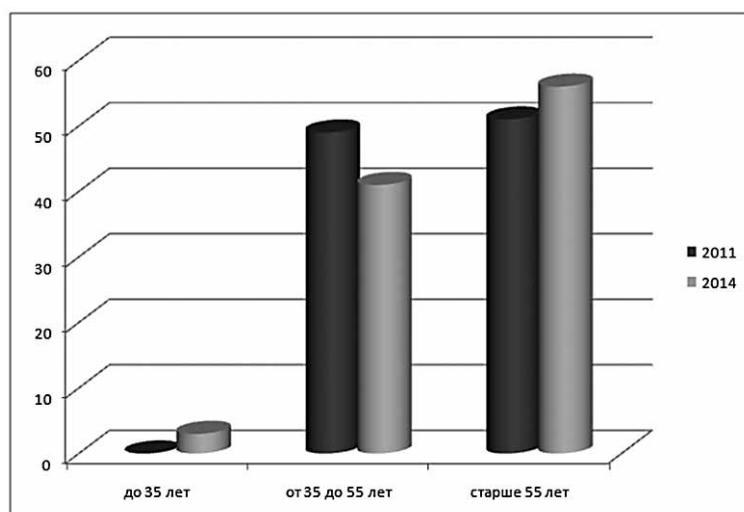

Диаграмма 1 — Динамика изменения физических качеств имамов-мухтасибов (возрастные показатели)

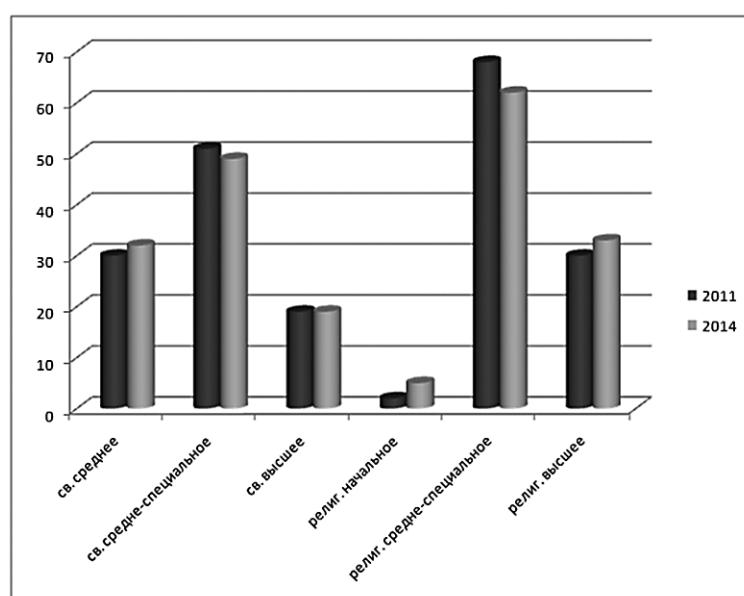

Диаграмма 2 — Динамика изменения моральных качеств имамов-мухтасибов

деятельностью мухтасибатом со стороны ДУМ РБ. Во-вторых: не корректна система взаимодействия и координации действий между мухтасибатами различных районов республики Башкортостан. В связи с этим, считаем обоснованным предложить к внедрению в управление мухтасибатом регионального компонента. А именно:

1) Возложить ответственность за деятельность конкретных групп мухтасибатов определенных районов на конкретных членов Президиума ДУМ РБ.

2) С целью стратегичности управления мухтасибатами усовершенствовать имеющуюся систему ахундов. Для этого на территории всего субъекта Федерации на каждые несколько соседних муниципальных районов, и, соответственно, — несколько соседних мухтасибатов назначить одного ахунда, который являлся бы связующим звеном между ДУМ РБ и возглавляемыми им имамами мухтасибами.

II. Функциональный блок.

Изучение внутриведомственных документов показало, что не для всех функциональных единиц существуют соответствующие положения, регламентирующие их деятельность, а также не для всех категорий сотрудников и (или) недостаточно четко прописаны сферы компетенций, границы ответственности и понятие результативности работы. Таким образом, необходимо:

1) Разработать положения для всех функциональных подразделений и возложить ответственность за их соблюдение на соответствующие подразделения или работников Управления.

2) Разработать и внедрить в практику работы на всех уровнях должностные инструкции с четко расписанными компетенциями и границами ответственности. Возложить ответственность за соблюдение должностных инструкций на конкретное подразделение или работника Управления.

3) Разработать понятие результативности работы всех учреждений, структурных и функциональных подразделений Ведомства. Предусмотреть систему поощрений за результаты.

III. Коммуникативный блок.

В результате исследования установлено, что в организационной структуре мухтасибата

не просматривается связь с Комиссией по государственно-конфессиональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при администрациях муниципальных районов. В связи с этим, необходимо выстроить как нисходящую, так и восходящую коммуникацию между функциональной единицей мухтасибат и соответствующей Комиссией при администрации соответствующего муниципального района Республики Башкортостан. Так, например, восходящая от мухтасибата до Комиссии связь позволит объективно информировать о реалиях работы и проблемных моментах на местах. А нисходящая (от Комиссии к мухтасибатам) коммуникация позволит совместно решать задачи, стоящие перед Комиссией как в религиозной, так и в других сферах (молодежная политика, правопорядок, образование, охрана семьи, материнства и детства, здравоохранение и т.д.). Вместе с этим, включение в работу администрации муниципального района имама-мухтасиба даже в качестве консультанта позитивно отразится на консолидации усилий, направленных на решение ряда социальных, экономических и других проблем на местном уровне.

IV. Социальный блок.

Эмпирическое исследование кадрового потенциала выявил практическое отсутствие в мухтасибатах молодых кадров и недостаточно высокий уровень как светского, так и религиозного образования действующих работников позволяет судить об отсутствии привлекательности для молодежи работы в религиозной области, а также о низкой заинтересованности действующих работников в повышении своего образовательного уровня. В связи с этим, необходимо разработать программу социальной поддержки молодых духовных работников. Это может быть осуществлено посредством:

1) четкого определения социального статуса духовного работника с легализацией трудовых отношений;

2) включения молодых духовных работников в различные социальные проекты, осуществляемые администрациями муниципальных районов (льготное предоставление земельных участков под жилищное строительство, приобретение на льготных условиях лесных делянок и других строительных ресурсов,

предоставление субсидий и льготного кредитования);

3) введения в практику работы мухтасибатов осуществления проектов целевого обучения, финансируемых мухтасибатом;

4) обдумывания возможности централизованного ведомственного финансирования, софинансирования или систематической материальной помощи для мухтасибатов.

При конкретизации решений поставленных задач весьма позитивным было бы учитывать опыт других регионов Российской Федерации, а также зарубежный опыт. В Чеченской Республике Ичкерия, например, имам-мухтасиб официально работает в должности заместителя главы администрации муниципального района по воспитательным вопросам, в Турецкой Республике за функционирование религиозных объединений отвечает Министерство по делам религий, а в Германии существует практика сбора особого религиозного налога.

V. Педагогический блок.

В связи с отсутствием ярко выраженной динамики профессионального роста, необходимо:

1) Оптимизировать действующую программу аттестации кадров мухтасибата, привлекая к ней специалистов государственных вузов, представителей местных администраций.

2) Поднять на более высокий организационный и образовательный уровень ежемесячные образовательные семинары на уровне мухтасибата, в рамках которых обсуждаются новости, проблемы, происходит информационный обмен.

3) Всемерно повышать уровень ежеквартально выходящих книг из серии «В помощь имаму». Для увеличения их тиража изыскать

возможность дополнительных источников финансирования.

4) Развивать партнерские взаимоотношения с религиозными и светскими учебными заведениями (БГПУ им. М. Акмуллы — РИУ ЦДУМ — медресе ДУМ РБ).

5) Поднять проведение стимулирующих работу духовенства ежегодных конкурсов «Лучший имам мухтасибата» на уровень республиканского.

Таким образом, претворение на практике приведенных выше рекомендаций будет способствовать повышению профессионального уровня и эффективности работы духовного ведомства. Последнее, в свою очередь, позволит в более полной мере отвечать духовным нуждам населения, особо актуализирующемся в период глобальных кризисных явлений, более эффективно противостоять проникновению и распространению деструктивных псевдорелигиозных течений, способствовать в конечном итоге укреплению стабильности гражданского общества.

Литература

[1] Духовное управление мусульман Республики Башкортостан сегодня. — Уфа: Мир печати, 2012. — 100 с.

[2] Комарова Н.В. Теоретические основы менеджмента: Конспект лекций. — М.: Доброе слово, 2005. — 64 с.

[3] Молодчик А.В., Молодчик М.А. Менеджмент: стратегия, структура, персонал, знание: учеб. пособие для вузов / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. — 296 с.

[4] Цветаев В.М. Кадровый менеджмент: учебник. — М.: ТК Велби, Проспект, 2005. — 160 с.

[5] URL: <http://www.dumrb.ru>

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УДК 37(470)

ДАВЛЕТШИНА Гульнара Рафисовна,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии
Башкирского государственного медицинского университета
e-mail: dgr82@rambler.ru

ПРОКШИНА Лира Рифгатовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории государства и права
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (Уфа)
e-mail: liraprokshina@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ИГРЫ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Игра оценивается с точки зрения гуманистического мировоззрения. Есть потребность в механизмах восстановления гуманистических идеалов в социальных институтах, в частности, в игре. Государство должно стать гарантом.

Ключевые слова: игра, гуманизм, дегуманизм, государство.

В эпоху системного кризиса современной цивилизации нет другого выхода кроме как включения творческих разумных начал в современное распознавание и блокирование возникающих все новых, непредсказуемых угроз обществу, в том числе и через игру, как социального феномена. Гуманизация как процесс достижения человеческого благополучия, связан с процессом переосмысливания основополагающих жизненных ценностей личности, в контексте места и роли ее в игре человека в современном обществе. «Во-первых, глубокие перемены в современном мире вызвали потребность в интегративной оценке современной жизни и перспектив мирового сообщества с точки зрения гуманистического мировоззрения. Во-вторых, глобализация воздействует на духовные сферы общества, фор-

мирующие личность, расшатывает ее традиционные системы ценностей. Это находит отражение в явлениях дегуманизации общества. В-третьих, последние десятилетия исторических трансформаций, свидетельствуют о том, что в современном российском обществе резко упал моральный уровень общественно-го и индивидуального сознания. В-четвертых, возрос интерес к механизмам восстановления гуманистических идеалов в социальных институтах» [2].

Рассматривая самоценность человека, как всеобщего идеала и ориентира жизнедеятельности растет критика антигуманных проявлений социальной жизни-игры, опасных для человека последствиями неконтролируемого развития науки и техники и т.д. «Цель, сущность человека, его реальность и ценность

в самом человеке. Стремление к раскрытию новой полноты свойств, дремлющих в человеке, происходит через игру, которая обладает потенциалом заключающимся в развитии интеллекта, в накоплении индивидом опыта коллективных эмоциональных переживаний, в физическом развитии, в приобретении опыта нравственного поведения, навыков культуры межличностных, коммуникативных отношений (дружба, партнерство, совместимость)» [1]. Не случайно психологи видят «возможность для человека почувствовать себя в игре чем-то более высоким, подняться на голову выше самого себя, приобрести высшие нравственные достижения, которые завтра станут его уровнем, его привычной моралью» [2]. Играй, предложенной людям, особенно молодежи, можно породить разные чувства — милосердие или жестокость. Современный человек «проигрывает» [4] для себя в сознании поведенческие коды, совершает выбор, обретение себя, своей позиции, отношения к людям, миру в целом. Все образы игровой реальности утверждают некоторый набор ценностей, победа над которыми и обеспечивает утверждение всей системы принципов в игре. В современном обществе игра оказывается фундаментальным феноменом действительности, связанным с глубочайшими истоками человеческой активности. По нашему мнению, игра отреагировала на демократические изменения в обществе тем, что в рамках привычного труда, быта, общественной деятельности она проявляется открыто и свободно. Элементы игры пронизывают труд, бизнес, художественное и научное творчество. Причиной популярности игры, как социального феномена в современном обществе является утверждение новых жизненных ценностей, в связи с изменениями, происходящими в современном социуме. Являясь развлечением, на уровне общественного сознания, игра в современном обществе перерастает в игру-обучение, в игру-модель типа человеческих отношений и проявлений, социальной действительности. Внутреннее «Я» личности — это бездна скрытых вожделений субъекта, потенций личности. Попытки применять и использовать игру в широком целевом диапазоне, сообразно ее громадным возмож-

ностям и уровню ее понимания как социального явления очевидны.

Понятие честного соблюдения правил, как честная конкуренция, частный случай которой — честное соревнование, сегодня актуально и в спортивных и других играх. Честная игра как социальная ценность и социальная норма — родом из спорта, однако получила со временем гораздо более широкое распространение. Она представляла собой культурный вклад спортивной традиции в культуру противостояний в обществе и стала для общества чем-то вроде негласной добродетели в регламентированных правилами конфликтах. Ничем не подкрепленные призывы к честной игре в таких высоко соревновательных и конкурентных системах, как политика или медиабизнес, а также спорт в целом ведут к выхолащиванию идеи честной игры в нашем обществе. Почти все говорят о честной игре, но на практике она ведется лишь «вынужденно» или поверхностно или не ведется вовсе.

В России в результате изменения общественного устройства при переходе от административно-командной системы к системе, основанной на рыночных отношениях, произошла утрата личностной и социальной идентичности с прежними социальными структурами. Жизнь людей индивидуализируется, меньше регламентируются извне их действия. Индивиды все более должны рассчитывать на себя, рисковать, делать выбор и нести за него ответственность. Исследователи отмечают, что «движение по пути большей свободы человека в выборе целей и средств их достижения, что выражается в переходе к новой системе ценностей» [3]. Один из основных признаков нашего времени — это огромное пространство выбора, которое у нас есть. Все это обусловило замену в современном обществе трудовой парадигмы на игровую. В частности индивида постоянно искушает реклама, как атрибут массовой культуры. Наиболее процветающими в современном обществе являются отрасли промышленности, работающие на индустрию развлечений, общество предлагает четко продуманную рекламную политику потребительских запросов на культурные услуги, то есть современная культура стала частью сферы доходного бизнеса.

Обострение противоречий между человеком и обществом, возникновение проблем глобального и регионального характера неизбежно требуют перехода к новым технологиям, в частности к игровым, которые помогают человеку осознать свое место в мире и наладить правильные отношения с социальной средой, а ценностными основаниями новых технологий должны стать гуманистические ценности.

Процесс дегуманизации игры в современном обществе заставляет нас обратиться к традициям честной игры, для которой характерно такие критерии как «рыцарство», джентльменское поведение. Формальная честная игра есть нечто вроде того, что исследователи называют «обязательной нормой» — такой нормой, которой необходимо подчиниться. Нарушение норм ведет к социальному исключению. Равенства шансов или стартовых позиций также один из критериев игры как социального феномена. Честность и честная игра — важные качества, которые формируются у человека и способствуют этической ориентации. Однако мы наблюдаем их унификацию, поскольку дей-

ствует принцип выживания сильнейших. Идея же и принципы честной игры, при должном контроле и регламентации могут стать ценностным ориентиром во всех сферах жизни общества и способствовать восстановлению «гуманизации культуры, где гарантом должно выступить государство, реализующее в своей экономической политике принцип социального гуманизма» [2].

Контроль и организация, включающие не только санкции, но и стимулы в деятельности, необходимы для того, чтобы превратить декларируемые гуманистические ценности и нормы в реально существующие.

Литература

- [1] Алексеева Е.А. Творческий потенциал личности. — Н. Новгород: ВГАФТ, 1998.
- [2] Давлетшина Г.Р. Кризис гуманизма и пути его преодоления в российском обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. — Уфа, 2012.
- [3] Мертон Р.К. Социальные условия и аномия. — М., 1996.
- [4] Прокшина Л.Р. Гуманистический аспект игры в современном обществе // Научное обозрение: теория и практика. — 2012. — № 3.

УДК 37

ПРОКШИНА Лира Рифгатовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории государства и права
Башкирского института социальных отношений (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: liraprokshina@mail.ru

ИГРА КАК АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДИВИДА В ДИНАМИЧНОМ СОЦИУМЕ

Игра для индивидов в современном обществе является потенциалом, который безболезненно адаптирует к динамичному социуму.

Ключевые слова: адаптация, рисковое общество, игра, индивид.

Высокий уровень социальной поляризации в условиях России активно препятствует формированию адаптированных членов общества. Проблемы социальной адаптации в условиях открытости, динаминости социума в контексте взаимоотношений личности и кризисного общества были изучены американским социологом Т. Парсонсом. По его мнению, «сложные активно действующие системы, какими являются личности и общества, имеют тенденцию, будучи подвергнутыми внешнему или внутреннему воздействию, самовосстанавливаться, возвращать себе равновесие» [2]. Игра в данном случае и есть самоорганизующаяся деятельность индивидов. Суть адаптации сводится к приспособлению к риску и дезинтеграции в современном обществе. «Как процесс социализации, так и социальный контроль, — пишет Парсонс, — заключаются, с определенной точки зрения, в процессах адаптации к напряжениям» [3], и игра, как нам представляется, должна выступать в качестве адаптационного ресурса.

На микроуровне — уровне социального действия индивида — поведенческий организм выступает как адаптивная подсистема, определяя генетически заданные возможности человека в его реакции на особенности среды. «В нем содержатся условия, с которыми должно сообразовываться действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и об-

работки информации в центральной нервной системе и механизм двигательной реакции на требования физической среды» [2] игры как действия. При этом особое значение для адаптационной игровой деятельности, приобретает поддержка индивида со стороны среды, прежде всего со стороны другого индивида. «Поддержка может быть различных видов, но общее в ней — превращение в игровое общество, жизнь-игра, но так, чтобы у него присутствовало чувство безопасности» [4]. Принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы заключается в том, что как только игра проявляется на свет, ее привычный способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самим социумом, с присущим ему характером и совокупностью его свойств.

Итак, поддержка, допустимость и ограничения во взаимности составляют фундаментальные элементы адаптации к напряжениям во взаимодействии людей. При этом их функции весьма вероятно являются латентными: ни это, ни другой могут не осознавать то, что они своими определенными действиями сохраняют и воспроизводят игру. Индивиды могут осознавать, что они играют, и, соответственно, прибегать к манипуляциям с одним, двумя или даже тремя вышеназванными элементами игры, что и создает проблемы с равновесием социального взаимодействия. Более того, «в относи-

тельно свободном и мобильном обществе, оказывается, что люди включены в игровые ситуации, в которых к ним предъявляются противоречивые требования» [2].

Процессы общественного развития обусловлены усредненным уровнем развития его членов, что в итоге способствует адаптации людей к эволюционно усложняющемуся социуму. В эпоху системного кризиса современной цивилизации нет другого выхода из него, кроме как включения творческих разумных начал, одной из которых является игра. Адаптационный потенциал игры позволяет индивиду в современном динамичном обществе проиграть свои действия и, получив социальную зрелость включиться в общественную жизнь общества без больших потерь. Бедствия не являются исключительным злом: наряду с их разрушительными и вредными действиями они играют также конструктивную и положительную роль в истории культуры и творческой деятельности человека. Для человечества катастрофы имеют великое обучающее значение. «Сегодня это весьма актуально, ибо в современной России процессы адаптации проходят во взаимосвязи с радикальными реформами, которые, по существу, им сопутствуют социальные и культурные травмы» [1]. Исходя из своих теорем флюктуации, положения о неизбежности перехода амплитуды колебания в точку кризиса, когда все нормы разрушаются, а ценности разбиваются, Сорокин прогнозировал следующие проблемы, связанные с социальной адаптацией: «часть населения будет подвержена росту эмоциональной и аффективной нестабильности. Будут нарастать умственные расстройства, психоневрозы и психические заболевания. Чрезвычайно возрастет миграция. Многие из сильных мира сего будут подавлены, в то время как многие из низших слоев станут сильными и могущественными. Приоритетированные классы лишатся своих богатств, а бесправные займут их места. Целые социальные классы будут претерпевать взлеты и падения. Пирамида социальной стратификации изменится по своей структуре, высоте, форме, механизмам отбора и распределения членов общества по социальной лестнице, включая число содержащихся в ней страт. Факторы социального происхождения уступят

место иным адаптивным качествам, таким как преданность господствующей партии, способность к подтасовкам, грубость в обращении с оппонентами, внешний лоск, невнимание к страданиям ближнего или отсутствие стеснения при случае, когда можно поживиться на общей трагедии» [5]. Основные социальные самоорганизованные индивиды все-таки могут адаптироваться к хаосу знаков, производимых игровыми структурами. Игра вооружает социальных индивидов языком игровых алгоритмов, создавая игровые по духу программы, которые позволяют индивидам эффективно взаимодействовать друг с другом, осуществлять управление конкретным ходом жизнедеятельности в социальном поле с неопределенным смыслом и неопределенными функциями. «Это поле на самом деле — поле игры, то есть бесконечных подставок в замкнутости некоего конечного множества» [3]. Игра позволяет адаптироваться индивидам через упорядочивание в определенной степени ризомных, игровых проявлений нелинейной социокультурной динамики, что может привести к созданию новых алгоритмов поведения как определенного порядка, переходу к новому, более высокому уровню организации.

Важным аспектом в игре является также общеколлективная и групповая деятельность. Взаимодействие в группе позволяет справиться со многими проблемами успешней, поскольку в группе может возникнуть разделение труда, способствующее более высокому качеству решения проблемы, чем если бы она решалась отдельной личностью. Перед членами группы стоит цель — выработать такие формы поведения, которые либо одобряются обществом, либо желательны для самих участников деловой игры.

Другим аспектом игр, как адаптационного потенциала является принятие решений, которое можно рассматривать как процесс само выражения участника игры. Основными типами принятия решений индивидов в игре могут быть следующие: во-первых, спонтанное решение; во-вторых, авторитетное решение; в-третьих, решение меньшинства, в-четвертых, компромиссное решение, в-пятых, решение большинства. «В результате ее проведения у игроков снижаются эгоцентрические тен-

денции в поведении и обостряется мышление, социальная чувствительность, формируется установка на восприятие новой информации, снижается порог принятия точки зрения другого, расширяются стереотипы, активизируется творческий потенциал, повышается адекватность само-и-взаимооценок» [4].

Индивиды в российском обществе неспособны в полной мере к творческой, инновационной деятельности, что в немалой степени предопределила трудности адаптации основной их массы в рисковом обществе, игра же в современных условиях для индивида, являясь видом человеческой деятельности

обладает способностью формировать другие типы деятельности, в том числе и инновационные.

Литература

- [1] Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. — М., 2006.
- [2] Парсонс Т. О социальных системах. — М.: Академический проект, 2002.
- [3] Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект пресс, 1997.
- [4] Прокшина Л.Р. Игра как социальный феномен // Аспирантский вестник Поволжья. — 2012. — № 3.
- [5] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. — М.: Ин-т социологии РАН, 1993.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 91

СОЕГОВ Мурадгелди,
доктор филологических наук, профессор,
академик Академии наук Туркменистана,
главный научный сотрудник Национального института
рукописей Академии наук Туркменистана
e-mail: msoyegov@gmail.com

РЕПРЕССИРОВАННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОЛОГИЯ: БЕЗВИННЫЕ ЖЕРТВЫ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» 1937–1938 гг.

Статья посвящена краткому описанию жизни и деятельности туркменских языковедов и литераторов двадцатых и тридцатых годов прошлого столетия, а именно Курбана Сахатова (*Gurban Sähedow*, 1905–1938), Аллакули Каражанова (*Allaguly Garahanow*, 1892–1938) и Шемседдина Керими (*Şemseddin Kerimi*, 1893–1937), которые стали безвинными и политическими жертвами существовавшего режима в период «Большого террора» 1937–1938 гг.

Ключевые слова: родной язык и национальная литература, политические обвинения, репрессия, реабилитация.

1. Партийный функционер по должности, языковед-социолог по призванию.

Необходимость сознательного воздействия на развитие и функционирование туркменского литературного языка в 20-е годы прошлого столетия была вызвана небывалым расширением сфер его использования, с одной стороны, и функциональной, внутриструктурной не-подготовленностью к этому, обусловленной его историческим развитием, с другой. В связи с этим языковое строительство, развернувшееся в Туркменской ССР, крайне нуждалось в постоянном освещении специалистами вопросов взаимодействия языка и общества в новых исторических условиях с целью разработки конкретных рекомендаций для языковой практики.

В 20-е годы прошлого века в Туркменистане было очень мало специалистов-языковедов, занимающихся проблемой взаимодействия

языка и общества, поэтому важные вопросы языковой политики решались ими совместно с партийными и государственными деятелями республики. Одним из них был Курбан Сахатов (уроженец села Кеши под Ашхабадом, 1905–1938) — видный партийный и государственный работник Туркменистана в 20-е и 30-е годы, вопросам описания жизни и деятельности которого были посвящены отдельные работы современных туркменских ученых [1–3].

В 1925–1929 гг. К. Сахатов, занимая пост заведующего агитпропотделом ЦК КП(б) Туркменистана, непосредственно руководил и активно участвовал во многих мероприятиях по языковому строительству, развернувшемуся в республике. Выступая на страницах республиканских газет «Туркменистан», «Туркменская искра», «Яш коммунист», журналов «Большевик», «Туркмен медениети», «Туркменоведение», а также журнала «За партию» — органа

Среднеазиатского Бюро ЦК ВКП(б), К. Сахатов анализировал ход выполнения установок директивных органов в области культурного строительства, с партийных позиций оценивал недостатки и отклонения в осуществлению национальной политики, в том числе в решении вопросов о туркменском языке и литературе, указывая их устранения. Часть статей К. Сахатова на туркменском языке вошли в его книгу, изданную в 1928 году под названием «Милли медениетхакында» («О национальной культуре»).

К. Сахатов был первым редактором детского журнала «Пионер», членом редакционной коллегии политico-экономического журнала «Большевик» — органа ЦК КП(б) Туркменистана и ряда других изданий. Велики заслуги его в переводе на туркменский язык общественно-политической литературы. Он — один из организаторов радиовещания на туркменском языке.

Успешное языковое строительство как особо важный участок культурного развития Туркменистана во многом зависело от выработки научно обоснованной языковой политики, опирающейся на объективные законы общественного развития в том или ином периода истории. К. Сахатову отводится видная роль в выработке и осуществлении языковой политики, соответствующей исторически сложившейся в республике языковой ситуации.

В работах К. Сахатова содержатся достоверные сведения о языковой ситуации в Туркменистане в 20-е годы прошлого столетия. Так, например, указывая, что туркмены в те годы еще не представляли окончательно сплоченной нации, он отмечал своеобразные моменты обстановки, способные причинить вред развитию туркменского литературного языка. Основную опасность он усматривал в родовом быте и различий говоров у некоторых племен туркменского народа. Наша политика в отношении родовых делений, писал К. Сахатов, предопределяет привлечение представителей всех родов и племен к государственному строительству в нашей республике, а отсюда — необходимость более или менее равномерного культурного, хозяйственного и политического развития отдельных племен и через это постепенное стирание грани родовых делений,

ликвидацию родовой отчужденности и вражды и, в конечном счете, уничтожение их. В соответствии с этой линией он рекомендует так вести работу по развитию туркменского литературного языка, «чтобы он был понятен трудающимся массам всех родов, т. к. другая постановка вопроса может привести к усилению родовой и племенной отчужденности» [6, с. 11].

Работы К. Сахатова свидетельствуют о политизации языкового вопроса в Туркменистане в 20-е годы. В резолюциях объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б) Туркменистана (30 октября — 4 ноября 1928 г.) по докладу К. Сахатова «Об основных задачах агитпропработы» отмечалось, что борьба на идеологическом фронте должна вестись против пантюркизма, местного национализма и других проявлений антиреволюционной идеологии. Одним из представителей пантюркизма в Туркменистане был преподаватель местного педтехникума и совпартшколы Ф. Эфендизаде, который в статье «Шивежие» назвал туркменский язык маломощным и гнилым, «саксаульным языком». По его мнению, из саксаула нельзя получить строительных материалов для постройки дома (т. е. туркменский язык не имеет и не может иметь литературные нормы), он предлагал перейти на развитый турецкий язык, так как туркменский язык, считал он, — это «в основном турецкий язык» [7, с. 19; 8]. Развивать туркменский язык Ф. Эфендизаде считал преступлением, шовинизмом. Он выступал также против влияния русского языка на туркменский язык и его распространение среди туркмен. К. Сахатов, развенчивая в своих работах пантюркизм, отстаивал линию на всемерное развитие туркменского языка и его плодотворного взаимодействия с русским языком.

Не менее опасным и вредным для развития туркменского литературного языка в исследуемый период считалось национально-пуристическое течение. К. Сахатов охарактеризовал его как «сохранить во что ни стало чистоту туркменского языка, его самобытность, хотя бы ценой воскрешения старых, умерших слов, ценой извлечения наиболее ценного из произведений старых поэтов и, наконец, ценой максимально упрощения» [9, с. 80]. Он отмечал, что враждебно настроенные простому народу слои стремятся сохранить «самобытность туркмен», то

Курбан Сахатов

есть узость, заскорузлость, темноту и невежество. Они всеми силами старались не внедрять новых понятий, потому что внедрение новых понятий означало внедрение пролетарской идеологии. К. Сахатов призывал бороться с тенденцией сохранения такой «самобытности».

Единственно правильным путем во всех отношениях, по справедливому замечанию К. Сахатова, было создание своего национального литературного языка, обогащение новыми терминами и понятиями [9, с. 81]. Большую роль в осуществлении намеченных мер по языковому планированию К. Сахатов отводил государственному аппарату республики [7, с. 11].

В своих работах К. Сахатов часто затрагивал вопросы социальной обусловленности развития языка. Поставив перед собой вопрос: «Чем характеризуется обстановка, требующая развития туркменского языка, и возможно ли вообще развитие туркменского языка?», К. Сахатов дал на него следующий ответ: «Обстановка, требующая развития языка, характеризуется большим ростом народного хозяйства нашей республики — развитием сельского хозяйства, промышленности, расширением сети школ, курсов и т.д., общим усилением работы по строительство социализма и необходимости привлечения к этому строительству широких трудящихся масс... необходимые условия для развития туркменского языка, — предлагал он, — созданы в диктатурой пролетариата, Советской властью. Создана национальная Туркменская Советская Республика, государственный аппарат, который постепенно переходит к делопроизводству на туркменском языке. Развивается сеть национальных школ, курсов и других учебных заведений, создаются кадры культурно-технической национальной интеллигенции, издается и развивается печать на туркменском языке, растет на новой технической базе народное хозяйство республики. Все эти условия, — подчеркивал К. Сахатов, — дают право быть твердо уверенными в развитии и совершенствования туркменско-

го языка» [7, с. 10–11]. В другой работе к необходимым условиям для развития туркменского литературного языка он относил сознание Туркменской ССР, развитие национальной печати, национализацию госаппарата, переход делопроизводства на туркменский язык, развитие народного образования и общий подъем народного хозяйства, политический и культурный подъем широких трудящихся масс республики [9, с. 80].

Определенное место в работах К. Сахатова занимали вопросы взаимодействия языка и национальной культуры, Освещая взаимоотношения языка и общества, К. Сахатов связывал их с очередными задачами дальнейшего развития культуры и экономики в республике. В общей системе вопросов о национальной культуре вопросу о литературном языке К. Сахатов отводил видное место, так как язык является одним из основных элементов национальной культуры. «В условиях Туркменистана, — отмечал он, — вопрос о литературном языке есть вопрос о темпе развития культурной революции, Культурная революция не возможна без развития национальной литературы, а развитие не возможно без развития литературного языка» [9, с. 80]. По убеждению К. Сахатова, к культуре в молодой республике трудящихся должны двигаться главным образом через развития национального языка [7, с. 9].

Много внимания уделял демократизации туркменского литературного языка, воздействию последнего на общественное развитие. Он отмечал, что необходимо добиться понятности языка для широких трудящихся масс: понятности всех декретов, законов, распоряжений и так далее. С этой точки зрения, по убеждению К. Сахатова, проблема языка — в то же время проблема приближения государственного аппарата к населению, проблемы борьбы с бюрократизмом, осуществления контроля народа над государственным аппаратом. Он требовал подходить к языку не как самодовлеющей вещи, а как средству общения, которое давало бы возможность наиболее быстрым и легким путем провести в жизнь мероприятия по преобразованию хозяйства и быта молодой Туркменской Республики [7, с. 12]. Углубляя эту мысль, К. Сахатов в другой статье подчеркивал, что развитие языка следует рассматри-

вать не как самоцель, а как средство широчайшей связи, руководства, воздействия на массы. В этой связи он писал: «Само по себе развитие языка ничего не означает, если в него не вкладывается определенное политическое и культурное содержание, и наша будет вина, если в условиях диктатуры пролетариата мы не сумеем использовать развитие национального языка для интернациональных, пролетарских, социалистических целей» [7, с. 80]. С развитием языка К. Сахатов связывал и вопросы пролетарской демократии, строительства учебных заведений и национализацию госаппарата. Проведение всей нашей агитации и пропаганды на понятном и родном для масс языке, указывал К. Сахатов, облегчает осуществление пролетарской диктатуры, укрепляет союз рабочего класса и дайханства [6, с. 80].

К. Сахатов занимался переводом туркменской письменности с арабской графики на латинский алфавит. Как известно, после Первого Всесоюзного тюркологического съезда (26 февраля — 5 марта 1926 г.), принявшего решение о переходе в тюркоязычных республиках и областях тогдашней общей страны на новый алфавит, в Туркменистане, как в других регионах, заметно активизировалась работа в этом направлении. К. Сахатов вскрыл имеющиеся в этом деле недостатки и упущения,ставил конкретные задачи, от решения которых во многом зависело ускорение перехода на новый туркменский алфавит, составленный на латинской графической основе. Он придавал особое значение работе по созданию соответствующего общественного мнения вокруг вопросов введения нового алфавита. Как известно, ЦИК и Совнарком Туркменской ССР совместным постановлением от 3 января 1928 г. приняли новый туркменский алфавит, состоящий из латинских букв, в качестве государственного алфавита. Здесь будет уместно отметить, что при разработке в 1992–1993 гг., как сказать, уже второго по счету латинизированного алфавита туркменского языка (взамен существовавшего тогда алфавита на кириллице), в составлении и принятии которого приходилось принять непосредственное участие и автору этих строк, был учтен ценный опыт по данному вопросу, накопленный в конце 20-х годов минувшего века [11].

В исследуемый период наиболее актуальными были вопросы ориентации в создании научной терминологии туркменского языка и обогащении его словарного состава в целом. Об этом свидетельствуют работы К. Сахатова. Свою статью «Пантюркистские уши Фериды Эфенди» он заканчивает словами: «Мы будем брать из русского, арабского, турецкого и других языков все то, что понятно трудящемуся-туркмену, все то, что имеет научное значение, все то, что крайне необходимо и чего нет в нашем языке» [8]. В других своих работах он конкретизирует и уточняет эту мысль. Так, в его статье «Развитие туркменского языка» читаем: «Вопрос об ориентации решается с точки зрения характера той культуры, на которую ориентируется та или иная страна. В данном случае Туркмения в деле развития языка свою ориентацию должна определить с этой точки зрения. Наша ориентация, как и в литературе, — на Москву, напролетарскую культуру. Европейская ориентация приближает нас к русскому языку...» [9, с. 81]. Старый туркменский литературный язык К. Сахатов считает малопригодным для создания современной научной терминологии из-за оторванности его от живого народного языка. В частности, он указывал, что оторванность старого литературного языка от народного языка заметить нетрудно и совершенно очевидно становится вопрос о роли старой литературы в развитии туркменского языка, особенно в образовании его научной терминологии. По его мнению, старая литература едва ли может что-нибудь дать для образования научной терминологии [7, с. 11–12]. В статье «О развитии туркменского языка» К. Сахатов отметил, что образование научной терминологии должно соответствовать развитию народного хозяйства страны. «Научная терминология туркменского языка свою основу должна черпать из терминов союзного центра и из лексикона общеевропейских терминов», — считал К. Сахатов [7, с. 12].

В связи с вышеизложенными следует отметить, что научно доказано наличие двух основных источников в обогащении любого языка, первым из которых являются неисчерпаемые внутренние богатства языка, то есть нереализованные ранее потенциальные ресурсы и возможности, включая богатства его диалек-

тов и письменных памятников. А вторым источником выступает обогащение лексики языка за счет заимствований из других родственных и неродственных языков. Наибольшие устойчивые результаты достигаются лишь при условии правильного сочетания этих двух источников. К сожалению, приходится констатировать, что в двадцатые, особенно тридцатые годы прошлого столетия в силу ряда объективных причин предпочтение отдавались к заимствованиям из русского языка, при этом отодвигая на задний план собственные лексические средства туркменского языка. Это ненормальное положение, преобладающее в литературном языке, пришлось исправить в последующие десятилетия, особенно в годы независимого развития туркменского языка.

В своих работах К. Сахатов выступал за расширение туркменско-русского двуязычия. Он считал необходимым владение туркменами русским языком и обосновал его следующими доводами: «Какой язык нам изучать: турецкий, немецкий, английский или арабский? — спрашивал К. Сахатов и продолжал: — Мы экономически, политически и культурно не связаны ни с Турцией, ни с Германией, ни с Англией, ни с Арабистаном, а ведь изучение языка определяется именно этими связями. Если это так, а это, безусловно, так, — подчеркивал он, — то внедрение русского языка есть вернейшее средство выхода на широкую дорогу культурного развития» [9, с. 81].

Отмечая большую роль русского языка в обогащении и развитии туркменского, К. Сахатов выступал в то же время против интерферентных явлений, приводящих к отрыву письменной формы литературного языка от его устной формы. В периодической печати, отдельных изданиях, брошюрах, писал К. Сахатов, предложения составляются по образцу и подобию русских предложений. Это объясняется тем, что наши писатели, в большинстве воспитанные и воспитывающиеся на литературном русском языке, при составлении своих статей, брошюр и прочего мыслят по-русски и предложения составляют тоже по-русски. Это, конечно, может привести к непониманию массами новых произведений, ибо туркменские обороты предложений имеют совершенно другой характер, отрыву литературного языка от обще-

народного и созданию языка «верхов» — интеллигенции и «низов» — народных масс. Безусловно, этого мы допустить не можем, считал К. Сахатов [7, с. 10].

Таким образом, в работах К. Сахатова освещаются различные аспекты сознательного воздействия на развитие и функционирование туркменского литературного языка в 20-е годы и его взаимодействия с другими языками. Положения и выводы, вытекающие из работ К. Сахатова, часто становились основой директивных партийных и правительственные документов по языковому строительству того периода. Но заслуги К. Сахатова в выработке и осуществлении взвешенной языковой политики были незаслуженно забыты в связи с обвинением его в антисоветской деятельности. Он был репрессирован в период «Большого террора» 1937–1938 гг. Изучение наследия К. Сахатова значительно расширяет наш кругозор, обогащает знания о языковой политике и языковом статусе в Туркменистане в 20-е годы прошлого столетия. Его труды заслуживают всестороннего и глубокого осмысления.

В конце очерка укажем для заинтересованного читателя, что наиболее полную библиографию работ Курбана Сахатова и литературу о нем содержит наша статья, опубликованная в академическом журнале еще во второй половине восьмидесятых годов прошлого века [12].

2. Врач, который занимался вопросами родного языка.

Аллакули (Алла Кули) Шазадаевич Караканов (15.09.1892–26.02.1938) поступил на медицинский факультет Среднеазиатского государственного университета в 1920 году, именно тогда, когда это первое высшее учебное заведение европейского типа был открыт в Ташкенте, в столице Туркестанской АССР. Уроженец села Мавытевер (Мюлькбахши) Мервского уезда Закаспийской области, которая была переименована в 1921 году в Туркменскую область, он до этого успел закончить медресе Гадам-ахуна в Мерве, затем обучался в одном из бухарских медресе и, наконец, был талибом знаменитого медресе «Галия» в Уфе (Башкортостан).

Срок учебы на медицинском факультете тогда продолжался целых семь лет, и А.Ш. Карабаханов в этот период наряду с изучением медицинских наук в плотную занимался вопросами родного туркменского языка и национальной литературы, хотя ему пришлось выдержать экзамены по 50 учебным предметам по специальности врача. Он состоял членом Туркменской научной комиссии, которая начала свою работу в апреле 1922 г. в Ташкенте. Его первые статьи, посвященные вопросам туркменской литературы, были опубликованы на страницах журнала «Туркмен или» («Туркменская страна»), который издавался в 1922–1924 гг. в том же городе на туркменском языке. Он выступал также в других туркменских периодических изданиях того времени, выпускаемых в Ташкенте (журнал «Яш жарчы» — «Молодой глашатай» др.).

Его книга «Энедилимиз» («Наша родная речь»), которая состояла из небольших образцов произведений туркменской поэзии и прозы и вышла в Ташкенте в 1923 году 5-тысячным тиражом, была первым учебным пособием для начальных школ по предмету «Чтение». Во введении к книге автор отмечает, что не считает себя специалистом в этой области, тем не менее, приступил к выполнению данной работы, не ожидая их подготовки. Учебное пособие наряду с образцами туркменских пословиц, поговорок, загадок, песен, легенд, сказок и некоторых других произведений фольклора включает в себе отрывки из стихов Махтумкули, Шейдаи, Кемине, Молланепеса, Мятяджи, Кёрмолла, Халли, Дована, Дилярам и др. Многие из этих сочинений впервые получили свое печатное отражение именно на страницах книги Аллакули Карабаханова.

А.Ш. Карабаханов активно занимался переводческой деятельностью. В его переводе изданы на туркменском языке, в частности, такие важные и большие по объему книги, какими являются: «Беседы об устройстве и функционировании нашего тела» Ю. Вагнера (Ашхабад, 1925. Объем 179 стр.) и «Химия» Е. Роско (Ашхабад, 1926. Объем 210 стр.). Он участвовал в переводе с русского языка общественно-политической и юридической литературы.

Окончив САГУ в 1927 году по специальности «Медицина» и работая практическим вра-

чом, А.Ш. Карабаханов продолжал все время заниматься изучением родного языка, результатом которого стало издание в 1930 году его труда по морфологии на русском языке «Грамматика туркменского языка» (Москва-Ташкент, 1930). Наряду с книгами М. Гельдыева и А.П. Поцелуевского данный труд А.Ш. Карабаханова был одним из первых опытов по созданию научной грамматики туркменского языка.

В начале 30-х годов А.Ш. Карабаханов выступал со статьями на страницах журналов «Среднеазиатская ассоциация пролетарских писателей» (Москва-Ташкент) и Медениын кылап» («Культурная революция», Ашхабад), в которых высказался в поддержку официальной критики, развернувшейся против М. Гельдыева, А. Кульмухаммедова, К. Бориева, К. Бердиева и некоторых других в связи с занимаемой ими позицией в отношении национального культурного наследия, в частности, языка и литературы. Но это не спасло и не могло спасти его от сурьных политических обвинений в будущем.

В справке от 10 июня 1992 г., подготовленной по нашей просьбе по материалам архива КГБ ТССР, наряду с другими биографическими данными, в частности, отмечается, что «20 сентября 1937 года А.К. Карабаханов подвергается аресту органами НКВД ТССР (в день ареста он работал зав. врачебным пунктом в с. Мюлькбахши, проживал там же) обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации „Туркмен Азатлыгы”, по заданию которой „популяризовала феодально-националистических классиков и тормозила реформы туркменского языка, проводимые партией и правительством”. Постановлением тройки НКВД ТССР от 25 января 1938 года осужден к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 26 февраля 1938 г. в г. Ашхабаде». Далее в справке говорится, что «место захоронения установить, к сожалению, не представляется возможным, так как сведений о захоронениях жертв репрессий в архивах КГБ — МВД не имеется».

А.Ш. Карабаханов
в студенческие годы

Из данной справки также узнаем, что «определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТССР от 4 декабря 1959 года дело в отношении А.К. Карабанова производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, и он реабилитирован... Семья А.К. Карабанова состояла из жены Джумасолтан, 28 лет (возраст на 1937 год) и дочерей: Огулджемал, 8 лет, Энеджан, 6 лет, Акдженал, 4 года и Огулхаллы, 1 год. Все проживали в ауле Мюлькбахши-Мервского района» (Подлинник документа хранится в личном архиве автора данной статьи).

Очерк хочется закончить небольшим отрывком из документального романа «Кайгысыз Атабаев» (в русском переводе «Чудом рожденный») народного писателя Туркменистана, Героя Социалистического Труда Берды Кербабаева (1894–1974), в котором описывается сцена из заседания Первой научной конференции Туркменистана (май 1930 г.), связанные с противоположной позицией языковедов Мухаммеда Гельдыева и Аллаакули Карабанов.

«Атабаев пришел на совещание языковедов. Они вели дискуссию по проблемам орографии. Впервые за всю многовековую историю народа явилась насущная потребность привести в единую систему все стороны народного языка и письменности, и споры разгорелись жаркие.

И снова всех озадачил крикун из „Кошчи“. Он поднялся на трибуну, не дожидаясь, когда ему дадут слово:

— Профессор Гельдыев хочет протащить в наше правописание диалекты племени иомудов! Но мы не потерпим этого! — кричал он. — Передовой район Туркмении — Марыйский. Там лучше развита экономика, и, конечно, тысячу раз прав профессор Карабанов: правописание должно подчиняться марыйскому диалекту!

Два профессора, возглавлявшие два разных взгляда в этой дискуссии, Гельдыев и Карабанов, сейчас оба улыбались, слушая крикуну. И вдруг, глядя на них, Атабаев тоже улыбнулся: странно и непонятно — откуда явилось далекое воспоминание детства: буква «а», похожая на щипцы, нарисованная мелом на грифельной доске тедженской школы. Смеющееся — рот до ушей! — лицо учителя-азербайд-

жанца и хотят всего класса за спиной... Удивительная вещь — наша память! Атабаев шепнул что-то на ухо Гельдыеву, профессор кивнул головой, подошел к шумному оратору и подал ему мелок, показал на грифельную доску, вооруженную возле трибуны.

— На словах это трудно понять, товарищ! А ты напиши на доске и объясни нам то, что сказал.

Крикун растерялся и вдруг бросил мелок в руки профессору Карабанову:

— Возьми, Аллаакули, напиши-ка ему, если он хочет!

Все посмеялись. На этот раз и Атабаев аплодировал смутьяну за то, как он ловко вывернулся» [14].

Писатель Б. Кербабаев будучи непосредственным участником многих описываемых в своем произведении событий, включив в роман образы исторических личностей языковедов в качестве литературных персонажей, «удостоил» их ученого звания профессора, которые вполне были достойны этому по своим выполненным работам. Еще добавим, что лет 5–6 тому назад специально к нам приехал из Лебапского вилайета внук А.Ш. Карабанова — сын его младшей дочери Огулхаллы, которому передали копии имеющихся у нас материалов [10 и др.] о его безвинно убиенном деде.

3. Внук Керимберди-ишана, одного из двух вдохновителей героической обороны Геок-тепинской крепости.

Туркменские святые с высокими духовными санами Курбанмурад-ишан и Керимберди-ишан выступали вдохновителями ополченцев в обороне Геок-тепинской крепости при нападении русской регулярной армии в 1879 и 1881 гг. У туркмен регулярных войск как таковых не было, и практически героическая оборона крепости осуществлялась силами ополченцев. Каждый защитник крепости перед боем 1879 года дал клятву на верность Родине, положив руку на Священный Коран, который держал Керимберди-ишан и в свое время был переписан им же самим. И Керимберди-ишан, и Курбанмурад-ишан все время находились в рядах защитников, и пали смертью героя наравне с другими многочисленными храбрецами в конце 1880 и начале 1881 гг.

Наш последующий рассказ о драматурге и переводчике Шемседдине Керими — внуке Керимберди-ишана, ибо яблоко от яблони не далеко падает.

Шемседдин родился в 1893 году в селе Багир, что находится в близости Ашхабада, в семье сына Керимберди-ишана — Имамеддина. Обучался в медресе своих дядей — братьев отца Мухаммедмурада и Мухаммедназара, функционировавшем в Каахке (Кака). В данном каахкинском медресе, где преподавание учебных дисциплин велось по новому методу (усул-и джадид), обучались Караджа Бурунов (1898–1965) и Берды Кербабаев (1894–1974), который в последующем стал виднейшим писателем Туркменистана. Шемседдин создал свои первые литературные произведения в начале 20-х годов, будучи учителем туркменского языка и литературы в сельской школе и подписывался как Шемседдин Имамеддин оглы (Имамеддинович), т. е. без указания фамилии. Первым его крупным и наиболее удачным сочинением считается пьеса «Ночь перед Новрузом или несчастная Айдже-мал», которая была поставлена на сцене еще в 1924 года, а издана отдельной брошюрой в 1927 году. В те годы на страницах газеты «Туркменистан», журнала «Туркмен медине-ти» («Туркменская культура») и некоторых других периодических изданий выступают своими стихами и рассказами по теме раскрепоще-ния женщин. Отдельные его публикации были посвящены вопросам перехода туркменской письменности с арабского алфавита на латиницу. Занимается переводческой деятельностью: в 1927 году выходит книжка «Новый мир» в его переводе, в которой рассказывается об открытии Америки.

В 1927 году, перед выездом на учебу в Ленинград при оформлении личных документов для получения паспорта он выбрал путь, несколько отличивший от установившей в те годы традиции, согласно которой фамилии для туркмен «создавались» обычно от личной имени отца с прибавлением к нему суффиксов русского языка -ов, -ев (-ова, -ева): Сахатов, Оvezбаев и др. Исключение из этого общего правила составляло лишь несколько фамилий, типа Иомудский и Текинская. Тогда Шемседдин Имамеддинович на графе «Фамилия» написал:

Керими. Это — первая часть двусложного имени его деда Керимберди-ишана с прибавлением аффикса -и. Таким образом, он в своей фамилии как бы восстановил старую, забытую традицию словотворчества в отношении восточных фамилий: Фараби, Хоразми, Бируни, Фраги и т. п.

В 1927–1931 гг. Ш.И. Керими наряду с А. Кульмухаммедовым, А. Геленовым, Б. Перенглиевым, Б. Кербабаевым и другими туркменскими студентами обучается в Ленинградском Восточном институте им. А.С. Енукидзе, хотя затем Б. Кербабаев по состоянию здоровья был вынужден возвратиться в Ашхабад, а Б. Перенглиева перевели учиться в Среднеазиатский госуниверситет в Ташкент. Руководил учебой студентов-туркмен в Ленинграде (в конце 20-х годов их было всего 15) академик А.Н. Самойлович, который вместе с небольшой группой своих студентов в мае 1930 г. прибыл в Ашхабад. Среди них был и Ш.И. Керими. Они вместе с 150 делегатами участвовали в работе Первой научной конференции Туркменистана, на которой обсуждались насущные вопросы развития туркменского литературного языка на современном этапе.

С 1931 года Ш.И. Керими начал работать преподавателем в Институте хлопководства, который находился в г. Байрамалы. Но уже в 1932 году он «за подрывную деятельность в пользу классового врага» подвергается к высылке в Заравшан (Узбекистан) сроком на три года. Подобную участь настигла Б. Кербабаева, К. Бурунова и многих других писателей и поэтов. В 1935 году Ш.И. Керими возвра-

Группа делегатов Первой научной конференции Туркменистана (май 1930 г.)

Шемседдин Керими — участник 1-й научной конференции

«Мать» Максима Горького. Но не дали его завершить.

Его арестовали 14 августа 1937 года. В течение пяти дней и ночей допрашивали его почти без перерыва, подвергали невыносимым пыткам. В результате он признался во всем, что требовали следователи-палачи.

Автору этих строк, тогдашнему молодому ученому, в качестве руководителя молодежной организации и председателя совета молодых ученых в 70-е и 80-е годы ХХ века приходилось участвовать на заседаниях Ученого совета Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменистана и слушать выступления чл.-корр. АНТ Хыдыра Дерьяева при обсуждении тем и законченных исследований, а на перерывах между заседаниями его рассказы о событиях давно минувших дней, в том числе о пытках при допросах. Тогда я узнал, что в 1938 году решением одной из свирепствовавших в тот период незаконных карательных «троек», Х. Дерьяев без каких-либо доказательств был приговорен к тюремному заключению сроком на 25 лет. Тогда ему было всего 31 год.

Хыдыр Дерьяев провел лучшие годы своей жизни в лагерях архипелага ГУЛАГ вдали от родного края. После 19 лет, проведенных в сталинских застенках, в 1956 году его полностью реабилитировали. Народный писатель Туркменистана, лауреат Государствен-

тился в Ашхабад и начал работать переводчиком в Туркменском государственном издательстве. Перевел на туркменский язык повесть «Хлеб (Оборона Царицына)» Алексея Толстого и «Как закалялась сталь» Николая Островского, которые были изданы в виде отдельных книг. Приступил к переводу романа

ной премии им. Махтумкули Х. Дерьяев умер в 1988 году.

Теперь мы не только по рассказам-воспоминаниям, но и документально можем убедиться каким грубым, недозволенным обращениям, жестокому избиению подвергались арестованные в сталинских застенках при допросах [См.: 13, с. 75–78].

Поэтому, неслучайно, спустя всего пять дней после задержания, 19 августа 1937 г. решением «тройки» НКВД Туркменской ССР Ш.И. Керими был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, и третий день после этого, 22 августа 1937 г. приговор был исполнен. Место захоронения не известно. Реабилитирован 5 апреля 1957 года.

Сыновья Ш.И. Керими, их было трое, выросли знатными людьми, достойными своего отца и прадеда Керимберди-ишану, хотя в детстве постоянно чувствовали изъяны безотцовщины и до 1957 года несли тяжелое бремя «детей врача народа». Старший из братьев Бегенч Керими занимал ответственные посты, был главным редактором республиканской газеты «Туркменистан». Средний брат Гуванч Керими защитил докторскую диссертацию по истории становления туркменского профессионального театра. Младший из братьев Тойлы Керими был заслуженным журналистом Туркменистана и работал в редакции «Мугаллымлар газеты» («Учительская газета») фотокорреспондентом. В свое время нам довелось несколько раз встретиться с К. Тойлы (так он подписывался на снятых им фотографиях) в его рабочем кабинете, просить и затем получить у него копии документов об их отце и прадеде, которые были использованы нами в ранее опубликованных работах на туркменском и турецком языках [15, с. 28–38; 16, с. 327–338].

Литература

- [1] Байраммырадов К. Туркмен халкының вепалы оғлы // Совет эдебияты. — 1969. — № 11.
- [2] Джумаев Ш. Курбан Сахатов — видный пропагандист ленинских идей в Туркменистане // Известия АН Туркменской ССР. — Сер. Общественные науки. — 1971. — № 1.
- [3] Дурдыев Т. Туркмен халкының дурдане дерининбери // Эдебият весунгат. — 1965. — 6 февр.
- [4] История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Ми-

Хыдыр Дерьяев — участник 1-й научной конференции

роненко. — М., РОССПЭН, 2004. — С. 342–344 // Материал из Википедии — свободной энциклопедии — 18.07.2014.

[5] Оразов Т. Партияның гәрнүкли пропагандисти // Түркменистан коммунисти. — 1985. — № 12.

[6] Сахатов К. О задачах культурного строительства в Туркменской ССР // Туркменоведение. — 1928. — № 12 (I).

[7] Сахатов К. О развитии туркменского языка // Туркменоведение. — 1928. — № 9 (II).

[8] Сахатов К. Пантюркистские уши Ферида Эфенди // Туркменская искра. — 1927. — 23 нояб.

[9] Сахатов К. Развитие туркменского языка // Туркменоведение, 1929, № 8–9.

[10] Соегов М. Аллагулы Шазадаевич Гараханов // Туркмен дилихем эдэбияты. — 1995. — № 2.

[11] Соегов М. Новый туркменский алфавит: некоторые вопросы его разработки и принятия (из личного опыта) // Akademik Bakış Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler E-Dergisi Sayı: 35 Mart–Nisan 2013. — Makale: 22.

[12] Соегов М. О языковой политике в Туркменистане в двадцатые годы (по работам К. Сахатова) // Известия АН Туркменской ССР. — Сер. Общественные науки. — 1987. — № 2.

[13] Соегов М. Эпизоды из «Большого террора»: от воспоминаний к документальным подтверждениям, начиная с надгробных надписей // Вестник БИСТ. — Сер. Регионалистика и этнополитика. — 2014. — № 3 (24).

[14] Чудом рожденный (Кербабаев Берды) // Грамота.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=120884&page=76> (11.07.2014).

[15] Söyegow M. Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy nyňmähir-şepagaty bilenruhlary şatbolanlar: Dowamat-dowam // Beýik Serdar bilen bagtaýetenim — 10 ýyllyktoýu nabaryar Watany. — Aşgabat: Ylym, 2002.

[16] Söyegov M. Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türkük Bilimi Araştırmaları Dergisi. Güz. Sayı: 7. — Ankara, 2010.

ХАДИМУЛЛИН Руслан Робертович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии и истории
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: khadimullin.rr@mail.ru

ХАДИМУЛЛИНА Эльвира Дамировна,
кандидат исторических наук,
специалист по учебно-методической работе РИЦ
ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»
e-mail: elwiraed@mail.ru

«МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ БАШКИРСКОЙ АССР» КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ БАШКИР В XVII–XVIII ВЕКАХ

В данной статье характеризуется один из важных источников, посвященных социальному-экономическому развитию западных башкир. Здесь рассматривается обширный круг вопросов: процесс перехода западных башкир к земледелию; постепенный переход огромного количества башкирских земель в руки помещиков и заводчиков, сопровождавшийся эксплуатацией рядовых общинников и дальнейшим их закрепощением; взаимоотношения между многонациональным насе- лением. Очерченный круг проблем позволяют исследовать экономические взаимоотношения и социальную структуру всего башкирского общества.

Ключевые слова: Западные башкиры, Казанская дорога, волости, земледелие, припущенники, социально-экономические отношения.

В настоящее время, несмотря на стремительное развитие современных технологий, интерес к народному творчеству, к своей истории и корням не угасает, а наоборот проявляется все более активнее. Древние письмена этносов и народностей составляют ядро национальной идеи любой государственности [7] и обеспечивают ее национальную безопасность [8].

Как, например, отмечают ученые В.В. Гайдук и А.Р. Сулейманов, «незнание собственной истории и своих исторических корней приводит к эскалации конфликта в современной Украине и ставит под сомнение будущее этого государства» [1]. И с этим трудно не согласиться.

Рассматривая историю западных башкир в XVII–XVIII вв., хотелось бы обратить внимание

на следующие аспекты. После Октябрьской революции начали издаваться сборники документов по истории народов России. Большим событием, резко расширившим документальную базу исследований по истории Башкирии в XVII–XVIII вв., было начало публикации «Материалов по истории Башкирской АССР» [9], куда включены следующие группы документов: акты, характеризующие земельные сделки как между членами башкирской общины, так и между башкирами и пришлым населением, русским и нерусским, равным образом и аналогичные сделки пришлого населения между собою (купчие, закладные, поступные, духовные, записи на припуск, записи на сдачу в оброчное содержание земель, лесов, рыбных ловель и т. д.). Эти документы

достаточно полно характеризуют экономику Башкирии и взаимоотношения между ее многонациональным населением [11]. Особенno интересны в этом отношении записи на припух. «Уже с начала XVII в., — писал Р.Г. Кузеев, — получает развитие институт припуха, когда башкиры на условиях уплаты за них ясака или на каких-либо других условиях разрешали поселяться на их родоплеменных землях пришлым татарским, мишарским, чuvашским и реже русским крестьянам. Припух в Башкирии принял огромные масштабы; возникнув на западе и севере края, он к XVIII в. распространился по всей территории» [2].

По содержанию припухных записей (по тому, указана в записи «пашня», «хлеб» или нет) мы можем судить о том, занимался данный башкир (или представитель пришлого населения) земледелием или нет. Так, если башкир какой-либо волости припухает в свою вотчину крестьянина пришлого населения, чтоб тот на его земле «пашню пахал», то здесь трудно еще говорить о занятии башкир земледелием, так как нет четкого указания на наличие «пашни» на вотчине этого башкира. Другое дело, когда башкир какой-либо волости припухает в свои «пашенные земли» крестьянина пришлого населения, чтоб тот на его земле «пашню пахал». Есть записи, когда башкир припухает башкира, чтоб тот на его земле «пашню пахал», видимо, башкир-припущенник уже занимался земледелием, т. к. обязался на его земле «пашню пахать».

В первой части этого сборника содержится восемь документов, где упоминается Казанская дорога. Здесь подробно дается социальная структура всего башкирского общества. Правильно указывается, что с XVII в. начинается эволюция в сторону полукочевого скотоводческо-земледельческого быта. Но едва ли справедливо содержащееся здесь утверждение о том, что уже в XVII в. часть территории Казанской дороги представляла собой район оседлого земледелия. Также мы отмечаем документ, позволяющий определить небольшую часть территории Ельдякской волости в XVIII в. Особую ценность имеют документы, где указана численность башкир в начале XVIII в. По мнению представителей царской администра-

ции П.М. Апраксина, Б.П. Шереметева, также имеются сведения о численности башкир в 1710, 1730 гг. вместе с переселенцами, хотя они и являются неполными. В сборнике находятся и материалы, позволяющие выяснить политику царизма в Башкирии в 30–40-х гг. XVIII в. [3]. Здесь без достаточных на то оснований допускается преувеличение роли земледелия у башкир указанной дороги.

В третьем томе «Материалов по истории Башкирской АССР» содержатся около 250 дел, касающихся социально-экономических отношений башкир Казанской дороги. Здесь были опубликованы документы, касающиеся первой половины XVIII в. Некоторые документы дают возможность определить территорию некоторых волостей. В работе особенно много припухных записей, касающихся XVIII в. Припухали башкир, татар (служилых, ясачных), мишарей (служилых), марий из своей волости, правда, из другой тубы или другой волости или же из других дорог. Припухали не только для наживы, для отработки долга, но и в помощь в уплате ясака, а ясак платили «медом и куницей». Это говорит об усилении притока представителей других национальностей в западную часть Башкирии из центральных губерний России и Среднего Поволжья, т. е. усиливается колонизация края. Некоторые бобыли-припущенники самовольно заселялись и притом еще жаловались, что с них насильно взимают «оброк». Нельзя не обратить внимание и на документы, касающиеся условий аренды мельничного места и пашенных земель с угодьями, рыбных, бортевых и звериных ловель, что свидетельствует об увеличении роли земледелия. Подтверждением этого является и тот факт, что в 40-х гг. XVIII в. некоторые волости Казанской дороги, в том числе Каршинская и Калнинская, по требованию генерала Соймонова продали яровые семена (овес, ячмень, просо) и притом в немалых количествах. Обращают на себя внимание и документы, где при описании условий припуха не упоминается пашня. В XVIII в. существовали не только межаульные споры за те или иные угодья, то есть разделение вотчин между аулами, но и совместные владения повытаем группой семей. П.Д. Аксаков в 1743 году доносил, что «до и после вос-

стания 1730-х гг. старшины разоряли башкир, грабили, забирая все, представители царской администрации казнили безвинных, по их доносам». Таким недобросовестным представителем власти был старшина Шарып Мряков, который покупал земли обманом у башкир своей волости, подкупал представителей царской администрации. Несмотря на многочисленные жалобы на него, он оставался безнаказанным. Его сыновья тоже занимались произволом. Без внимания не остались и данные Юхнева, относящиеся к 20-м годам XVIII в., о количестве дворов 4 дорог [4].

Четвертый том «Материалов по истории Башкирской АССР» состоит из двух частей. В первой части содержится сто тридцать один документ по данной теме, а во второй части — около десяти. Документы позволяют определить территорию волостей западной части Башкирии в первой половине XVIII в. Здесь говорится о пестром составе населения, подчеркивается, что в третьей четверти XVIII в. население Казанской дороги было оседлым, а патриархально-феодальные отношения превращались в феодальные. По данным на 1764 год, больше половины (74%) мельниц находились на территории Казанской дороги. Переход к земледелию и углубление процесса феодализации были прогрессивными явлениями в хозяйственной и социальной жизни. Опубликованные документы показывают, что усилилась тенденция к продаже земель русским дворянам, чиновникам, заводчикам. Значит, западные башкиры стали терять свои вотчинные земли. Эта тенденция продолжалась до конца XVIII в., что подтверждают документы в пятого тома источника. Запад Башкирии относят к земледельческому району, который находился на более высокой ступени феодального строя, чем скотоводческие районы. Также в обоих томах хорошо характеризуются социальная структура и социальные отношения во второй половине XVIII в. Говорится о захватнических действиях не только со стороны пришлого населения, но и со стороны рядовых и богатых башкир [10].

Документы сборника содержат материалы по социально-экономической истории Башкирии и отчасти по управлению Оренбургской гу-

бернией в третьей четверти XVIII в. В первом разделе имеются документы из различных крепостей на землю — купчих, закладных, поступных, оброчных. Акты, регистрировавшие явления личной зависимости населения — заемные, закладные, житейские записи, записи о работе за долг и другие, характеризуют процесс углубления феодальной эксплуатации. Во втором разделе содержатся следующие материалы: спорные дела о земле, дела о строительстве заводов, в которых имеются сведения о скупке башкирских земель, что привело к быстрому росту земельных владений русских помещиков и заводчиков за счет башкирских вотчинных земель, которое, в свою очередь, повлекло за собой относительное обезземеливание ряда башкирских общин. Эти материалы позволяют проследить и исследовать такие важные проблемные вопросы, как своеобразие феодальной собственности на землю в период перехода башкир к земледелию, когда общинная собственность на землю стала преградой для феодалов. Изучаемые материалы указывают на попытки башкирских феодалов перейти к частному землевладению. Например, тарханы, которым помогали старшины, приобретали путем обмана земли, а при продаже их представителям русской феодальной верхушки объявляли ее «крепостной», т. е. собственной [12].

Документы сборника дают цифровой материал о численности тептярей и бобылей по «Генеральной табели» (данные III ревизии), указывают количество башкирских и тарханских дворов (1767 г.) и численность тарханских семей (1770 г.), количество мишарских дворов в 1767 и 1771 гг., численность служилых татар (1770 г.).

Все эти документы содержат сведения о земельных отношениях башкир, пришлых русских крестьян, тептярей, бобылей и других групп населения края. Анализируя их, можно выяснить, что во второй половине XVIII в., во-первых, изменились условия припуска, то есть стали платить гораздо дороже; во-вторых, стало больше земельных сделок между самими башкирами; в-третьих, дворцовые крестьяне брали в долгосрочное оброчное владение земли у башкир; в-четвертых, применялась отработка денежного долга в хозяйстве заем-

щика, то есть заниматель становился работником (ялсы) [5].

Таким образом, документы первого и второго разделов позволяют проследить процесс постепенного перехода огромного количества башкирских земель в руки помещиков и заводчиков.

Публикуемые в пятом томе документы (около пятидесяти семи по Казанской дороге) дают богатый материал для характеристики феодальной эксплуатации рядовых общинников и их дальнейшего закрепощения, расширения оброчной системы. Исключительный интерес представляют документы, фиксирующие различные земельные сделки. Надо сказать, что земельные отношения в XVIII в. исследованы не до конца. Поэтому записи, купчие, закладные на отдачу в оброчное владение дают возможность проследить процесс складывания феодального землевладения внутри башкирских общин. Эта группа документов дает также массу фактического материала для раскрытия взаимоотношений между башкирами и различными группами пришлого населения, показывает методы и размеры расхищения башкирских земель.

Следующая группа записей касается личной зависимости населения. Сюда можно отнести купчие на крепостных людей; записи отпускные, житейские; записи о найме с условием отработки долга или работы за проценты с него и т.д. Эти записи характеризуют социальные отношения как внутри башкирского общества, так и внутри пришлого русского и нерусского населения края. Они раскрывают различные методы закрепощения рядовых масс с русскими помещиками, башкирскими феодалами и мусульманскими духовными лицами [6].

Таким образом, сведения, собранные в «Материалах по истории Башкирской АССР», позволяют достаточно полно охарактеризовать масштабы развития и территории распространения земледелия среди башкир, социальные отношения в рассматриваемый период. Этот сборник документов является одним из самых важных источников, так как представленные здесь материалы были извлечены из российских архивов, находящихся в Москве и Санкт-Петербурге.

Литература

[1] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14). — С. 87–102.

[2] Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1968. — Т. III. — С. 291.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. — М.; Л., 1936. — Ч. 1. — С. 5, 7, 10–21; № 28, 29, 128, 134, 548.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР. — М.; Л., 1949. — Т. III. — С. 18, 21, 27, 39, 53, 57, 74, 80, 85, 107, 160, 169, 413, 415, 471, 508–510, 561, 562; № 3, 10, 12–14, 28–29, 32, 35, 40, 47, 50–51, 60–61, 67, 73, 78, 82, 84, 87, 98, 106–107, 110, 114–115, 119, 123, 129, 131, 133–135, 140, 143, 168, 170, 178–180, 184–185, 187, 197, 200, 213, 216, 226, 249, 254, 306, 309, 318, 324, 336, 343–344, 347–349, 352, 357, 361, 365, 368, 377, 390, 400, 406, 408, 413, 415, 460, 500, 501, 511–516, 518, 525–526, 532–533, 536–537, 541, 546, 548–550, 557, 561–562, 565, 568.

[5] Материалы по истории Башкирской АССР. — М., 1956. — Т. IV. — Ч. 1. — С. 5, 9–16, 70, 72–73, 75, 76, 80, 81, 188; № 2–4, 10, 13, 16, 25, 29, 30, 32, 37, 39, 40, 42, 43–45, 51–52, 54, 58, 64, 65, 68–69, 71, 80, 82, 85, 90, 92, 94–95, 98–99, 101, 107, 109–110, 113–114, 117, 123, 128, 138, 140, 143, 146, 152, 154, 158, 160, 163, 175, 177–178, 180, 182–183, 185, 193, 202, 207, 213–214, 216, 223–224, 228, 253, 256, 260–262, 274, 279, 288, 316, 330, 334, 336, 346, 361; Т. IV. — Ч. 2. — С. 11, 14; № 279, 377, 391, 469.

[6] Материалы по истории Башкирской АССР. — М.; Л., 1960. — Т. V. — С. 11–16; № 23, 25, 58, 69, 77, 90, 102, 108, 110–111, 117, 124, 131, 140, 144, 149, 155, 164, 166, 170–172, 174–175, 212, 230, 247, 260–262, 267, 273, 275, 282–283, 286, 388, 295, 299–301, 308, 310, 317–318, 326, 328–329, 341–343, 346, 370–371, 379, 382, 425, 431, 433, 435.

[7] Сулейманов А.Р. Национальная идея как атрибут государственности: политический миф или реальность // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21). — С. 115–118.

[8] Сулейманов А.Р. Этническое измерение национальной безопасности современной России // Вопросы политологии. — 2013. — № 3. — С. 112–117.

[9] Хадимуллин Р.Р. Историография изучения социально-экономического развития западных башкир в XVII — первой половине XIX вв. // Вестник

Башкирского университета. — 2006. — Т. 11. — № 4. — С. 113–158.

[10] Хадимуллин Р.Р. Социально-экономическое развитие западных башкир в XVII — первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Башкирский государственный университет. — Уфа, 2007.

[11] Хадимуллин Р.Р. Социально-экономическое развитие западных башкир в XVII — первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Башкирский государственный университет. — Уфа, 2007.

[12] Хадимуллин Р.Р., Хадимуллина Э.Д. Экономическое развитие западных башкир в XVII — первой половине XIX вв. — Уфа: РИЦ УГНТУ, 2014. — 108 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ

ЦЕНТР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БИСТ: ОБУЧАЕМ ПОМОЩНИКОВ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТСКИХ САДОВ

Качеству дошкольного образования всегда уделялось большое внимание. Сегодня эта проблема особенно актуализировалась: дети — и это во многом результаты влияния компьютера, интернета — стали более развитыми, они интересуются вопросами, о которых их сверстники даже в недалеком прошлом и не задумывались. А это значит, что повысились требования и к подготовке сотрудников детских образовательных учреждений, и мы не могли остаться в стороне от решения этой важной для государства задачи.

Центр дополнительного профессионального образования БИСТ организованы и проводятся курсы повышения квалификации для помощников воспитателей детских садов. 22 октября в МАДОУ «Детский сад № 208 комбинированного вида» Октябрьского района города Уфы прошли первые занятия по программе дополнительного профессионального образования «Организация жизни детей дошкольного возраста в ДОУ в соответствии с ФГОС».

Практический психолог, руководитель Психологической службы БИСТ К.И. Смирнова познакомила слушателей с основными подходами к организации психолого-педагогического сопровождения ребенка и его семьи, методами диагностики в педагогическом процессе, новыми формами организации совместной игровой и самостоятельной детской деятельности.

Основной акцент в ходе беседы был сделан на необходимости формирования у детей коммуникативных умений в ходе совместной взросло-детской (партнерской) деятельности. Ведь именно развитие устойчивых навыков общения является приоритетным основанием обеспечения преемственности дошкольного и начального общего образования, необходимым условием успешной учебной деятельности.

Второй блок вопросов был посвящен обсуждению нормативно-правовых основ

в сфере дошкольного образования. Е.В. Феоктистова, директор Центра дополнительного профессионального образования БИСТ, кандидат юридических наук, познакомила слушателей с изменениями, внесенными в последние годы в действующие нормативно-правовые акты в сфере образовательной деятельности. Работники детского сада подробнее познакомились с новым Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», с приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». Были обсуждены новые квалификационные требования, предъявляемые к помощникам вос-

питателей детского сада, пределы и размеры их персональной ответственности и их должностные инструкции.

Результатами совместной работы остались довольны все: и помощники воспитателей, получившие исчерпывающие ответы на вопросы, непосредственно связанные с их практической деятельностью, технологиями разреше-

ния нестандартных или конфликтных ситуаций в детской среде, и преподаватели, получившие удовлетворение от того, что материал, который они предложили для обучения, был актуальным, интересным и — главное — полезным для слушателей.

Работа с сотрудниками дошкольных учреждений будет продолжена.

ОБСУЖДАЕМ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

22 октября в Башкирском институте социальных технологий состоялся круглый стол на тему «Регионализация миграционных процессов в условиях российского федерализма».

Одна из самых актуальных и сложных проблем в современной России — миграционная. Регионализация миграционных процессов в условиях всеобщей глобализации стала толчком для расстановки новых акцентов в корректировки миграционной политики современных государств. Профессиональное управление в современных условиях процессами внешней и внутренней миграции в России во многом зависит от широкомасштабной модернизации той среды, в которой они протекают. И не последнее значение в вопросе в концептуализации миграционных процессов и их обосновании занимает мнение научно-экспертного сообщества.

В дискуссии приняли участие ведущие российские эксперты: В.В. Шмидт, доктор философских наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Мо-

сква); М.А. Фонарев, Президент Евразийского политологического экспертного клуба (г. Москва); Р.А. Шагапова — заместитель председателя Комитета Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан по аграрным вопросам, экологии и природопользованию; И.У. Зулькарнай, доктор экономических наук, профессор Башкирского государственного университета и др., преподаватели и студенты БИСТ и других вузов республики

Какие изменения ждут миграционную политику России в ближайшее время, как ужесточение миграционных правил скажется на качестве трудовых мигрантов, прибывающих в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья и сколько трудовых мигрантов все-таки необходимо для нормального развития крупнейшего государства — реципиента? Может ли ужесточение миграционного законодательства решить проблемы с нелегальной миграцией? Эти и другие аспекты обсуждались горячо, но очень корректно. Позиции были разными даже на само понятие «миграция». Спикеры заседания — Т.А. Нигматуллина, доктор политических наук, профессор директор БИСТ, и В.В. Гайдук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и истории БашГУ — направляли обсуждение в нужное русло.

На заседании были затронуты также вопросы контроля миграционных потоков, формирования отношения к мигрантам внутри принимающего общества и влияния, которое оказывают мигранты на ту среду, в которую они интегрируются. Эти проблемы особенно важны для постсоветского пространства, поскольку на процесс национального строительства в ре-

гионе накладываются разнородные волны миграции.

М.А. Фонарёв проинформировал о двойственной и противоречивой миграционной политике в Европе, и о том, что в обществе существуют радикально противоположные позиции касательно того, следует закрывать границы или нет. При этом он признал, что полностью запретить миграцию невозможно в любом слу-

чае — как по экономическим, так и по демографическим причинам.

С точки зрения И.У. Зулькарная, миграция является в значительно большей степени экономическим, чем политическим явлением. Однако этот вопрос часто используется политиками в популистских целях, чтобы привлечь к себе внимание перед выборами.

Совсем иными оказались позиции А.Р. Сулейманова и М.А. Беляева в определении понятия и сущности миграции. Каждый из них приводил свои аргументы, свои возражения. А в выигрыше оказались в первую очередь студенты, которые стали непосредственными участниками по-настоящему научной дискуссии.

В ходе обсуждения было принято общее решение о необходимости дальнейшей разработки данной проблематики, концентрации внимания на каждом отдельном аспекте миграционной ситуации и механизмах взаимодействия мигрантов и принимающего общества.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА — В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ИНСТИТУТА

Подготовка замещающих родителей проводится в БИСТ с 17 июня 2013 года, за это время на курсах обучились 388 родителей из 23 муниципальных районов.

27 ноября 2014 г. прошло торжественное вручение свидетельств слушателям курсов, прошедшем обучение по программе подготовки лиц, желающих принять в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей.

С замещающими семьями работали квалифицированные преподаватели, имеющие опыт в семейной педагогике и психологии. На все необходимые юридические вопросы слушатели курсов получили полные ответы на занятиях и индивидуальных консультациях с юристом. Формат проводимых занятий — лекции, семинары, индивидуальные консультации и обязательное психологическое тестирование MMPI.

Специально для этих курсов разработана рабочая тетрадь для будущих приемных роди-

телей. В ее содержании: советы родителям, основные правила общения с ребенком, особенности психологического развития ребенка, виды взаимодействия, мотивы психологического поведения ребенка, упражнения для самостоятельной работы и домашнее задание.

ОБУЧАЕМ ГОССЛУЖАЩИХ

20 декабря 2014 г. состоялось вручение удостоверений слушателям курсов повышения квалификации по программе дополнительного профессионального образования «Управление государственными и муниципальными закупками». Слушателями курсов были со-

трудники Управления делами Президента Республики Башкортостан и Управления Федеральной миграционной службы по Республике Башкортостан.

Цель курсов — комплексное обновление знаний государственных гражданских служащих в сфере закупок товаров, работ, услуг. Формат занятий: лекции на темы: «Общие положения контрактной системы», «Порядок осуществления закупок», «Планирование и обоснование закупок», «Способы определения поставщиков», «Государственные и муниципальные контракты», «Мониторинг, аудит и контроль в контрактной системе; деловые игры по размещению закупок: «Процедура вскрытия конвертов с заявками на открытый конкурс», «Электронный аукцион» и «Закупка продукции путем запроса котировок».

НАУКА

ОТКРЫТАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦИЯ «ПСИХОЛОГ НА СТРАЖЕ ПРАВ РЕБЕНКА»

20 ноября в Башкирском институте социальных технологий состоялась Открытая научно-практическая видеоконференция «Психолог на страже прав ребенка», посвященная Всемирному Дню ребенка, 55-летию принятия Декларации прав ребенка, 25-летию принятия Конвенции прав ребенка Генеральной Ассамблеей ООН.

Организаторами конференции выступили: Администрация городского округа город Уфа Республики Башкортостан, Комитет по молодежной политике Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан, Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений» и МБУ Городской центр психолого-медико-социального сопровождения «ИНДИГО» городского округа город Уфа Республики Башкортостан.

Участники конференции — сотрудники правоохранительных органов, представители государственных организаций и учреждений, оказывающих психологическую и психолого-педагогическую помощь детям и их семьям, работники системы образования, примирительных служб, социальной защиты населения, здравоохранения, сферы молодежной политики, научного сообщества и общественных организаций Республики Башкортостан.

В ходе работы конференции были обсуждены такие вопросы, как:

Семья: от проблем к достижениям.

Психологическая помощь детям: основные направления работы.

Психологическое сопровождение детей с особыми потребностями.

Модель оказания психологической помощи ребенку в кризисных, экстремальных ситуациях.

Восстановительные программы как инструмент профилактики в работе с подростками.

Психологическое сопровождение субъектов образовательного процесса.

Работа по профилактике ВИЧ инфекции и других социально значимых заболеваний среди молодежи.

Насыщенным было пленарное заседание. Гостей и участников конференции приветствовали: Т.А. Нигматуллина, доктор политических наук, профессор, директор Башкирского института социальных технологий; М.М. Скоробогатова, Уполномоченный по права ребенка при Президенте Республики Башкортостан; А.Г. Дербеко, заместитель председателя Комитета по молодежной политике Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан, О.И. Реутская, директор МБУ Городской центр психолого-медицинско-социального сопровождения «ИНДИГО» городского округа город Уфа Республики Башкортостан.

Большой интерес вызвало выступление Капустиной Светланы Николаевны, старшего инспектора организационно-контрольного отдела Следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан, в котором была представлена аналитическая информация о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних за девять месяцев текущего года в нашем регионе.

В рамках пленарного заседания в режиме он-лайн состоялись видеомосты с Городским центром «Семья» (г. Самара), Комплексным центром социального обслуживания детей и молодежи «Доверие» (г. Казань), Социально-психологическим центром помощи и поддержки молодежи «Социум» (г. Волгоград), Центром психолого-медицинского сопровождения (г. Пермь).

Участники конференции отметили актуальность поднятых для обсуждения проблем и особую роль психологов в решении проблем дет-

ства. Выступающие подчеркнули, что следует повышать престижность профессии психолога в целом и работы по защите прав детей, в частности, необходимо дальнейшее развитие психологической практики и поиск новых подходов к психологическому сопровождению детей и их семей.

Вторая половина дня была посвящена секционным заседаниям в соответствии с обозначенными направлениями работы конференции.

Результатом коллегиального обсуждения стало принятие резолюции, в которой участники одобрили практику проведения научно-практических конференций с участием практических психологов по вопросам защиты прав детей и рекомендовали их проведение на регулярной основе.

Благодарим всех участников конференции за конструктивный диалог, возможность обменяться опытом и искреннее желание дальнейшего сотрудничества!

УЧЕНЫЕ И ПРАКТИКИ ОБСУЖДАЮТ ПРОБЛЕМЫ ЖКХ

17 декабря 2014 года в институте прошла Международная научно-практическая конференция «ЖКХ как фактор социального благополучия граждан», которая собрала широкий круг участников — руководителей и работников Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан, Агентства по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан, Администрации городского округа г. Уфа, Федерации профсоюзов Республики Башкортостан, НКО «Центр общественного контроля в сфере ЖКХ Республики Башкортостан», управляющих компаний, образовательных учреждений.

География участников достаточно широка: это города Москва, Анжеро-Судженск, Донецк, Макеевка, Кемерово, Иваново, Уфа, Баймак, Благовещенск, Нефтекамск, Туймазы и др. В режиме он-лайн приняли участие представители Донбасской национальной академии строительства и архитектуры: Михаил Федорович Иванов, заведующий кафедрой «Менедже-

мент организаций», и Лариса Владимировна Беззубко, доктор наук по государственному управлению, профессор кафедры «Менеджмент организаций» (Украина).

На конференции были обсуждены вопросы информационного обеспечения прозрачности функционирования организаций ЖКХ, правовые и экономические аспекты деятельности предприятий ЖКХ в современных условиях, социальные технологии самоорганизации граждан в сфере ЖКХ; деятельность профсоюзов по защите корпоративных интересов населения и работников отрасли.

Пленарное заседание открыла Т.А. Нигматуллина. В своем приветственном слове она познакомила участников конференции с той работой, которую ведут преподаватели и студенты для продвижения реформы ЖКХ: это и обучение работников этой сферы, и реализация проекта «Молодежный ресурс — реформе ЖКХ», занявшего 1-е место на всероссийском конкурсе «Моя страна — моя Россия» и ставше-

го финалистом молодежного форума на Селигере, и создание Агентства «ЖКХ-технологии» с постоянно действующей лабораторией, где представлены новинки энергосберегающих технологий и приборов, и работа с общественными контролерами в рамках Университета третьего поколения, и вовлечение членов Детской общественной правовой палаты института к выполнению социальной миссии каждого гражданина — они обследовали состояние детских спортивных площадок и подготовили аналитический отчет по результатам своей работы, и многое другое.

На пленарном заседании с докладом «Законодательное обеспечение реформ ЖКХ» выступила Е.А. Родина, депутат Государственного собрания — Курултая Республики Башкортостан, председатель Комитета ГСК РБ по жилищной политике и инфраструктурному развитию.

Деятельность органов власти для эффективного функционирования жилищно-коммунальной отрасли осветил Ю.Е. Кислицин, первый заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан.

На вопросах развития Уфимского городского хозяйства и взаимодействия с гражданами остановились С.С. Хусаинов, первый заместитель главы Администрации городского округа г. Уфа, и А.А. Федосов, начальник Управления по обеспечению жизнедеятельности города Администрации городского округа город Уфа. М.А. Газизов, кандидат политических наук, за-

меститель руководителя Агентства по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан, и А.Г. Альмухаметов, заместитель директора ТРК «Башкортостан», поделились опытом работы СМИ и обозначили проблемы при проведении просветительной и разъяснительной работы о правах и обязанностях каждого гражданина.

Е.В. Агитаев, начальник отдела ЦК профсоюзов жизнеобеспечения (г. Москва), свое сообщение посвятил вопросам социального партнерства в сфере ЖКХ.

Роль общественного контроля в формировании активных ответственных собственников жилья стало темой выступления А.Н. Дубовского, руководителя регионального центра общественного контроля Республики Башкортостан.

С особым вниманием участники конференции слушали выступления украинских коллег, которые, несмотря на непростую ситуацию в стране, продолжают активно работать и вести научные разработки, в том числе, и по вопросам жилищно-коммунального хозяйства.

Работа конференции продолжалась на секциях — «Формирование социально ответственного собственника в сфере ЖКХ: технологии самоорганизации и информационная открытость» и «Правовые и экономические аспекты деятельности ЖКХ. Профсоюзы на защите корпоративных интересов работников ЖКХ». Дискуссии были бурными, но, как известно, именно в споре рождается истина.

ШКОЛА МОЛОДОГО ЛИДЕРА

ПРОФСОЮЗНЫЕ ЛИДЕРЫ — В ПРОФСОЮЗНОМ ВУЗЕ!

11 декабря в Башкирском институте социальных технологий прошла встреча с Председателем Федерации Независимых Профсоюзов России М.В. Шмаковым и Председателем Федерации профсоюзов Республики Башкортостан А.М. Самирхановым.

Встречу гостей организовал Студенческий профком БИСТ.

Студенты — члены Спорт- и Студклуба продемонстрировали почетным гостям тренировочный и репетиционный процесс: И.С. Гизатуллин, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Мастер спорта Советского Союза по самбо, проводил в Зале боевых искусств очередную тренировку спортсменов. В большом спортивном зале под руководством студента 1-го курса финансово-экономического факультета Рамиля Хамматова тренировались волейболисты. В актовом зале шла репетиция театра народного танца «Аксарлак» (руководитель Аскар Набиуллин), в малом танцевальном зале — театра современных постановок «Антре» (помощник руководителя — студентка факультета заочного обучения Евгения Котова).

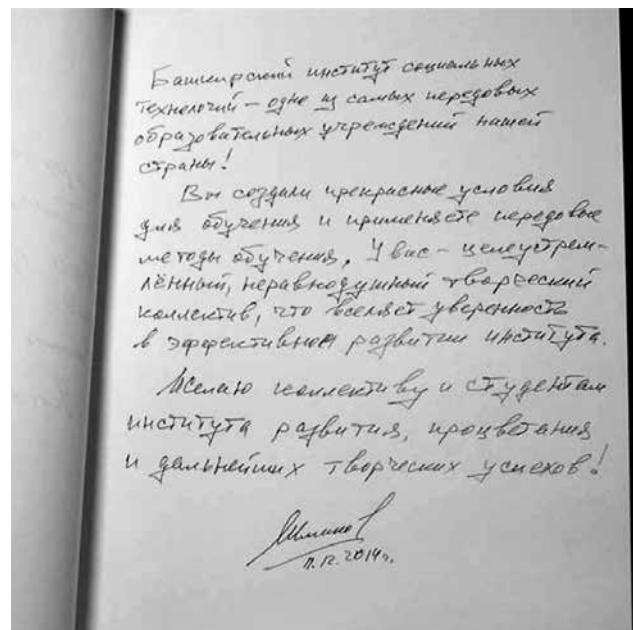
Пресс-центр БИСТ (руководитель — студент 4-го курса юридического факультета Денис Салимгареев) снимал кадры для будущей видеоподкасты.

В Конференцзале гостей ждали студенты, члены Детской общественной правовой палаты БИСТ и Детской Ассамблеи народов России, созданной совсем недавно в нашем институте.

Вопросы задавали обе стороны: и Михаил Викторович, и ребята. Вопросы были отнюдь не простыми, но интересными. Михаил Викторович рассказал о структуре Федерации Независимых Профсоюзов России, о своем отношении к институту медиаторства, оценил работу профсоюзов в регионах.

В завершении встречи — фотография на память. Все сошлись в одном: встреча была полезной, а Председатель Федерации Независимых Профсоюзов — тот человек, которому веришь и за которым хочется идти.

Михаил Викторович тоже выразил свое отношение, сделав запись в Книге почетных гостей:

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

10 декабря — в международный День прав человека — состоялся Круглый стол «Правовое просвещение как фактор повышения гражданской активности молодежи». Поднятая для обсуждения проблема более чем актуальна. Формирование гражданской и жизненной позиции молодежи, ее желание участвовать в принятии государственных решений — это залог национальной безопасности государства. Именно данная возрастная группа представляет собой наиболее социально активную часть населения. Она — основной электоральный резерв общества: каждый четвертый потенциальный избиратель — молодой человек в возрасте до 30 лет.

Организаторами Круглого стола выступили Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан и Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений».

Круглому столу предшествовал семинар-тренинг «Институт выборов в современной России: теория и практика». Для его участников — председателей и членов территориальных и участковых избирательных комиссий Республики Башкортостан — К.И. Смирнова, руководитель Психологической службы Башкирского института социальных технологий, провела психологическое тестирование «Стратегия преодоления и предупреждения сложных ситуаций в работе избирательных комиссий». А затем руководитель Агентства

примирительных технологий Башкирского института социальных технологий, профессиональный медиатор М.А. Беляев и старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Р.М. Тухватшин провели тренинг «Технологии предупреждения и разрешения конфликтов в избирательном процессе».

Участниками Круглого стола стали члены территориальных и участковых избирательных комиссий Республики Башкортостан, представители образовательных учреждений г. Уфы, а также — в режиме он-лайн — Д.И. Паньшин, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (г. Москва); члены территориальной избирательной комиссии города Стерлитамака, преподаватели и студенты Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, члены территориальной избирательной комиссии муниципаль-

ного района Туймазинский район и преподаватели и студенты Туймазинского государственного юридического колледжа.

Модераторами выступили Х.А. Валеев, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, доктор политических наук, и Т.А. Нигматуллина, директор Башкирского института социальных технологий, доктор политических наук.

Выступая перед участниками, председатель Центризбиркома республики назвал одной из актуальных проблем современного российского общества невысокую социальную и политическую активность россиян. Он обозначил общую задачу — воспитание молодого поколения, социально активного и адекватного современности и вкратце проанализировал участие молодых избирателей в досрочных выборах Президента Республики Башкортостан осенью этого года, где их участие составило 63,9% (для сравнения: на выборах в 2013 году — 49,4%). Но были времена, — заметил Хайдар Арсланович, — когда активность молодежи на выборах составляла более 80%.

Танзила Алтафовна остановилась на работе Детской общественной правовой палаты, созданной в институте два года назад. «Сегодня члены Палаты не только изучают основы права, но и сами занимаются правовым просвещением своих сверстников, проводят социальные акции, акцентируя внимание взрослых на «детских» проблемах. Это, к примеру, обследование состояния детских спортивных площадок в городе, анкетирование учащихся республики по вопросам организации школьного питания и многое другое.

В числе выступавших были член ЦИК России Д. Паньшин, председатели ТИК Г.М. Алчинов, С.М. Герасимова, председатель Клуба молодого избирателя А. Назаров (г. Стерлитамак), Уполномоченные по правам человека Республики Башкортостан — Р.Ф. Каюмов и по правам ребенка — М.М. Скоробогатова, ученые, преподаватели и студенты колледжей и вузов.

В результате был определен набор наиболее эффективных технологий повышения правовой грамотности детей и молодежи, их электоральной активности и социальной ответственности.

CONTENTS

BASES OF SOCIAL WELFARE STATE

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,

Doctor of Historical Science,

Professor of the Sociology and Management Department
of Moscow State Automobile and Road Technical University

NIGMATULLINA Tanzelya Altafovna,

Doctor of Political Science,

Director of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

POLITICAL VECTORS OF MODERN RUSSIA YOUTH ENCOURAGEMENT TECHNOLOGIES

The article considers the potential ways of encouragement to motivate people to lead an active way of life in various spheres of social development. The particular set of motivation related to the younger generation is emphasized. In addition to the above, the system of youth encouragement is regarded as a subsystem of a bigger formation as political system. The necessity of effective management of the youth motivating processes is proven.

Key words: the youth, motivation, political system, information environment, creativity index, corporate accountability, technologies.

DAVLETSHINA Gulnara Rafisovna,

Candidate of Philosophical Sciences,

Senior Lecturer of Philosophy Chair
Bashkir State University

DIFFICULTIES OF ADAPTING THE RUSSIAN SOCIETY INDIVIDUALS TO THE MODERN CONDITIONS

The Individuals of the Russian society proved to be incapable of creative and innovative activity which to a great extent determined the difficulties of their adaptation in the risk society.

Key words: forced adaptation, risk society, deviant behaviour, social and cultural space.

KHASANOV Fidel Zagirovich,
Candidate of Political Sciences,
Assistant Judge of the Supreme Court
of the Republic of Bashkortostan

THE MAIN STATE POLICY DIRECTIONS IN THE AREA OF PUBLIC HEALTHCARE

The article is devoted to the main directions of state policy in the field of healthcare: the main goals, objectives and courses; highlights of the problems of implementation and ways of improvement.

Key words: healthcare, state policy, healthcare system, health.

VYALYKH Nikita Andreevich,
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer at the Department
of Theoretical Sociology and Methodology
of Regional Studies at Southern Federal Universit

MEDICAL CARE SYSTEM IN THE USA AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

This article contains a comparative analysis of Russian and US medical care systems. The comparison of medical care systems shows that US healthcare is characterized by high quality but limited financial access to medical services and low population coverage by governmental medical insurance programs. Russian medical care system is relatively accessible to all citizens but in a minimal volume. Both in the USA and Russia the reforms of health sector take place at the moment. There is tendency towards increasing of the government regulation of medical insurance in the USA. The Russian government, on the contrary, is progressively delegating its authority to other agents.

Key words: healthcare reform, medical care, medical insurance, medical care accessibility.

MANAGEMENT SOCIOLOGY

KHAYRETDINOV Ruslan Ayratovich,

Senior Lecturer of the Institute of Law

of Bashkir State University

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF THE STATE PUBLIC SERVICE IN MODERN RUSSIA

In modern Russia one of the most important objectives is the formation of the effective system of public administration. The search for the optimal level of the government involvement in regulation of social relations is the key judicial modernization problem. Thereby the nature of the realization of the government abilities depends significantly on the level of the state public service organization, professional and personal qualities of the public officers.

Key words: management, state public service, institute, dichotomy, bureaucracy, efficiency, democracy, control, construction.

MYASOEDOVA Viktoria Aleksandrovna,

Candidate of Economic Sciences,

Assistant Professor,

Rector of Institute of Management Systems

of Economy and International Law,

Doctoral Candidate of Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

METHODOLOGICAL MECHANISMS OF ADMINISTRATIVE ELITE FORMATION

The article determines the ways and mechanisms of administrative elite formation in the framework of strategic management and its significance in the process of training of personnel for state and local government.

Key words: strategic management, innovative economy, elite education, concept of participative management, sociocultural environment, elitist education.

GOLOVKO Julia Markovna,
Candidate of Historical Sciences,
Doctoral Candidate of the National and Federal Relations Chair,
Institute of Public Administration and Management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

SOCIAL NETWORKING SITES IN THE FUNCTION SYSTEM OF YOUTH POLITICAL FRAMEWORK

Communication sphere of the social development demands multi-structural institutions for its effective function. The social networking could be regarded as one of such institutions. It possesses the ability to engage the maximum number of young people by means of its dynamic and interactive nature.

This article regards the main inclusiveness principles as the indicator of the functioning deliberative democracy in modern society using the example of interaction of social networking with youth political structures. Let us observe how the inclusion of the social networking processes gives opportunities for the effective communication between actors of political activities.

Key words: youth political structures, social networks, policy, communication, deliberative democracy, Internet, communication society.

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

BENINA Larisa Ivanovna,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University

CROSS-TEMPORAL ANALYSIS OF POLITICAL CULTURE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY

The article covers the complicated and contradictory process of the political culture development of Russian society. The peculiarities of the pre-revolutionary, Soviet and modern stages of the said progress are analysed.

Key words: political culture, political culture dynamics, stages of political culture development, political traditions, stereotypes, norms and values.

SULEYMANOV Timur Fuatovich,
Candidate of Philosophical Sciences,
Assistant Professor, the Head of the Social,
Humanitarian and Economic Studies Chair,
the Ufa branch of the Moscow State Academy
of Water Transport

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF POLITICAL CULTURE (Part 2)

The article covers the social and cultural components of political culture.

Key words: knowledge, language, consciousness, world view, orientations, norms, values, symbols, tradition, morality, ideology, behaviour.

SULEYMANOV Timur Fuatovich,

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor,
the Head of the Social, Humanitarian and Economic Studies Chair,
the Ufa branch of the Moscow State Academy of Water Transport*

KASHAPOV Ural Abubakirovich,

*Candidate of Historical Sciences,
Senior Teacher of the Physical Education, Health and Safety Faculty,
Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagilov*

ABDRAFIKOVA Larisa Viacheslavovna,

*Higher Category Teacher of History and Social Studies,
Secondary General School № 27, Ufa*

LEADERISM AS A KEY ELEMENT OF FASCIST IDEOLOGY (Part 2)

This article covers the phenomenon of leaderism as a key element of the fascism ideology, the core and nature of “fuhrer state”, “fuhrer — nation — masses” system of social relations and their social-psychological features.

Key words: ideology, totalitarianism, fascism, national socialism, party, leader, fuhrer, state, irrationalism, psychological structure, deformation, collective consciousness, individual consciousness.

ETHNOPOITICAL CONFLICT MANAGEMENT AND NATIONAL POLICY

AMINOV Ildar Rinatovich,
Candidate of Juridical Sciences,
Assistant Professor of Public Law Chair,
Institute of Law, Bashkir State University

CONSTITUTIONAL LEGAL SUPPORT OF ETHNICITY SELF-DETERMINATION IN RUSSIAN FEDERATION

This article examines the constitutional and legal equality and self-determination of the ethnicities in Russia whether they satisfy the generally recognised principles of democratic, constitutional and social state.

Key words: self-determination of nations, federation, multinationality, region, demography, political system, national policy, nation, statehood, ethnic elite.

GAIDUK Vadim Vitalyevich,

Doctor of Political Science,
Candidate of Juridical Sciences, Professor,
Head of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University,
Head Editor of "Political Regional Studies and Ethnopolitics",
Member of Federal Council of Russian Politologist Society

POLITICAL MEDIATORS ETHNOSOCIAL AND INTERCULTURAL LINES OF COMMUNICATION

The existing asymmetric model of the federal structure of Russia as well as the practise of execution ethnic, regional and federative relations within its frame does not allow in full extent to ensure long-term and guaranteed standards of protecting the national unity of the state in political and legal framework. The article regards all the opportunities to assimilate mediative technologies and communications to federal fabric of the state in order to reach compromise political decisions at the level of subordinate entities of the Federation for the further strengthening of the ethnic unity in Russia.

Key words: communications, political mediation, region, federalism, elite, national security, national unity, heads of subordinate entities of the Federation, scientific and expert community.

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

Candidate of Political Sciences,

Head of the Trade Union and Labor Law Chair,

Bashkir Institute of Social Technologies (branch)

of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa),

Ph. D. Candidate of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

ETHNIC GROUPS AND NATIONS IN MODERN POLITICAL THEORY: “BICAPITATE” APPROACH

In political science same as in reality the arguments between two scientific school (Primordialism and Constructivism) take place as they understand the essence of ethnic and national differently. The absence of uniform understanding of the notions like “ethnic group”, “nation” and “nationality” not only becomes the stumbling block for the academic community but also might lead to stirring and escalation of the international or interethnic conflicts in the society. Not to mention the fact that ethnic or nationality cards are often played by political forces of various kinds in their own interests that are nowhere near the actual ethnic and national practices and definitely not promoting national solidarity in Russia. The article covers the problematic aspects of double-pole understanding of ethnic groups and nationalities from the point of view of national solidarity in modern Russia and guaranteeing its integrity and security.

Key words: Political Science, ethnic groups, nation, Primordialism , Constructivism, national security, integrity.

ABDULMAZITOV Rinat Rafilievich,

Executive Director of Institute of Energy Resources

Transportation Problems of Bashkortostan,

external doctorate student of National

and Federative Relations Chair of Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

ENERGY PROCESSES IN CENTRAL ASIA: POLITICAL ASPECT

Strategic significance Central Asia and its vast reserves of energy resources inalterably draw attention of the outside world. Russia is traditionally the strongest player in this region. However at the moment China is actively expanding its participation in the power-generating sector of Central Asia, its influence is rapidly increasing challenging Russian positions in the region. In the article Central Asia is regarded as an object of energy resources consolidation and a subject of energy processes.

Key words: Political Science, energy processes, Central Asia, energy resources, integration, competition.

LUKIANCEV Andrej Sergeievich,

*Head of Youth Department of the Russian Society
of Political Experts in the Republic of Bashkortostan,
3-year student of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University*

CONFLICT-FREE POLITICAL DEVELOPMENT. THE CASE OF ASIA-PACIFIC REGION

Globalization is the process that covers all the political legislative institutional segments of the world order. It means that the most important factor is maintaining the stable relationships with various actors. At the present moment Asian-Pacific region is regarded as a territory rapidly developing socially and economically. Due to that the Far Eastern Federal District of Russia has opportunities to broaden its options.

This article examines the main pre-emptive characteristics of Russian Far East and Asia-Pacific Region, and analyses the prediction data of the region investment potential along with the possibility of Republic of Bashkortostan engagement as an important actor of the further cooperation. It is of importance that all the presented facts and processes influence directly the conflict-free social and economic development of the region.

Key words: Asia-Pacific region, political stability, globalization, international relations, regional relations, the Far Eastern Federal District.

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGION STUDIES

VALKOV Aleksei Alekseevich,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University

CONCEPT OF RELIGIOUS IDEOLOGY AND VARIETY OF ITS FORMS

In the process of teaching a new course of "Political Ideology" to the students of Political Science Department the author of the article faced the problem of the low level development of theoretical aspects of Religion Ideology in Higher Education. It was decided to the best of the author's ability to try and fill the gap in this academic field.

Key words: Political Science, religion, religious ideology, form, diversity, social ideal.

BIKTAGIROVA Alsu Rashitovna,
Candidate of Psychological Sciences,
Assistant Professor of Applied Psychology
and Deviant Behaviour Chair,
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa)

SAYAHOV Ruslan Linitsevich,
Deputy Chairman of Muslim Spiritual Board
of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

HUMAN RESOURCE DEVELOPMENT IN RELIGIOUS ORGANIZATIONS BY THE EXAMPLE OF MUSLIM SPIRITUAL BOARD OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article discusses the analysis of the organizational process: human resource development analysis; organizational structure characteristics of the functional department — muhtasibat — personnel are regarded. On the ground of the reached conclusions the following recommendations on human resource development as a factor of religious organizations development were formulated; they are presented by units: administrative, functional, communicative, social and pedagogical.

Key words: organization, human resources, organizational structure, innovation, muhtasibat.

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION AND UPBRINGING

DAVLETSHINA Gulnara Rafisovna,

Candidate of Philosophical Sciences,

Senior Lecturer of Philosophy Chair, Bashkir State University

PROKSHINA Lira Rifgatovna,

Candidate of Philosophical Sciences,

Assistant Professor of the History of State and Law Chair,

Bashkir Institute of Social Technologies (branch)

of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

THE RATIO OF THE GAME AND VALUE ORIENTATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL SUBJECTIVITY IN CONTEMPORARY SOCIETY

The game is assessed from the perspective of humanistic worldview. There is a need for mechanisms for the recovery of humanistic ideals in social institutes, in particular, in the game. The state should be the guarantor.

Key words: game, humanism, dehumanization, state.

PROKSHINA Lira Rifgatovna,

Candidate of Philosophical Sciences,

Assistant Professor of the History of State and Law Chair,

Bashkir Institute of Social Technologies (branch)

of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

GAME AS ADAPTATIONAL INDIVIDUAL POTENTIAL IN DYNAMIC SOCIETY

The game for individuals of modern society is the potential that painlessly adapts to dynamic society.

Key words: adaptation, risk society, game, individual.

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND HISTORICAL METHODS OF RESEARCH

SOYEGOV Muradgeldi,

*Doctor of Philological Sciences, Professor,
Member of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
Senior Research Employee of the National Institute of Manuscripts
of the Academy of Sciences of Turkmenistan*

REPRESSED NATIONAL PHILOLOGY: INNOCENT VICTIMS OF GREAT PURGE 1937–1938

The article is dedicated to the brief description of Turkmenian linguists and literary figures' lives and work during the 20s–30s of the XX century: Gurban Sähedorow (1905–1938), Allaguly Garahanow (1892–1938), Şemseddin Kerimi (1893–1937). They became the innocent victims of the existing order during the Great Purge of 1937–1938.

Key words: mother tongue and ethnic literature, political prosecution, repression, rehabilitation.

KHADIMULLIN Ruslan Robertovich,

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University*

KHADIMULLINA Elvira Damirovna,

*Candidate of Historical Sciences,
Teaching and Learning Specialist,
Printing and Publications Centre,
Ufa State Petroleum Technological University*

«MATERIALS ON THE HISTORY OF THE BASHKIR ASSR» AS A SOURCE OF SOCIO-ECONOMIC STUDY OF THE HISTORY OF WESTERN BASHKIRS IN THE 17–18 CENTURIES

The article characterises one of the important sources of social and economical development of western Bashkirs. The broad range of questions is discussed: the western Bashkirs' transition to farming; the gradual transfer of the large amount of Bashkir land in the hands of landowners and manufacturers; the exploitation of commoners and their further enslavement; interrelations in plural population. The outlined problems allow us to examine the economical interrelations and social structure of the whole Bashkir society.

Key words: Western Bashkirs, The Kazan Road, volost (district), farming, settlers, social and economic relations.

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

- экономика;
- юриспруденция;
- регионалистика и этнополитика;
- общественные науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, межстрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

10. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

11. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках**:

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5x6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2014. № 4 (25)

Компьютерная верстка А.Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т.Е. Бочарова

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 08.12.2014. Подписано в печать 25.12.2014.

Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 18,65.

Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Тираж 1500 экз. Заказ 167

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВПО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 237-24-82;
www.ufabist.ru;
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21
info@propriント02.ru